РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

КНИГА ТРЕТЬЯ

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» ВЪ ПАРИЖѢ

ПАРИЖЪ

1922

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» въ ПАРИЖѢ

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

КНИГА ТРЕТЬЯ

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» ВЪ ПАРИЖѢ

ПАРИЖЪ

1922

Тип. « Франко-Русская Печать », 216, Bd Raspail, Paris.

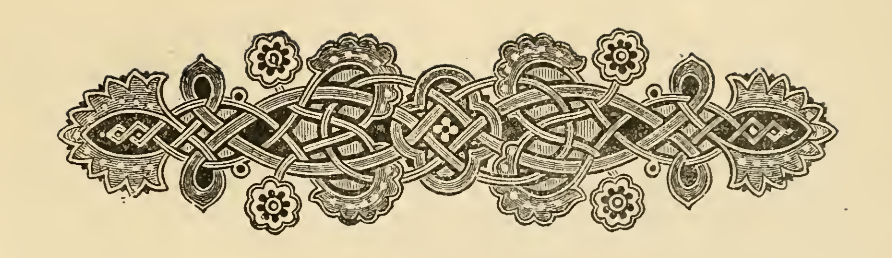
Николай

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ.

Его Императорское Высочество
Великій Князь
Николай Николаевичъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая читателямъ третья книга „Русской Лѣтописи“ содержитъ воспоминанія и документы, относящіеся къ обстоятельствамъ, въ которыхъ произошло отреченіе отъ престола Государя Николая Александровича.

Событіе это повлекло за собою крутой переломъ въ исторіи Россіи и въ самой жизни русскаго народа. Оно разрушило все его политическое равновѣсіе и было понято и арміей и массами какъ полное крушеніе государственной власти и ея нравственной силы.

Отреченіе Императора неизвѣстно Основнымъ Законамъ и противорѣчитъ ихъ точному смыслу.

Государь не могъ не сознавать этого. Но Онъ, который былъ такъ щепетиленъ во всемъ, что касалось правъ и обязанностей Верховной Власти, принужденъ былъ рѣшиться на этотъ, вдвойнѣ для Него тяжелый, шагъ, когда убѣдился, что окружающіе Его военачальники не видятъ другого исхода и въ душѣ своей отреклись отъ Него.

Дѣйствительно, всѣ документы, имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи, свидѣтельствуютъ, что многіе изъ окружавшихъ Государя высшихъ военныхъ начальниковъ, плохо разбираясь въ дѣлахъ внутренняго управленія, принимали за истину все, что имъ внушали главари Думскаго „блока“, и были всецѣло охвачены

нависшимъ надъ Россіей гипнозомъ, сотканнымъ изъ лжи и сплетень, распускавшихся революціонными агитаторами и ихъ вольными и невольными подголосками*). Они явно не понимали что передъ ними былъ простой мятежъ черни и тыловыхъ солдатъ, направленный не столько противъ Царя, сколько противъ всей государственности и противъ самой Россіи, мятежъ, который необходимо было немедленно и безпощадно давить всѣми доступными силами. Они твердо вѣрили въ „общественныхъ дѣятелей“, будто бы облеченныхъ довѣріемъ народа, въ спасительность политическихъ формулъ, въ силу словъ и уступокъ, и промедленіемъ и вялостью своихъ дѣйствій позволили мятежу получить развитіе и, превратившись въ революцію, охватить Россію и армію.

Воспоминанія А. С. Лукомскаго**), который, повидимому, и самъ былъ проникнутъ этимъ настроеніемъ, свидѣтельствуютъ, что Государь одинъ понималъ, что мятежу необходимо противопоставить силу, а не уступки Всѣ же окружающіе, въ Ставкѣ, были противъ этого и предлагали и навязывали Ему „отвѣтственное Министерство“, какъ искупительную жертву, имѣвшую утишить волненія, и слѣпо вѣрили въ силу этого волшебнаго средства.

Вмѣсто того, чтобы съ перваго же часа отрѣзать всѣ сообщенія Россіи съ центромъ пожара — Петроградомъ — всѣми мѣрами охранять фронтъ отъ проникновенія въ его ряды извѣстій о бунтѣ и двинуть на подавленіе надежныя войска, они не только не преградили вождямъ смуты возможности подавать по всѣмъ телеграфнымъ линіямъ свои распоряженія, но и собственными, безконечными телеграммами, посылавшимися для „оріентаціи“ другъ друга, разнесли

---

*) Какъ мы знаемъ теперь изъ записокъ А. И. Деникина, генералъ Алексѣевъ, а по словамъ послѣдняго, также и генералы Брусиловъ и Рузскій были освѣдомлены о подготовлявшемся еще въ 1916 году нѣкоторыми Думскими кругами заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью низложеніе Государя. (См. А. И. Деникинъ: „Очерки Русской Смуты“, вып. I, стр. 37, подробности въ отдѣлѣ „Библіографія“).

**) „Архивъ русской революціи“, т. II.

тревогу по фронтамъ ранѣе, чѣмъ туда могли дойти вѣсти другими путями.

И лишь только имъ удалось исторгнуть у Государя Манифестъ объ учрежденіи отвѣтственнаго передъ палатами Министерства, ихъ первой заботой было задержать и вернуть обратно воинскія части, двинутыя съ фронтовъ для подавленія мятежа.

Когда же наивная вѣра въ спасительность навязаннаго ими образа дѣйствій разсѣялась послѣ немногихъ словъ Родзянко, они спѣшно сговорились за спиною своего Государя и потребовали Его отреченія, положившись опять таки на слова людей, которые только что передъ этимъ увѣрили ихъ, столь же неосновательно, что „отвѣтственное“ Министерство все спасетъ и все устроитъ.

Правда они и на этотъ разъ скоро убѣдились въ своемъ преступномъ легкомысліи. Уже 3-го Марта, въ семь часовъ утра, генералъ Алексѣевъ, за день передъ тѣмъ подсказавшій Главнокомандующимъ мысль объ отреченіи, говорилъ: „Никогда себѣ не прощу, что повѣрилъ въ искренность нѣкоторыхъ людей и послалъ телеграмму Главнокомандующимъ по вопросу объ отреченіи Государя отъ престола“*). И тотъ почтительный тонъ, которымъ въ трагическіе дни 1 и 2 Марта генералъ Рузскій разговаривалъ по телеграфу съ Родзянко, скоро смѣнился тономъ явнаго къ нему недовѣрія. „Въ сообщеніяхъ Родзянко нѣтъ откровенности и искренности“. „Основные мотивы Родзянко могутъ оказаться невѣрными и направленными къ тому, чтобы побудить представителей арміи неминуемо присоединиться къ рѣшенію крайнихъ элементовъ, какъ къ факту совершившемуся и неизбѣжному“ — телеграфировалъ съ своей стороны генералъ Алексѣевъ Главнокомандующимъ 3-го Марта.

Но было поздно. Пожаръ успѣлъ охватить тыловыя войска и промышленные центры Россіи и въ

---

*) См. Воспоминанія А. С. Лукомскаго „Архивъ русской революціи“, т. III, стр. 269 примѣчаніе.

пламени его рушились и Царскій престолъ и всѣ основы государства.

А между тѣмъ потушить этотъ пожаръ въ началѣ не такъ было трудно. Этого не отрицаетъ и Ставка въ лицѣ генерала Лукомскаго. «Революціонное движеніе»—говоритъ онъ—«и въ этотъ періодъ времени (т. е. I Марта) потушить было еще возможно.» Онъ видѣлъ и способъ: — «немедленный отъѣздъ Государя въ раіонъ Особой Арміи и отправка въ Петроградъ и Москву сильныхъ и вполнѣ надежныхъ отрядовъ».

Это же признаютъ и сами дѣятели революціи. Въ ряду ихъ показаній особое мѣсто, по своему значенію, занимаютъ воспоминанія комиссара Путей Сообщенія А. А. Бубликова и инженера Ю. В. Ломоносова, которые въ рѣшительные дни распоряжались въ Министерствѣ и такъ много способствовали успѣху бунта.

Положеніе ихъ, въ смыслѣ освѣдомленности, было исключительное. Въ ихъ рукахъ находились телеграфныя и телефонныя сношенія по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ и они имѣли надежныхъ освѣдомителей въ лицѣ начальниковъ станцій и службы движенія. Они знали — и знали точно — все, что дѣлалось въ Петроградѣ и его окрестностяхъ. И оба они, нынѣ столь далекіе другъ другу — одинъ эмигрантъ, другой слуга Совѣтской власти — говорятъ одно и тоже. «Петербургскій гарнизонъ» — говоритъ Бубликовъ — «былъ настолько деморализованъ, на «верхахъ» такъ мало было толку, порядка и дѣйствительно властной мысли, что достаточно было одной дисциплинированной дивизіи съ фронта, чтобы возстаніе въ корнѣ было подавлено. Больше того, его можно было усмирить даже простымъ перерывомъ желѣзнодорожнаго сообщенія съ Петербургомъ; голодъ черезъ три дня заставилъ бы Петербургъ сдаться. Мнѣ это, сидя въ Министерствѣ Путей Сообщенія, было особенно ясно видно.

«Какъ въ Октябрѣ могли безъ чьего либо сопротивленія придти большевики, такъ въ Мартѣ могъ

еще вернуться Царь. И это чувствовалось всѣми; недаромъ вѣдь въ Таврическомъ Дворцѣ нѣсколько разъ начиналась паника*)».

Изъ воспоминаній же Ломоносова, не отходившаго всѣ эти дни отъ телефона въ Министерствѣ Путей Сообщенія, видно, что до отреченія исходъ бунта висѣлъ на волоскѣ. Двадцатитысячный гарнизонъ Гатчины оставался вѣрнымъ присягѣ, не допускалъ къ себѣ агитаторовъ, и лица, распоряжавшіяся въ Министерствѣ Путей Сообщенія, дрожали при мысли, что генералъ-адъютантъ Ивановъ, стоявшій на станціи Семрино съ георгіевскимъ батальономъ, прорвется къ Гатчинѣ и станетъ во главѣ тамошняго гарнизона. («Пахло висѣлицей» — пишетъ Ломоносовъ.) И только тогда, когда сдѣлалось извѣстно, что 2-го Марта, согласно распоряженію, данному изъ Министерства, удалось загромоздить путь изъ Семрина на Гатчину, поваливъ на немъ товарные поѣзда, у всѣхъ у нихъ «отлегло отъ души». «Заслуга Лебедева» (желѣзнодорожника, повалившаго поѣзда) говоритъ Ломоносовъ, «должна быть занесена на скрижали исторіи. Если бы ген. Ивановъ прорвался къ Гатчинѣ, исходъ Мартовской революціи могъ бы быть иной» **).

И вотъ, въ то время, когда въ Петроградѣ наиболѣе видные и освѣдомленные дѣятели бунта трепетали за успѣхъ своего дѣла и боязливо оглядывались на заслуженную ими висѣлицу, въ Ставкѣ рѣшили, что «надо сдаться на милость побѣдителя», поворачивали обратно направлявшіяся въ Петроградъ войска и убѣждали Государя отречься отъ престола.

Неудивительно, что когда эти люди поняли свои ошибки и воочію увидали послѣдствія принятыхъ ими поспѣшныхъ рѣшеній, ихъ охватилъ ужасъ передъ содѣяннымъ и преобладающимъ чувствомъ яви-

---

*) А. А. Бубликовъ. Русская революція. Нью-Іоркъ. 1920 г. стр. 58. Другія данныя см. въ отд. «Библіографія».

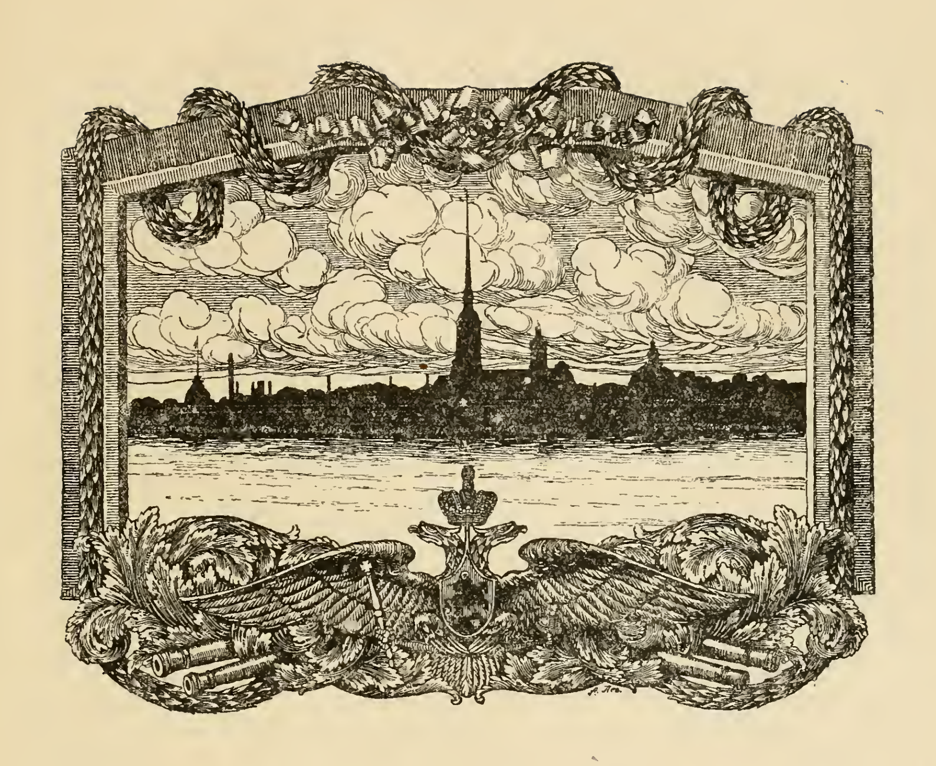
**) Проф. Ю. В. Ломоносовъ. Воспоминанія о Мартовской революціи 1917 года. Берлинъ — Стокгольмъ 1921 г. стр. 41 — 47.

лось стремленіе снять съ себя вину и такъ или иначе объяснить прошедшее въ свою пользу. Это чувство не могло не наложить отпечатка самооправданія на всѣ послѣдующія ихъ сужденія и воспоминанія. И посему ко всѣмъ ихъ показаніямъ приходится относиться съ извѣстной осторожностью, если даже не съ предубѣжденіемъ.

Стремясь, съ своей стороны, къ возможно полному выясненію истины, издатели даютъ мѣсто въ предлагаемомъ выпускѣ «Русской Лѣтописи», воспоминаніямъ представителей двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія на ходъ событій въ Псковѣ I и 2 Марта и на распредѣленіе отвѣтственности за нихъ между прикосновенными лицами. На долю будущихъ историковъ русской смуты выпадетъ обязанность, на основаніи болѣе полнаго матерьяла, подвести итоги и вынести окончательный приговоръ.

Само собою разумѣется, что издатели не принимаютъ на себя отвѣтственности за высказываемыя въ воспоминаніяхъ сужденія и оцѣнку событій, ограничиваясь лишь немногими примѣчаніями, отмѣчающими фактическія неточности, поскольку таковыя поправки могутъ быть обоснованы на безспорныхъ документахъ.

Они считаютъ, однако, себя обязанными отмѣтить, что, какъ видно изъ имѣющихся у нихъ данныхъ, которыя, во вниманіе къ ихъ высокому источнику, не подлежатъ пока болѣе подробному оглашенію, въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Николай Александровичъ сохранилъ особо тяжелое воспоминаніе о поведеніи генералъ-адъютанта Рузскаго въ дни 1 и 2 Марта въ Псковѣ.

КАКЪ ПРОИЗОШЕЛЪ ПЕРЕВОРОТЪ ВЪ РОССІИ.

Съ Октября 1914 года я имѣлъ высокую честь состоять при Государѣ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ для веденія ежедневной записи событій, начавшейся въ Іюлѣ этого года войны, касаясь собственно личной дѣятельности и личныхъ непосредственныхъ трудовъ Государя въ эту великую эпоху. Общія событія войны и явленія жизни Россіи я затрагивалъ лишь постольку, поскольку это было необходимо для ясности изложенія описываемыхъ фактовъ.

Мои «Записки-Дневники» — не историческое обслѣдованіе, для этого не настало еще время, — это просто описаніе тѣхъ дней, когда Его Величество, сначала только бывалъ при войскахъ, а затѣмъ, съ Августа 1915 года, непосредственно командуя своими арміями, пережилъ съ ними и радости и горе.

«Записки-Дневники» въ томъ видѣ, какъ они ежедневно велись, составляютъ очень обширный историческій матеріалъ. Небольшая часть этого матеріала была использована мною для составленія, съ Высочайшаго соизволѣнія, четырехъ выпусковъ изданія Министерства Императорскаго Двора, «Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ въ Дѣйствующей Арміи», за періодъ времени съ начала войны по Февраль 1916 года. Пятый выпускъ, посвященный годовому періоду (съ Февраля 1916 года по Февраль 1917 года) былъ совершенно подготовленъ къ печати, но переворотъ и революція помѣшали появленію его въ свѣтъ.

Настоящія записки подъ заглавіемъ: «*Какъ произошелъ переворотъ въ Россіи*» (Ноябрь 1916 г.- Апрѣль 1917 г.) составлены мною по уцѣлѣвшимъ моимъ записнымъ книжкамъ, замѣткамъ и по памяти. Весь подлинный офиціальный матеріалъ находится въ сохранности, но въ настоящее время я не имѣю возможности имъ воспользоваться.

Съ Ноября 1916 до конца Февраля 1917 года.

Въ концѣ Ноября, по служебнымъ дѣламъ, мнѣ пришлось пріѣхать изъ Ставки въ Петроградъ. Государь оставался въ Могилевѣ, и отъѣздъ Его Величества въ Царское Село предполагался въ половинѣ Декабря.

Столица поразила меня послѣ тихой, спокойной, дѣловой и серьезной жизни въ Ставкѣ. — Тамъ и Государь, и Штабъ, и всѣ учрежденія съ утра до вечера работали и были заняты серьезными, неотложными дѣлами, вызываемыми громадной войной. Почти всѣ были чужды другихъ интересовъ. Тѣ слухи, которые доходили изъ столицы до Могилева, мало сравнительно интересовали занятыхъ людей и только та или другая бойкая газетная статья, рѣчь Пуришкевича въ Государственной Думѣ, какая либо особо злобная и крупная сплетня о Царскомъ Селѣ или о Распутинѣ, заставляли толковать о Петроградскихъ вѣстяхъ болѣе напряженно.

Здѣсь въ Петроградѣ — наоборотъ, весь городъ жилъ не столько серьезной политикой, сколько пустыми слухами и пошлыми сплетнями. Появилась положительно мода ругать въ обществѣ Правительство и напряженно порицать Царское Село, передавая рядъ завѣдомо лживыхъ и несообразныхъ извѣстій о Государѣ и Его Семьѣ.

Газеты самыя спокойныя и болѣе, такъ сказать, правыя, подобно «Новому Времени», все таки ежедневно стремились указывать на ту или иную, по ихъ мнѣнію, ошибку Правительства. Государственная Дума, руководимая прогрессивнымъ блокомъ, съ Августа 1916 года, опредѣленно вела открытую борьбу съ Правительствомъ, требуя, какъ наименьшаго, отвѣтственнаго Министерства.

Бывало вернешься домой, повидаешь гвардейскихъ офицеровъ, близкихъ знакомыхъ, разныхъ общественныхъ дѣятелей и лицъ служебнаго міра поговоришь съ ними и невольно поразишься всѣмъ тѣмъ, что услышишь.

Точно какой-то шквалъ враждебной Правительству агитаціи охватилъ нашъ Петроградъ и, какъ это ни странно, въ особенности старались принять въ ней участіе нашъ высшій кругъ и нерѣдко и сами правящія сферы. Всѣ вдругъ стали знатоками высшей политики, всѣ познали въ себѣ способности давать указанія, какъ вести Великую Имперію въ періодъ величайшей войны. Почти никто не упоминалъ о трудахъ Государя, о стремленіи Его помочь народу вести борьбу съ врагомъ успѣшно. Наоборотъ, всѣ говорили о безотвѣтственномъ вліяніи темныхъ силъ при Дворѣ, о Распутинѣ, Вырубовой, Протопоповѣ, о сношеніяхъ Царскаго Села даже съ Германской Императорской Фамиліей. Лично я стоялъ далеко отъ всего этого шума столичной жизни, такъ какъ, находясь въ Ставкѣ при Его Величествѣ, мало бывалъ въ Петроградѣ во время войны.

Послѣ Новаго Года, на короткое время, я уѣхалъ въ Москву, Тамъ въ Первопрестольной шли тѣ же совершенно разговоры, какъ и въ Петроградѣ.

Торгово-промышленный классъ, имѣвшій огромное вліяніе и значеніе въ Первопростальной, руководилъ общественнымъ мнѣніемъ. Фабриканты, заводчики, получая небывалыя прибыли на свои предпріятія во время войны, стремились играть и политическую роль въ государствѣ. Ихъ выраженіе: — «промышленность теперь все», не сходило съ языковъ. Московская пресса — «Русское Слово» (Сытина) и «Утро Россіи» (Рябушинскихъ), бойко вели агитацію противъ Правительства и Царскаго Села.

Кажется 23-го Января въ Царскомъ Селѣ въ Александровскомъ Дворцѣ, долженъ былъ состояться пріемъ иностранныхъ Миссій нашихъ союзниковъ — Англіи, Франціи, Америки, Италіи, собравшихся въ Петроградѣ для обсужденія вопросовъ, насколько помню,

о снабженіи Союзныхъ Армій предметами довольствія, по какой-то общей программѣ и системѣ.

Былъ ясный, солнечный морозный день. Александровскій Дворецъ пронизывался лучами солнца. Чудныя залы блистали своей красотой. Иностранцы собрались въ полукругломъ нижнемъ залѣ.

Каждая группа въ своихъ военныхъ формахъ стала по государствамъ, во главѣ со своимъ представителемъ. Я обратилъ вниманіе на Великобританскаго Посла Бьюкенена. Онъ средняго роста, худъ, сѣдоватъ, съ краснымъ, некрасивымъ лицомъ, съ лысиной, которую зачесываетъ; черезъ его черный англійскій мундиръ протянулась сине-лиловая лента.

Государь вышелъ въ кителѣ, орденахъ, въ сопровожденіи Министра Двора графа Фредериксъ, Оберъ-Гофмаршала графа Бенкендорфа, Министра Иностранныхъ Дѣлъ Покровскаго и лицъ Своей Свиты. Его Величество обошелъ всѣхъ иностранцевъ, со многими говорилъ. Бьюкененъ старался держаться какъ-то напыщенно и гордо и это бросалось въ глаза. Послѣ пріема Государь разрѣшилъ фотографу снять общую группу. Его Величество помѣстился въ центрѣ, окруженный Послами и офицерами Союзныхъ Армій. Графъ Бенкендорфъ былъ недоволенъ, что Государь снялся въ группѣ. «Очень жаль, что это случилось», сказалъ онъ. «Тутъ далеко не всѣ сочувствуютъ Государю; достаточно указать на Бьюкенена, что-бы не желать этой группы». Графъ Бенкендорфъ, пользовавшійся глубочайшимъ уваженіемъ, не только всего Двора, но и всѣхъ кто его зналъ, былъ выдержанный, спокойный человѣкъ и, если онъ рѣшился высказать такую мысль, хотя и въ тѣсномъ кругу лицъ Свиты, то значитъ имѣлись къ сему основанія. Впрочемъ, широко извѣстно было, что Посолъ Англіи стоитъ близко къ тѣмъ сферамъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, которыя ведутъ интригу противъ Государя и желаютъ срочныхъ перемѣнъ въ Правительствѣ Россіи.

Пріемъ былъ короткій; Высочайшаго завтрака не было и всѣ присутствовавшіе иностранцы скоро уѣхали изъ Царскаго Села.

Въ послѣднихъ числахъ Января я былъ въ Царскосельскомъ Александровскомъ Дворцѣ, у гувернера Наслѣдника, Жильяра и мы вмѣстѣ съ нимъ прошли къ Цесаревичу. Алексѣй Николаевичъ съ какимъ-то кадетомъ оживленно велъ игру у большой игрушечной крѣпости. Они разставляли солдатиковъ, палили изъ пушекъ и весь ихъ бойкій разговоръ пестрѣлъ современными военными терминами:

пулеметъ,аэропланъ, тяжелая артиллерія, окопы и пр. Впрочемъ игра скоро кончилась и Наслѣдникъ съ кадетомъ стали разсматривать какія-то книги. Затѣмъ вошла Великая Княжна Анастасія Николаевна... Вся эта обстановка дѣтскихъ двухъ комнатъ Наслѣдника была проста и нисколько не давала представленія о томъ, что тутъ живетъ и получаетъ первоначальное воспитаніе и образованіе будущій Русскій Царь. На стѣнахъ висѣли карты, стояли шкафы съ книгами, было нѣсколько столовъ, стульевъ, но все это просто, скромно до чрезвычайности.

Алексѣй Николаевичъ, говоря со мной, вспоминалъ нашу съ нимъ бесѣду, когда онъ былъ въ поѣздѣ съ Государемъ осенью 1915 года на Югѣ Россіи:

— «Помните, Вы мнѣ сказали, что въ Новороссіи Екатерина Великая, Потемкинъ и Суворовъ крѣпкимъ узломъ завязали Русское вліяніе и Турецкій Султанъ навсегда потерялъ значеніе въ Крыму и южныхъ степяхъ». «Мнѣ это выраженіе понравилось и я тогда-же сказалъ объ этомъ Папѣ. Я всегда Ему говорю, что мнѣ нравится». Затѣмъ Наслѣдникъ сталъ вспоминать Ставку.

Все это Наслѣдникъ оживленно говорилъ, и бодро, и весело глядѣлъ своими большими, выразительными глазами. Да и вообще Алексѣй Николаевичъ имѣлъ здоровый и красивый видъ. Онъ постоянно перебѣгалъ съ одного мѣста на другое. Хромоты не было замѣтно. Онъ разсказывалъ о своихъ зимнихъ работахъ въ саду, о снѣжныхъ траншеяхъ и цѣломъ рядѣ своихъ игръ. Пребываніе у Алексѣя Николаевича было пріятно и я съ истиннымъ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ этимъ умнымъ, добрымъ и очень способнымъ Царевичемъ. А насколько спокойна была жизнь дѣтей, особенно младшихъ, настолько трагично и сумрачно шла жизнь Государя и Императрицы въ эти дни.

Его Величество ясно понималъ все то, что происходило въ Петроградѣ. Отъ Него требовали гласнаго, торжественнаго отказа отъ Самодержавія, передачи власти Государственной Думѣ и Государственному Совѣту и превращенія ихъ въ Парламентъ съ отвѣтственнымъ Министерствомъ. Государь прекрасно сознавалъ, что это облегчило-бы Ему личную жизнь и освободило-бы отъ громадной работы, постоянно лежавшей на Его плечахъ. Онъ выигралъ-бы, успокоилась-бы Семья, но Его Величество считалъ себя не въ правѣ этого сдѣлать, ибо *не вѣрилъ*, чтобы это улучшило жизнь Россіи, и вотъ почему Онъ отклонялъ всѣ предложенія о реконструкціи Государственной власти.

Императрица, которая была посвящена во всѣ дѣла и жила душой съ Мужемъ, тоже ради интересовъ Россіи, а не своихъ личныхъ (семейныхъ и династическихъ), находила нежелательнымъ мѣнять Правленіе.

Ко всему этому, Государь не допускалъ возможности начать обсужденіе такихъ важныхъ государственныхъ дѣлъ въ разгаръ войны. — «Я не могу допустить, чтобы теперь, когда всѣ мы поглощены борьбою съ нѣмцами, можно было поднимать вопросъ о преимуществахъ парламентаризма; съ грустью, но долженъ сказать, что все это хотятъ совершить не въ чистыхъ интересахъ Родины, а въ своихъ личныхъ и Мнѣ трудно вѣрить въ разумность и искренность плановъ Родзянко и Гучкова, перваго — недалекаго, но признавшаго себя государственнымъ дѣятелемъ, второго — авантюриста и явно враждебнаго мнѣ».

Фронтъ и Армія сравнительно не безпокоили Государя своимъ состояніемъ. Онъ хорошо зналъ положеніе всѣхъ войскъ, ежедневно получая донесенія съ фронта въ Ставкѣ,а при отъѣздѣ оттуда Ему все доносилъ генералъ Алексѣевъ по телеграфу и телефону (который былъ послѣднее время устроенъ между Царскимъ и Могилевомъ), и былъ поэтому увѣренъ, что въ огромной массѣ Армія спокойна, хорошо устроена, всѣмъ снабжена и ожидаетъ боевыхъ операцій весной.

Конечно тылъ, и въ особенности Всероссійскій Земскій и Городской Союзы, раскинувшіе широко и всюду свои органы и ячейки, вели агитацію подобно прогрессивному блоку Государственной Думы. Однако, у Государя была надежда, что серьезныхъ волненій это не внесетъ въ войска. Кой-гдѣ, начинали сочувствовать «блоку» высшія командныя лица, штабы, но самая толща солдатско-офицерская была, по мнѣнію Царя, внѣ политики. Тѣмъ не менѣе смута шла.

Въ поясненіе сего разскажу случайную встрѣчу мою (въ началѣ Февраля) съ генераломъ Александромъ Михайловичемъ Крымовымъ. О немъ говорили какъ о выдающемся боевомъ начальникѣ и имя его пользовалось большимъ уваженіемъ въ Ставкѣ. Я помню, какъ при какомъ то сообщеніи о бояхъ въ Карпатахъ, гдѣ была дивизія Крымова, Государь сказалъ: — «Тамъ этотъ молодецъ Крымовъ, онъ управится скоро...»

Вотъ этого-то генерала Крымова, недавно прибывшаго въ Петроградъ, я встрѣтилъ у Начальника Главнаго Штаба генерала Архангельскаго. Мы всѣ трое были сослуживцы по Мобилизаціонному

Отдѣлу Генеральнаго Штаба еще до войны и потому говорили откровенно и свободно. Генералъ Крымовъ большой, полный, въ кавказской черной черкесскѣ, съ Георгіемъ на груди, ходилъ по извѣстному круглому кабинету Начальника Главнаго Штаба и указывалъ на цѣлый рядъ ошибокъ во внутренней политикѣ, которыя, по его мнѣнію, совершилъ Государь. Онъ возмущался, негодовалъ и когда мы спрашивали его, откуда почерпнуты имъ свѣдѣнія о какихъ-то тайныхъ сношеніяхъ Двора съ Германіей, онъ отвѣчалъ: — «Да такъ говорятъ...»

Мы стали разъяснять Крымову и указывать, что многое въ его словахъ преувеличено, извращено и передано въ искаженномъ видѣ. Нашъ пріятель сталъ задумываться, меньше возражалъ и въ концѣ концовъ сказалъ: — «Гдѣ все это знать у насъ въ Карпатахъ...»

Генералъ Крымовъ былъ человѣкъ горячій, неглупый, безусловно порядочный, но увлекающійся.

— «А въ Ставкѣ часто бывалъ Распутинъ»?, спросилъ онъ меня.

— «Да онъ никогда тамъ не бывалъ. Все это ложь и клевета».

— «А мы на фронтѣ слышали, что онъ былъ тамъ вмѣстѣ съ Царицей. Какъ это досадно, что подобныя сплетни достигаютъ позицій и тревожатъ войска», сказалъ уже смущенно Крымовъ.

Крымовъ передалъ намъ, что у нихъ ходитъ слухъ о сепаратномъ мирѣ и о томъ, что есть сношенія между Царскимъ и Вильгельмомъ. Говорилъ онъ уже какъ о явныхъ басняхъ, но вносящихъ сомнѣнія, смуту.

Грустно было слушать подобные толки и сознавать силу подобной интриги, начавшей доходить изъ столицъ до Арміи и подтачивающей довѣріе къ ея Верховному Вождю.

Февраль близился къ концу, а отъѣздъ Государя все задерживался; появлялись иногда слухи, что мы останемся до Марта и даже до тѣхъ поръ, пока не успокоются и не наладятся дѣла въ Правительствѣ, съ Государственной Думой и вообще въ Петроградѣ.

Однако, около 20-го Февраля стало извѣстно, что отъѣздъ Государя въ Ставку долженъ состояться со дня на день.

Кажется, 21-го Февраля часовъ въ десять утра, ко мнѣ на квартиру пріѣхалъ генералъ А. И. Спиридовичъ, въ то время Ялтинскій Градоначальникъ. До Сентября 1916 года онъ былъ Начальникомъ внѣшней Дворцовой полиціи, состоя въ этой должности десять лѣтъ. Спиридовичъ, всегда неотлучно охранялъ Государя въ Царскомъ, Петроградѣ и во всѣхъ поѣздкахъ, а во время войны находился въ Царской Ставкѣ. Я постоянно встрѣчался съ нимъ, начиная

съ Октября 1914 года, когда получилъ назначенiе въ Ставку Его Величества.

Александръ Ивановичъ выдающiйся и талантливый офицеръ: высокiй, стройный и молодой, онъ бросался въ глаза своей фигурой и своимъ молодцеватымъ видомъ. Служба его охранной команды (около 300 человѣкъ), поставлена была блестяще. Всѣ его люди, молодецъ къ молодцу, не только были одѣты въ превосходную форму, (какъ-бы лѣсной стражи)но отличались смѣтливостью, выдержкой и воспитанiемъ. видимо выборъ людей, преимущественно изъ гвардiи, дѣлался толково.

Охрана Царя поставлена была у генерала Спиридовича серьезно: онъ все зналъ, все видѣлъ, и люди его зорко слѣдили за всѣмъ тѣмъ, что окружало Его Величество въ Царскомъ, въ путешествiяхъ и въ Ставкѣ.

— «Мои люди должны все знать и беречь Царя, иначе ни я, ни они не нужны», часто говорилъ Спиридовичъ. И онъ дѣйствительно берегъ Государя, дѣлая это незамѣтно, безъ всякихъ шумныхъ распоряженiй для публики.

А. И. Спиридовичъ изучилъ дѣло сыска и охраны во всѣхъ подробностяхъ и, мало того, изучилъ революцiонное движенiе въ Россiи за послѣднiя 30-40 лѣтъ, начиная съ конца семидесятыхъ годовъ. Объ этомъ имъ написана очень содержательная книга. Всѣ дѣятели нашихъ революцiонныхъ партiй ясно отмѣчены въ трудѣ Спиридовича, который изучилъ ихъ, знакомясь съ ихъ «работой», по подлиннымъ матерiаламъ Департамента Полицiи, по иностраннымъ источникамъ и по своему личному служебному опыту. Имена Л. Бронштейна, Ленина, Луначарскаго и другихъ, программа большевиковъ, — извѣстны были Спиридовичу давно, когда еще всѣ плохо разбирались въ значенiи этихъ лицъ и осуществимости ихъ идеаловъ.

Несомнѣнно было большой ошибкой, со стороны Дворцоваго Коменданта ген. Воейкова, что онъ не удержалъ у себя такого выдающагося знатока революцiоннаго движенiя въ Россiи, и Спиридовичъ, находившiйся у него въ прямомъ подчиненiи, въ дни уже назрѣвающей у насъ смуты, ушелъ на тихiй постъ Ялтинскаго Градоначальника во время войны, когда Царская фамилiя даже не жила въ Крыму.

А. И. Спиридовичъ только что прiѣхалъ изъ Ялты. Онъ былъ возбужденъ и горячо началъ передавать свои впечатлѣнiя о современныхъ событiяхъ; онъ то вставалъ и ходилъ по комнатѣ, то садился:

— «Вы всѣ здѣсь мало знаете, что готовится въ Петроградѣ, Москвѣ и Россіи. Вы здѣсь живете какъ за стѣной. Возбужденіе повсюду въ обществѣ огромное. Все это направлено противъ Царскаго Села. Ненависть къ Александрѣ Феодоровнѣ, Вырубовой, Протопопову — огромная. Вы знаете, что говорятъ объ убійствѣ Вырубовой и даже Императрицы. Въ провинціи ничего не дѣлается, чтобы успокоить общество, поднять престижъ Государя и Его Семьи. А это можно сдѣлать, если приняться за дѣло горячо и умно. Я у себя уже началъ кое-что дѣлать въ этомъ отношеніи. Я нарочно пріѣхалъ сюда, чтобы все это передать кому слѣдуетъ и прежде всего Дворцовому Коменданту, но я боюсь, что къ моимъ словамъ отнесутся равнодушно и не примутъ необходимыхъ мѣръ».

Въ такомъ родѣ шла его рѣчь о надвигавшихся событіяхъ. Видимо, что А. И. тревожился за будущее и стремился помочь, поправить создавшееся положеніе. Спиридовичъ понималъ опасность надвигающейся революціи. Онъ зналъ революціонныхъ дѣятелей.

На слѣдующій день онъ хотѣлъ быть у генерала Воейкова и передать ему свои соображенія о современныхъ событіяхъ, но я сказалъ ему, что завтра т. е. 22-го Февраля Государь уѣзжаетъ въ Ставку, и надо торопиться повидать Дворцоваго Коменданта. А. И. Спиридовичъ уѣхалъ отъ меня и сказалъ, что попытается тотчасъ-же снестись по телефону съ Дворкомомъ (сокращенное Дворц. Комендантъ).

Бесѣда съ А. И. Спиридовичемъ оставила на меня сильное впечатлѣніе. Я зналъ, что лучше А. И. никто не можетъ оцѣнить дѣйствительную опасность, надвигающагося революціоннаго движенія и ужаснулся той картинѣ, которую онъ мнѣ нарисовалъ.

Насколько я зналъ, генералъ Спиридовичъ едва успѣлъ переговорить съ Воейковымъ, такъ какъ тотъ былъ очень занятъ, да и не встрѣтилъ въ Дворцовомъ Комендантѣ особо сочувственнаго отношенія къ тому, что сообщилъ ему бывшій его подчиненный, вѣдавшій политическимъ розыскомъ и охранявшій Царскій Домъ въ теченіи десяти лѣтъ.

На слѣдующій день — 22-го Февраля — мы, дѣйствительно, вмѣстѣ съ Его Величествомъ отправились въ Ставку.

Заканчивая свои воспоминанія о послѣднихъ дняхъ передъ переворотомъ и разразившейся Февральской революціей, ясчитаю необходимымъ посвятить нѣсколько словъ памяти Государыни Александры Өеодоровны.

Личныя мои отношенія къ Императрицѣ Александрѣ Өедоровнѣ

начались съ 1901-го года, когда я приступилъ къ изданію народной газеты и доставилъ свои первые номера (черезъ Секретаря Государыни графа Ламздорфъ), Ея Величеству на просмотръ.

Императрица очень внимательно отнеслась къ газетѣ и черезъ нѣкоторое время пожелала меня видѣть.

Государыня, въ то время еще очень молодая, красивая женщина, удивила меня тѣмъ, насколько она вдумчиво относилась къ задачамъ народной газеты въ Россіи. Помню Ея слова:

— «Русскій народъ, живущій такъ разбросанно, при плохихъ путяхъ сообщенія, при суровости климата, мѣщающаго свободѣ переѣздовъ, — такъ нуждается въ органѣ простомъ, патріотическомъ и религіозномъ. Народъ нуждается въ просвѣщеніи и нравственномъ воспитаніи».

Затѣмъ всѣ минувшія двадцать лѣтъ, Императрица всегда сочувственно относилась ко всѣмъ изданіямъ для народа; любила очень наглядныя школьныя пособія и мои изданія: «Россія въ картинкахъ», «Картины Родины», «Сельско-хозяйственныя таблицы» и пр. — всегда встрѣчали милостивое, дружеское отношеніе Царицы, которая часто повторяла, что Она любитъ народныя изданія и Ей нравится русскій языкъ, русская рѣчь.

Императрица скоро научилась прекрасно говорить по русски и писала красиво, вполнѣ владѣя литературнымъ слогомъ.

Привязанность Государыни къ нашей Православной Вѣрѣ была глубоко искренна и сердечна.

Всѣ ходатайства о помощи кому-либо, встрѣчались всегда Императрицей съ рѣдкой отзывчивостью и очень много любви къ народу было въ этихъ заботахъ Царицы о деревенскихъ дѣлахъ.

Когда мнѣ приходилось бесѣдовать съ Александрой Ѳедоровной, я всегда уходилъ отъ Императрицы съ полнымъ убѣжденіемъ, что это не только высоко-образованная, чуткая женщина, но человѣкъ полюбившій глубоко Россію и ея Народъ, и желающая сдѣлать для него много добра.

Знаютъ-ли многіе, что Александра Ѳедоровна серьезно интересовалась земельнымъ вопросомъ Россіи и Ей не чужда была мысль о принудительномъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ), отчужденіи земель для надѣленія ими крестьянъ. Пройдетъ время и справедливая оцѣнка скажетъ о Русской Императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ много хорошаго.

Эта женщина — чудная мать, вѣрная жена, прекрасный, твердый

не перемѣнчивый другъ, глубокая православная христіанка, съ мистическимъ оттѣнкомъ. Ее, можетъ-быть, серьезное уваженіе и даже поклоненіе Распутину — надо объяснить тѣмъ, что ея сильное религіозное чувство видѣло въ немъ не то, что было, а то, что она искала своей измученной душой, суевѣрный страхъ которой заставлялъ хвататься за Распутина, какъ за спасителя отъ бѣдъ для Семьи и Родины.

Чувство величайшаго уваженія, почтенія и преданности къ Царицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ испытывалъ всякій, кто имѣлъ высокую честь узнать Ее ближе.

Императрицѣ обычно ставятъ въ вину, что своимъ вліяніемъ Она мѣшала нормальному теченію государственныхъ дѣлъ; что Она, какъ говорилось, «путалась» во всѣ распоряженія Государя и Его Величество, будто-бы, смотрѣлъ на все Ея глазами. Мнѣ кажется въ этихъ обвиненіяхъ есть значительное преувеличеніе. Долгіе годы Императрица стояла совершенно въ сторонѣ отъ государственныхъ вопросовъ и всецѣло жила только семейными интересами и дѣлами благотворительности.

Но настали смутные тяжелые годы, когда не только Царская Семья не могла жить спокойно, но когда сама жизнь Государя и Наслѣдника подвергалась опасностямъ. А сколько было ложныхъ тревогъ. Каково все это было переносить серьезной, умной, любящей женѣ и матери. Надо быть совершенно безъ души, ума и сердца, что-бы не задуматься надъ всѣмъ тѣмъ, что совершалось въ Россіи послѣдніе годы. Надо было быть совсѣмъ неумнымъ человѣкомъ, что-бы не стать ближе къ мужу-Государю и не раздѣлять съ Нимъ всю эту государственную тревогу.

Надо безпристрастно разобрать эти отношенія и понять ихъ сущность, а не произносить обвиненія съ чужого голоса и по преимуществу тѣхъ людей, которые сѣяли въ обществѣ смуту и недовѣріе къ Царскому Дому.

Русское общество, къ глубокому своему несчастію, не поняло, что надо умѣть простить, можетъ-быть нѣкоторые промахи, погрѣшности, дабы сохранить неприкосновенность, святость Царской Фамиліи во имя величайшихъ интересовъ Родины.

Всякій, узнавшій жизнь Царскаго Дома, съ чувствомъ полнаго убѣжденія скажетъ, что это была чудесная, русская семья и пакостный грѣхъ совершали тѣ, которые клеветали на честныхъ родителей и честныхъ и неповинныхъ дѣтей ихъ.

Валили и свалили тѣхъ, кто всей душой былъ преданъ Россіи и служилъ только ея интересамъ, ея будущему, ея славѣ и счастію.

23-го Февраля.

Переѣздъ изъ Царскаго Села въ Ставку.

Государь Императоръ отбылъ изъ Царскаго 23-го днемъ. Въ этой послѣдней поѣздкѣ Его Величество сопровождали лица, обычно въ годы войны при Немъ находившіяся:

1. Министръ Императорскаго Двора, Генералъ-Адъютантъ, графъ Владиміръ Борисовичъ *Фредериксъ*.
2. Флагъ-Капитанъ, Генералъ-Адъютантъ Константинъ Дмитріевичъ *Ниловъ*.
3. Дворцовый Комендантъ С. Е. В. Генералъ-Маіоръ Владиміръ Николаевичъ *Воейковъ*.
4. Въ должности Гофмаршала С. Е. В. Генералъ-Маіоръ князь Василій Александровичъ *Долгорукій*.
5. Начальникъ Военно-походной Канцеляріи С. Е. В. Генералъ-Маіоръ Кириллъ Анатоліевичъ *Нарышкинъ*.
6. Командиръ Конвоя Его Величества С. Е. В. Генералъ-Маіоръ графъ Александръ Николаевичъ *Граббе графъ Никитинъ*.
7. Генералъ-Маіоръ Дмитрій Николаевичъ *Дубенскій*.
8. Командиръ Собственнаго Его Величества ж.-дорожнаго полка Генералъ-Маіоръ Сергѣй Александровичъ *Цабель*.
9. Лейбъ-Хирургъ Его Величества Профессоръ Сергѣй Петровичъ *Федоровъ*.
10. Церемоніймейстеръ баронъ Рудольфъ Александровичъ *Штакельбергъ*.
11. Флигель-Адъютантъ Полковникъ Герцогъ Николай Николаевичъ *Лейхтенбергскій*.
12. Флигель-Адъютантъ Полковникъ *Мордвиновъ*.

Офицеры Конвоя Его Величества, Собственнаго ж.-дорожнаго полка, Своднаго Его Величества полка и кромѣ того, обычный, небольшой составъ чиновниковъ Министерства Двора, нижнихъ чиновъ и прислуги.

К. А. Нарышкинъ. Князь В. А. Долгорукій.

К. Д. Ниловъ. Графъ А. Н. Граббе. Полковникъ Мордвиновъ. В. Н. Воейковъ. Государь Императоръ. Графъ В. Б. Фредериксъ. С. П. Федоровъ.

Отъ Царскаго сначала отошелъ Свитскій поѣздъ, а затѣмъ черезъ часъ Собственный Его Величества поѣздъ.

Намъ предстояло ѣхать по Николаевской ж.-дорогѣ до Лихославля, затѣмъ на Вязьму, Смоленскъ, Оршу и Могилевъ.

Мы ѣхали, какъ я сказалъ, въ постоянномъ нашемъ составѣ, и я давно привыкъ къ моимъ сослуживцамъ, находясь съ ними въ добрыхъ отношеніяхъ; жизнь въ Ставкѣ любилъ, а тѣмъ не менѣе, съ большой тревогой оставлялъ, на этотъ разъ, родной городъ.

Я уѣзжалъ неспокойно, да и всѣ были въ такомъ-же состояніи.

Предполагали, однако, что поѣздка въ Ставку, на этотъ разъ продолжится нѣсколько дней и къ 1-му Марта Его Величество вернется въ Царское.

Весь путь нашъ прошелъ совершенно обычнымъ порядкомъ; всюду было спокойно: въ городахъ Царскіе поѣзда встрѣчались мѣстнымъ начальствомъ.

Станціи были пустынны, такъ какъ проѣздъ былъ неожиданный и никто почти не зналъ о слѣдованіи Государя. Только въ Ржевѣ, Вязьмѣ и Смоленскѣ — народу было больше и онъ привѣтливо встрѣчалъ Царя, снималъ шапки, кланялся, кричалъ «ура».

Въ Могилевъ мы прибыли на другой день къ вечеру. Государь былъ встрѣченъ Генералъ-Адъютантомъ Алексѣевымъ и высшими Командными лицами.

Его Величество проѣхалъ къ себѣ во «Дворецъ», т. е. бывшій Губернаторскій домъ. Мы всѣ размѣстились по своимъ помѣщеніямъ.

Обычная жизнь Царской Ставки началась. Въ тотъ-же вечеръ я посѣтилъ разныхъ лицъ, видѣлъ многихъ штабныхъ генераловъ, офицеровъ, спрашивалъ о томъ какъ идутъ дѣла на фронтѣ, какія событія въ самомъ Могилевѣ.

— «У насъ все по прежнему, на фронтѣ затишье, спокойно, новостей особыхъ нѣтъ», отвѣчали мнѣ.

— «Но что дѣлается въ Петроградѣ, по газетамъ, агентскимъ телеграммамъ (безъ цензуры), тамъ ожидаютъ тревожныхъ дней. Предстоятъ будто-бы волненія изъ-за недостатка хлѣба. А Дума и даже часть Государственнаго Совѣта тоже неспокойны... Здѣсь опасаются, какъ все это пройдетъ и что будетъ дальше»... спрашивали меня въ свою очередь.

Государь находился въ обычномъ своемъ настроеніи: ровенъ, спокоенъ, привѣтливъ, и къ вечеру принялъ съ короткимъ докладомъ Генералъ-Адъютанта Алексѣева.

Весь вечеръ мы долго бесѣдовали съ К. Д. Ниловымъ и С. П. Федоровымъ, на тему, о тѣхъ сюрпризахъ и неожиданностяхъ, которые принесетъ намъ будущее: словомъ, рисовалась намъ невеселая перспектива.

Когда я вышелъ изъ Дворца, въ первомъ часу ночи, тихій мягкій снѣгъ спускался съ неба, — начиналась оттепель.

У подъѣзда стояли въ своихъ дубленыхъ полушубкахъ часовые Георгіевскаго Батальона, а въ садикѣ, между Дворцомъ и Управленіемъ Дежурнаго Генерала дежурила Дворцовая Полиція; на крышѣ дома Генералъ-квартирмейстера ясно виднѣлись пулеметы въ чехлахъ, установленные на случай налета непріятельскихъ аэроплановъ, и около нихъ фигуры часовыхъ въ папахахъ и постовыхъ шинеляхъ.

Могилевъ. Пятница, 24-го Февраля.

Послѣ утренняго чая, Государь отправился на докладъ Генералъ-Адъютанта Алексѣева, который обычно происходилъ въ Генералъ-квартирмейстерской части, помѣщавшейся рядомъ, въ зданіи «Губернскихъ Присутственныхъ Мѣстъ».

На докладѣ всегда присутствовали только Помощникъ Начальника Штаба Генералъ Клембовскій и Генералъ-квартирмейстеръ Генералъ-Лейтенантъ Лукомскій. Докладъ тянулся до завтрака, т. е. до 12½ часовъ.

Къ завтраку было много приглашенныхъ: Свита Государя, Великіе Князья Сергѣй и Александръ Михайловичи, Генералъ-Адъютантъ Н. І. Ивановъ, всѣ иностранцы Военныхъ Миссій. Его Величество въ защитной рубашкѣ, въ погонахъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ, — обошелъ всѣхъ здороваясь и разговаривая съ нѣкоторыми изъ приглашенныхъ. Государь былъ въ обычномъ спокойномъ, привѣтливомъ настроеніи.

Тихо спрашивали другъ-друга: — «Какія вѣсти изъ Петрограда»; передавали, что только что полученныя телеграммы, сообщили о волненіяхъ въ рабочихъ кварталахъ; но въ общемъ Высочайшій завтракъ прошелъ также, какъ и всегда.

Послѣ 2-хъ часовъ Государь съ Воейковымъ, дежурнымъ Флигель-Адъютантомъ герцогомъ Лейхтенбергскимъ, княземъ Долгорукимъ, графомъ Граббе и Лейбъ-Хирургомъ Федоровымъ, поѣхали въ автомобиляхъ за городъ по шоссе для прогулки. Часа черезъ полтора Его Величество вернулся и прошелъ къ Себѣ въ кабинетъ.

Затѣмъ былъ дневной короткій чай, послѣ котораго Государь снова ушелъ въ кабинетъ на обычныя занятія и оставался тамъ до обѣда. Все шло по внѣшности давно установленнымъ порядкомъ, — и это внушало какую-то увѣренность, что сюда до Ставки, никакія волненія не докатятся и работа высшаго командованія будетъ идти независимо отъ всякихъ осложненій въ столицѣ.

Генералъ-Адъютантъ Алексѣевъ былъ такъ близокъ къ Царю и Его Величество такъ вѣрилъ Михаилу Васильевичу, они такъ сроднились въ совмѣстной напряженной работѣ за полтора года, что казалось при этихъ условіяхъ, какія могутъ быть осложненія въ Царской Ставкѣ. Генералъ Алексѣевъ былъ дѣятеленъ, по цѣлымъ часамъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, всѣмъ распоряжался самостоятельно, встрѣчая всегда полную поддержку со стороны Верховнаго Главнокомандующаго.

Въ это время составъ Ставки и высшее командованіе на фронтахъ были слѣдующіе:

Начальникъ Штаба, Генералъ-Адъютантъ Михаилъ Васильевичъ *Алексѣевъ.*

Его помощникъ, Генералъ-отъ-Инфантеріи Вячеславъ Наполеоновичъ *Клембовскій.*

Генералъ-Квартирмейстеръ, Генералъ-Лейтенантъ Александръ Сергѣевичъ *Лукомскій.*

Дежурный Генералъ, Генералъ-Лейтенантъ Петръ Константиновичъ *Кондзеровскій.*

Начальникъ Военныхъ Сообщеній, Генералъ-Маіоръ *Тихменевъ.*

Начальникъ Морского Отдѣла, Адмиралъ *Русинъ.*

Полевой Генералъ-Инспекторъ Артиллеріи, Великій Князь *Сергій Михайловичъ.*

Генералъ-Инспекторъ Военно-Воздушнаго Флота, Великій Князь *Александръ Михаиловичъ.*

Походный Атаманъ, Великій Князь *Борисъ Владимировичъ.*

Его Начальникъ Штаба, С. Е. В. Генералъ-Маіоръ Африканъ Петровичъ *Богаевскій.*

Полевой Интендантъ, Генералъ-Лейтенантъ *Егорьевъ.*

Протопресвитеръ Военнаго и Морского Духовенства, Георгій *Шавельскій.*

При Особѣ Его Величества:

Великій Князь *Георгій Михаиловичъ.*

Генералъ-Адъютантъ Николай Іудовичъ *Ивановъ.*

Военные Агенты:

Великобританіи, Генералъ *Вильямсъ.*

Франціи, Генералъ *Манженъ.*

Бельгіи, Генералъ баронъ *де Рыккель.*

Сербіи, Полковникъ *Леонткевичъ.*

Италіи, Помощникъ Военнаго Агента Полковникъ *Марсенго*, и другіе, фамиліи которыхъ не припомню.

Главнокомандующіе фронтами:

Намѣстникъ Е. И. В. на Кавказѣ и Главнокомандующій Кавказской Арміей *Великій Князь Николай Николаевичъ.*

Его Помощникъ и Командующій Кавказской Арміей, Генералъ Николай Николаевичъ *Юденичъ.*

Главнокомандующіе:

Сѣвернымъ фронтомъ — Генералъ-Адъютантъ Николай Владиміровичъ *Рузскій.*

Западнымъ — Генералъ - Адъютантъ Алексѣй Ермолаевичъ *Эвертъ.*

Юго-Западнымъ — Генералъ-Адъютантъ Алексѣй Алексѣевичъ *Брусиловъ.*

Румынскимъ — Генералъ Владиміръ Викторовичъ *Сахаровъ.*

Начальникъ Главной Санитарной и Эвакуаціонной части, Его Императорское Высочество Принцъ Александръ Петровичъ *Ольденбургскій.*

Туркестанскій Генералъ-Губернаторъ, Генералъ-Адъютантъ Алексѣй Николаевичъ *Куропаткинъ.*

Генералы Клембовскій, Лукомскій, Кондзеровскій — ближайшіе помощники генерала Алексѣева, — все это умные, толковые люди, извѣстные генералы Генеральнаго Штаба, работали свое дѣло усердно и вообще Ставка была поставлена твердо.

Гарнизонъ Ставки состоялъ изъ слѣдующихъ частей:

1. *Георгіевскій Батальонъ*, сформированный для охраны Ставки во время войны, и составленный исключительно изъ раненыхъ георгіевскихъ кавалеровъ; это были избранные по своимъ заслугамъ люди. Командовалъ ими Генералъ-Маіоръ Пожарскій, тоже георгіевскій Кавалеръ, видный, прекрасный боевой командиръ. Всѣ офицеры, подобно солдатамъ — раненые и георгіевскіе кавалеры. По своему виду, по своей безукоризненной службѣ, Георгіевскій Батальонъ являлся превосходной частью. Люди одѣты были въ

красивую форму съ георгіевскими цвѣтами. Нельзя было не любоваться часовыми, стоявшими у подъѣзда Государя, командами, караулами этого Батальона, встрѣчавшимися по городу.

2. Одна очередная сотня *Конвоя Его Величества*. Казаки-Конвойцы несли свою обычную службу внутреннихъ постовъ во Дворцѣ Государя. Въ Ставкѣ постоянно находился Командиръ Конвоя С. Е. В. Генералъ-Маіоръ графъ Александръ Николаевичъ Граббе-графъ Никитинъ и очередные офицеры дежурной Сотни. Внѣшній видъ Конвойцевъ и ихъ выправка обращали на себя вниманіе въ особенности иностранцевъ, всегда поражавшихся и нарядностью формы и красотою кавказскихъ казаковъ.

3. Одна (кажется) дежурная рота *Сводного Его Величества полка*. Люди этой части отличались превосходной выправкой и очень внимательной дворцовой службой. Командиръ полка С. Е. В. Генералъ-Маіоръ Ресинъ находился постоянно въ Царскомъ Селѣ, а въ Ставку поочередно командировался одинъ изъ старшихъ полковыхъ Штабъ-Офицеровъ и офицеры дежурной роты.

4. Нѣсколько командъ *Собственнаго Его Величества ж.-дорожнаго полка*, обслуживавшихъ технически Императорскіе поѣзда во время ихъ движенія и въ Ставкѣ.

Командиръ полка Генералъ-Маіоръ Сергѣй Александровичъ Цабель держалъ свою часть въ отличномъ видѣ.

Затѣмъ была противу-аэропланная баттарея и, насколько помнится, строевыхъ частей больше не было, если не считать автомобильной роты, обслуживавшей во все время войны огромный гаражъ Ставки. Командиръ роты капитанъ Вреденъ умѣло велъ свое трудное дѣло.

Гарнизонъ былъ невеликъ, но находился въ полномъ и блестящемъ порядкѣ.

Писарскія и нестроевыя команды особенно разрослись и потребность въ писаряхъ значительно возросла и расширилась.

Всѣ части и команды были размѣщены въ казармахъ и другихъ помѣщеніяхъ, содержались прекрасно и положительно гордились, что онѣ служатъ въ Царской Ставкѣ при Государѣ Императорѣ.

А всетаки, при всѣхъ этихъ кажущихся благопріятныхъ условіяхъ жизни и работы Ставки, уже съ первыхъ часовъ пріѣзда туда Государя, чувствовалась нѣкоторая неувѣренность въ ближайшихъ событіяхъ, но не въ смыслѣ военнаго порядка въ самой Ставкѣ, а въ общей государственной жизни Россіи.

Опредѣленно объ этомъ говорили рѣдко, но въ полусловахъ, въ замѣчаніяхъ сказывалось безпокойство.

Вечеромъ, послѣ обѣда, который ничѣмъ не отличался отъ предыдущихъ Высочайшихъ обѣдовъ, я отправился на телефонную станцію для переговора черезъ Царское съ Петроградомъ. Телефонистъ мнѣ передалъ, что только что окончился разговоръ Государя (изъ Его кабинета) съ Императрицей въ Царскомъ, длившійся около получаса.

По телефону узналъ, что сегодня 24-го Февраля, въ Петроградѣ были волненія на Выборгской сторонѣ. Толпы рабочихъ требовали хлѣба и было нѣсколько столкновеній съ полиціей, но все это сравнительно скоро успокоилось. Въ Петроградѣ многіе не вѣрятъ въ искренность этихъ требованій и считаютъ подобное выступленіе за провокацію, выражающую общее недовольство Правительствомъ. Передали также, что на завтра ожидаются гораздо большія волненія и безпорядки. Войска получили приказъ оставаться въ казармахъ и быть готовыми къ немедленному выступленію по требованію властей. Я обѣщалъ переговорить на слѣдующій день вечеромъ, чтобы узнать, что произошло въ Петроградѣ за день.Въ этотъ вечеръ я узналъ, что поступившія телеграммы, также ничего радостнаго не сообщили.

Могилевъ. Суббота, 25-го Февраля.

Уже съ утра въ Ставкѣ стало извѣстно, что волненія въ Петроградѣ приняли широкіе размѣры. Толпы появились уже на Невскомъ у Николаевскаго вокзала, а въ рабочихъ районахъ, какъ и вчера, народъ требовалъ хлѣба и стремился производить насилія надъ полиціей. Были вызваны войска, занявшія площади, нѣкоторыя улицы. Революціонное настроеніе массъ росло. Государственная Дума съ Родзянко во главѣ, предъявляла Правительству новыя настойчивыя требованія о реорганизаціи власти. Всѣ эти тревожныя свѣдѣнія достигли Могилева отрывочно и опредѣленныхъ сообщеній о мѣропріятіяхъ, принятыхъ властями для подавленія безпорядковъ въ Столицѣ, — не было.

Меня интересовалъ вопросъ, какъ относятся въ Ставкѣ къ Петроградскимъ событіямъ .Здѣсь были лица, которыя, въ силу своего высокаго служебнаго положенія, должны были ясно опредѣлить картину начавшихся революціонныхъ выступленій. Такихъ людей въ Ставкѣ было двое — и оба они, близко стояли къ Государю и

обязаны были отозваться на Петроградскія событія и понять весь ихъ ужасъ. Это Генералъ-Адъютантъ М. В. Алексѣевъ и Дворцовый Комендантъ Генералъ Воейковъ. Генералъ Алексѣевъ пользовался въ это время самой широкой популярностью въ кругахъ Государственной Думы, съ которой находился въ полной связи. Онъ былъ надеждой Россіи въ нашихъ предстоящихъ военныхъ операціяхъ на фронтѣ. Ему глубоко вѣрилъ Государь. Высшее Командованіе относилось къ нему съ большимъ вниманіемъ. На такомъ высокомъ посту рѣдко можно было увидать человѣка какъ Генералъ Алексѣевъ, къ которому люди самыхъ разнообразныхъ партій и направленій, относились-бы съ такимъ довѣріемъ. Уже одно то, что его называли, по преимуществу, Михаилъ Васильевичъ, когда о немъ упоминали, говоритъ о всеобщемъ доброжелательномъ отношеніи къ нему. При такомъ положеніи Генералъ Алексѣевъ могъ и долженъ былъ принять рядъ необходимыхъ мѣръ, что-бы предотвратить революцію, начавшуюся въ разгаръ войны, — да еще въ серьезнѣйшій моментъ, передъ весеннимъ наступленіемъ нашимъ. У него была вся власть. Государь поддержалъ-бы его распоряженія. Онъ бы дѣйствовалъ именемъ Его Величества. Фронтъ находился въ его рукахъ, а Государственная Дума и ея прогрессивный блокъ, — не рѣшились-бы ослушаться дерективъ Ставки. Къ величайшему удивленію Генералъ Алексѣевъ не только не рискнулъ начать борьбу съ начавшимся движеніемъ, но съ первыхъ-же часовъ революціи выявилась его преступная бездѣятельность и безпомощность. Какъ это случилось, — понять трудно.

Дворцовый Комендантъ Генералъ В. Н. Воейковъ, благодаря своему положенію долженъ былъ хорошо знать, что происходитъ въ столицѣ. Отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и отъ своихъ агентовъ онъ имѣлъ свѣдѣнія о политическимъ движеніи. Ему открыты были всѣ пути и онъ обязанъ былъ неуклонно и настойчиво добиваться мѣропріятій, для прекращенія начавшихся волненій. А между тѣмъ Воейковъ, прибывъ съ Государемъ въ Ставку наканунѣ революціи, не обращалъ вниманія на надвигавшіяся событія и занимался личными, пустыми дѣлами, вродѣ устройства квартиры для своей жены, которую ожидалъ на дняхъ въ Могилевъ и для которой былъ нанятъ домъ. Я не могу понять — неужели онъ не вѣрилъ, что положеніе такъ грозно, и надо безотлагательно принимать мѣры, тушить занимавшійся пожаръ. Долженъ, однако, сказать, что въ этотъ день (25-II) Воейковъ видимо, всетаки тревожился, ходилъ весь красный съ широко раскрытыми глазами, меньше буфонилъ, но

никто изъ насъ не слыхалъ, ни о какихъ серьезныхъ съ его стороны, распоряженіяхъ.

Генералъ Алексѣевъ и Генералъ Воейковъ получали извѣстія изъ Петрограда, совѣщались, докладывали обо всемъ Государю, но они, единственные которые могли сокрушить мятежъ, — никакихъ мѣръ не принимали.

Государь, вѣроятно и не все зналъ, такъ какъ онъ былъ совершенно спокоенъ и никакихъ указаній не давалъ.

Генералъ Воейковъ, вообще не пользовался большимъ авторитетомъ въ глазахъ Государя, въ дѣлахъ широкаго государственнаго значенія, но при начавшейся революціонной смутѣ, угрожавшей Царскому Дому, онъ могъ и былъ обязанъ настоять на рѣшительныхъ мѣропріятіяхъ въ томъ видѣ, въ какомъ это требовалось обстоятельствами. Надо было спасать положеніе и, можетъ-быть, сдѣлать необходимыя уступки, весьма срочныя и толковыя, дабы сохранить порядокъ.

Весь мой вечеръ прошелъ въ продолжительныхъ бесѣдахъ съ С. П. Федоровымъ, К. Д. Ниловымъ и барономъ Штакельбергомъ. Грустное сознаніе, что ничего не дѣлается для возстановленія порядка, что всѣ какъ-то опустили руки и словно боятся проявить необходимую твердость власти, — это чувство слабости и безпомощности, — охватывало и насъ.

Любопытно отмѣтить, что безусловно вся Свита и состоящіе при Государѣ признавали въ это время неотложнымъ, согласіе Государя на отвѣтственное Министерство и переходъ къ парламентарному строю.

Генералъ-Адъютантъ Ниловъ, князь Долгорукій, графъ Фредериксъ и другіе находили, что эта мѣра упрочила-бы положеніе Царской фамиліи въ Россіи и могла-бы внести успокоеніе въ страну.

Внѣшняя жизнь Могилева — прежняя. Спокойно и тихо на улицахъ. Государь выѣзжалъ на прогулку, были Высочайшіе завтраки и обѣды, а все остальное время Его Величество занимался въ Своемъ кабинетѣ, принималъ графа Фредерикса, Генерала Воейкова, Генералъ-Адъютанта Алексѣева; утромъ того-же дня происходилъ обычный докладъ по Генералъ-Квартирмейстерской части.

Государь внимательно слѣдилъ за свѣдѣніями, полученными съ фронта за истекшія сутки и удивлялъ всѣхъ Своей памятливостью и вниманіемъ къ дѣламъ.

Въ субботу легли всѣ поздно и заснули неспокойно. Его Величество еще долго не ложился, занимаясь въ Своемъ кабинетѣ.

Могилевъ. Воскресенье, 26-го Февраля.

Государь былъ у обѣдни. Церковь переполнена молящимися — генералами, офицерами, командами солдатъ и простыми прихожанами. Свита Его Величества, Генералъ-Адъютантъ Алексѣевъ, Генералъ Кондзеровскій — находились въ храмѣ. Служилъ Протопресвитеръ Георгій Шавельскій.

Послѣ обѣдни Государь прошелъ на докладъ въ Генералъ-Квартирмейстерскую часть, который продолжался недолго. Никакихъ важныхъ событій за субботу не произошло, и вѣсти отъ союзныхъ армій были также спокойнаго характера.

На завтракѣ, по случаю Воскресенья, много приглашенныхъ: всѣ наличные иностранцы, т. е. не только Военные Агенты, но и ихъ помощники. Государь обходилъ всѣхъ, здоровался и довольно долго бесѣдовалъ съ Англійскимъ генераломъ Вильямсъ, котораго цѣнилъ, какъ высоко порядочнаго человѣка, толковаго и дѣльнаго Военнаго Агента.

Среди присутствовавшихъ на завтракѣ, шли разнообразные разговоры о печальныхъ событіяхъ въ Петроградѣ, но, по внѣшности, это былъ обычный Царскій воскресный завтракъ.

Около двухъ часовъ, Государь съ Воейковымъ, графомъ Граббе, герцогомъ Лейхтенбергскимъ и профессоромъ Федоровымъ, поѣхалъ по Бобруйскому шоссе на прогулку и вышелъ около часовни въ память 1812-го года и гулялъ тамъ не болѣе часа. Мнѣ передавали, что Его Величество не поднималъ никакихъ вопросовъ о происходящихъ событіяхъ и вообще почти не разговаривалъ ни съ кѣмъ и задумчиво гулялъ по лѣсной дорожкѣ.

Однако уже съ утра Государя глубоко заботили событія въ столицѣ. Онъ не разъ бесѣдовалъ о нихъ съ графомъ Фредериксомъ, съ Воейковымъ, Алексѣевымъ, Ниловымъ и другими болѣе близкими Ему людьми. Государь говорилъ, что Его тревожатъ отрывочныя извѣстія, получаемыя изъ Царскаго, что Онъ волнуется за Петроградъ, за Императрицу и всю семью, тѣмъ болѣе, что Наслѣдникъ хвораетъ корью.

Ближайшимъ попечителемъ и такъ сказать охранителемъ Государыни и дѣтей въ Царскомъ въ это время былъ оберъ-гофмаршалъ генералъ-адъютантъ графъ Павелъ Константиновичъ Бенкендорфъ. Это разумный, спокойный, выдержанный и въ высшей степени благородный человѣкъ, глубоко преданный Ихъ Величествамъ и всей семьѣ. На него и надѣялся Государь, ибо никого другихъ

лицъ опытныхъ не находилось въ Царскомъ Селѣ въ эти дни. Вновь назначенный помощникомъ дворцоваго коменданта генералъ Гротенъ мало знакомъ былъ еще съ дворцовой службой.

Въ Царскомъ, конечно, имѣлся огромный штатъ дворцовыхъ служащихъ, конвой Его Величества, сводный Его Величества полкъ, но всѣми этими людьми надо было руководить въ наступившіе критическіе часы.

Въ самомъ Петроградѣ, гдѣ уже шли безпорядки, не было замѣтной авторитетной власти, не было имени, которое знали бы народныя массы. Командующій Петроградскими войсками генералъ Хабаловъ ничѣмъ не замѣтный генералъ, а имя министра внутреннихъ дѣлъ Протопопова стало ненавистно Петрограду и всей Россіи. Государь все это вѣроятно понималъ, но самъ никакихъ указаній не давалъ и словно мирился со всѣмъ тѣмъ, что происходило. Чувствовалось, что отъ Него указаній и дерективъ не будетъ и въ эти тяжелыя минуты надо было помогать Его Величеству, а не ждать иниціативы отъ измученнаго Царя. Хотѣлось вѣрить, что эту законную помощь, вѣрное служеніе присягѣ своему Императору дастъ прежде всего Его начальникъ штаба, Его генералъ-адъютантъ Алексѣевъ, все знавшій, со всѣми сносившійся и пользовавшійся, какъ я уже говорилъ, полнымъ довѣріемъ Верховнаго Главнокомандующаго.

Но этого не случилось. Не попытался также придти на помощь Государю и его дворцовый комендантъ, не проявивъ никакой дѣятельности въ это тяжелое время. Воейковъ не съумѣлъ задержать измѣну Государю и прекратить начавшуюся революцію въ то время, когда можно было многое еще сдѣлать.

Послѣ обѣда Его Величество принялъ у себя въ кабинетѣ сенатора Трегубова, помощника генералъ-адъютанта Алексѣева по гражданской части, съ докладомъ, касающимся событій данной минуты. Государь долго бесѣдовалъ съ этимъ неглупымъ пожилымъ судебнымъ дѣятелемъ, не возражалъ Трегубову, но твердыхъ личныхъ указаній не далъ.

Государь, окруженный своей свитой, своимъ штабомъ, находившимся здѣсь въ Царской Ставкѣ Великими Князьями Борисомъ Владимировичемъ, Сергіемъ и Александромъ Михайловичами, былъ страшно всетаки одинокъ. У Него не было людей, которые понимали бы сложную, чистую Его душу. Не было людей, которые имѣли бы особый вѣсъ въ глазахъ Государя. Ко всѣмъ «своимъ» Его Величество относился ласково, внимательно, цѣнилъ ихъ преданность, но при

большомъ умѣ Государя, Онъ ясно понималъ окружавшихъ Его ближайшихъ лицъ и сознавалъ, что они не совѣтчики Ему. Государь привязанъ къ графу Фредериксу за его благородный характеръ, честность, за долгую преданность Своему Дому, но онъ понималъ, что министръ двора старецъ 78 лѣтъ, съ которымъ трудно подѣлиться мыслью по государственнымъ дѣламъ и задачамъ Россіи. Государь хорошо относился къ Нилову, вѣрилъ ему, но Его Величество не могъ устранить въ себѣ нѣкотораго шутливаго отношенія къ характеру своего флагъ-капитана за его горячность. Государь цѣнилъ Нилова просто какъ прямого честнаго служаку. Къ Воейкову Государь относился довѣрчиво какъ къ распорядительному дворцовому коменданту, бодрому, веселому человѣку, хорошему хозяину, но, конечно, Его Величество чувствовалъ, что Воейковъ не совѣтчикъ въ государственныхъ дѣлахъ и особаго значенія ему не придавалъ. Та иронія, съ которой относились къ Воейкову всѣ окружающіе, это прозвище «Кувака» за его торговлю водой, понималась Государемъ. Что касается всѣхъ остальныхъ: князя Долгорукаго, Нарышкина и другихъ, то это были просто для Царя хорошіе, приличные люди и больше — ничего.

Для Государя было величайшее горе, что съ Нимъ въ эти страшные дни не было Его истиннаго и единственнаго друга — Императрицы Александры Ѳедоровны. Продолжительная тяжелая политическая обстановка, волненіе за семью произвели на Государя въ эти дни положительно переворотъ въ Его душевныхъ силахъ. Онъ сталъ какъ бы придавленъ событіями и словно не отдавалъ себѣ отчета въ обстановкѣ и какъ то безразлично сталъ относиться къ происходившему.

«Неужели уже ничего нельзя сдѣлать», говорилъ я С. П. Федорову, «неужели нельзя найти человѣка, котораго могъ бы послать Государь въ Петроградъ для водворенія порядка и обезпеченія отъ случайностей Царской Семьи. Мнѣ кажется такой человѣкъ есть въ Ставкѣ, это генералъ-адъютантъ Ивановъ, герой настоящей войны. Имя его извѣстно всей Россіи и если Николай Іудовичъ немедля отправится въ Петроградъ и Царское, то, можетъ быть, еще спасетъ положеніе». С. П. согласился и мы на завтра, 27-го февраля, рѣшили отправиться къ Иванову, сообщить наши мысли и, если онъ ихъ одобритъ, то и просить его доложить Государю о его желаніи отправиться въ Петроградъ и принять командованіе надъ войсками столицы для водворенія порядка.

Ни вчера, ни сегодня не было уже возможности переговорить

съ Петроградомъ, такъ какъ телефонъ все время былъ соединенъ съ кабинетомъ Его Величества въ Ставкѣ для переговоровъ съ Царскосельскимъ дворцомъ.

Я ждалъ съ нетерпѣніемъ завтрашняго дня, дабы скорѣй переговорить съ генералъ-адъютантомъ Ивановымъ.

Могилевъ. Понедѣльникъ, 27-го Февраля.

Ночью въ Ставкѣ получены опредѣленныя извѣстія, что въ Петроградѣ начался солдатскій бунтъ и правительство безсильно водворить порядокъ. Я видѣлъ М. В. Алексѣева; онъ былъ очень встревоженъ и сказалъ: «Новыя явленія — войска переходятъ на сторону возставшаго народа».

Какъ на причину быстраго перехода войскъ на сторону бунтовавшихъ рабочихъ и черни указывали въ Ставкѣ на крайне неудачную мысль и распоряженіе бывшаго военнаго министра Поливанова держать запасные гвардейскіе баталіоны въ самомъ Петроградѣ въ тысячныхъ составахъ. Были такіе баталіоны, которые имѣли по 12-15 тысячъ. Все это помѣщалось въ скученномъ видѣ въ казармахъ, гдѣ люди располагались для спанья въ два-три и четыре яруса. Наблюдать за такими частями становилось трудно, не хватало офицеровъ, и возможность пропаганды существовала полная. Въ сущности эти запасные баталіоны вовсе не были преображенцы, семеновцы, егеря и т. д. Никто изъ молодыхъ солдатъ не былъ еще въ полкахъ, а только обучался, чтобы потомъ попасть въ ряды того или другого гвардейскаго полка и получить духъ, физіономію части и впитать ея традиціи. Многіе изъ солдатъ запасныхъ баталіоновъ не были даже приведены къ присягѣ. Вотъ почему этотъ молодой контингентъ такъ называемыхъ гвардейскихъ солдатъ не могъ быть стоекъ и, выйдя 24, 25 и 26 Февраля на усмиреніе безпорядковъ зашатался и затѣмъ начался безсмысленный и безпощадный солдатскій бунтъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, получились извѣстія, что нѣкоторыя роты, какъ напримѣръ Павловскаго, Волынскаго, Кексгольмскаго запасныхъ баталіоновъ, держались въ первые два дня стойко.

Удивлялись, что генералъ Хабаловъ не воспользовался такими твердыми частями, какъ Петроградскія юнкерскія училища, въ которыхъ въ это время сосредоточивалось нѣсколько тысячъ юнкеровъ.

Мнѣ передавалъ генералъ Клембовскій, что Родзянко прислалъ

телеграмму Государю, гдѣ онъ настойчиво проситъ образовать новое правительство изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ общества. Клембовскій не зналъ и потому не могъ мнѣ сообщить какой отвѣтъ посланъ на эту телеграмму. Обо всемъ этомъ я узналъ до завтрака, къ которому Государь прибылъ послѣ обычнаго, но на этотъ разъ короткаго, доклада генералъ-адъютанта Алексѣева въ генералъ-квартирмейстерской части.

Государь сегодня замѣтно болѣе сумраченъ и очень мало разговорчивъ. Графъ Фредериксъ, Ниловъ и другіе не скрываютъ своихъ опасеній и боятся революціонныхъ переворотовъ. К. Д. Ниловъ все повторялъ свою обычную фразу: «Всѣ будемъ висѣть на фонаряхъ у насъ будетъ такая революція, какой еще нигдѣ не было».

Генералъ Воейковъ держится бодро, но видимо всетаки волнуется, хотя все же очень занятъ устройствомъ своей новой квартиры.

Послѣ двухъ часовъ Государь съ дворцовымъ комендантомъ и другими лицами свиты ѣздилъ на прогулку по Оршанскому шоссе.

Къ вечеру мы узнали, что получена еще вторая телеграмма отъ Родзянки, въ которой онъ вновь настойчиво проситъ Государя удовлетворить ходатайство объ отвѣтственномъ министерствѣ, при этомъ предсѣдатель Государственной Думы указываетъ, что отвѣтственное министерство необходимо во имя спасенія родины и династіи.

Я лично этой телеграммы не видалъ, но слышалъ объ ней отъ многихъ лицъ. На эту телеграмму будто бы посланъ отвѣтъ черезъ генералъ-адъютанта Алексѣева по прямому проводу въ Петроградъ послѣ совѣщанія у Государя, на которомъ присутствовали графъ Фредериксъ, генералъ Алексѣевъ и генералъ Воейковъ. Отвѣтъ выражалъ согласіе Государя на образованіе отвѣтственнаго министерства, при чемъ Его Величество, оставляя въ своемъ непосредственномъ распоряженіи министерства военное, морское, иностранныхъ дѣлъ и Императорскаго Двора, поручалъ сформированіе кабинета князю Львову.

Безусловно всѣ, и свита и чины штаба, выражали радость по поводу отвѣта и надѣялись, что это согласіе Царя на образованіе отвѣтственнаго министерства внесетъ успокоеніе. Однако всѣ эти свѣдѣнія появлялись отрывочно и никто не зналъ насколько были вѣрны эти слухи*).

---

*) Авторъ воспоминаній впадаетъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ послѣдующемъ изложеніи, въ ошибку. Окружающіе Государя, дѣйствительно, настаивали на немедленномъ образованіи отвѣтственнаго

Около 6 часовъ вечера я вмѣстѣ съ проф. С. П. Федоровымъ отправился на станцію въ вагонъ генералъ-адъютанта Н. І. Иванова, который насъ ожидалъ. Въ этомъ вагонѣ генералъ Ивановъ жилъ все время войны, начиная съ 1914 года, когда онъ изъ Кіева выступилъ на войну главнокомандующимъ Южнаго фронта. Всѣ побѣдоносныя операціи въ Галиціи, блестящаго періода начала великой войны, обсуждались въ этомъ вагонѣ, небольшомъ, но уютномъ. Въ салонѣ стояло нѣсколько столовъ, висѣли карты.

Я лично давно зналъ Н. І. Иванова, съ тѣхъ еще поръ, когда онъ былъ полковникомъ и служилъ въ главномъ артиллерійскомъ управленіи, затѣмъ встрѣчалъ его на Японской войнѣ, бывалъ у него въ Кіевѣ, а съ 1914 года постоянно видалъ его, сначала на Южномъ фронтѣ, а со времени назначенія генералъ-адъютанта Иванова состоять при Особѣ Его Величества, мы находились вмѣстѣ въ Ставкѣ.

Николай Іудовичъ былъ чисто русскій человѣкъ незнатнаго происхожденія, пробившій себѣ дорогу упорнымъ трудомъ. Неглупый, осторожный, настойчивый, глубоко религіозный и честный генералъ Ивановъ и по внѣшнему своему виду являлся типичнымъ великороссомъ, съ большой, теперь уже посѣдѣвшей, бородой и характерной русской рѣчью.

Мы сѣли. Николай Іудовичъ сталъ угощать насъ чаемъ.

«Что то будетъ отъ такой разрухи. Чѣмъ все это кончится», сказалъ онъ.

«Вамъ необходимо придти на помощь Государю. Онъ совершенно одинъ и измученъ. Вамъ надо отправиться въ Петроградъ, принять командованіе всѣми войсками и водворить порядокъ», отвѣтили мы Иванову.

«Поздно теперь, части зашатались и вѣрныхъ мало осталось. Мнѣ, конечно, самому ничего не надо. Жизнь къ концу. Я радъ и счастливъ помочь Его Величеству, но какъ это сдѣлать. Необхомо имѣть хоть небольшую, но твердую часть, чтобы до Царскаго

передъ палатами Министерства, полагая, что эта мѣра можетъ внести успокоеніе, и мнѣніе это являлось общепризнанымъ въ Ставкѣ. Однако телеграмма, посланная Его Величествомъ кн. Голицыну (см. отдѣлъ библіографіи) свидѣтельствуетъ, что Государь стоялъ въ этомъ дѣлѣ на правильномъ пути, сознавая, что обстоятельства требовали не уступокъ мятежу, а твердаго образа дѣйствіи.

Согласіе Государя на образованіе отвѣтственнаго Министерства послѣдовало лишь вечеромъ 1 Марта въ Псковѣ, по настоянію генерала Рузскаго, послѣ чего отмѣнены были военныя мѣры, предуказанныя Государемъ въ Ставкѣ. (Ред.)

къ Императрицѣ доѣхать и охранить семью, а тамъ уже дѣйствовать какъ Богъ укажетъ», разсуждалъ Ивановъ.

«Вы сегодня за обѣдомъ переговорите съ Государемъ, скажите ему свои соображенія и доложите, что готовы принять на себя порученіе Его Величества проѣхать въ Петроградъ для водворенія порядка. Государь такъ волнуется событіями и за Императрицу и дѣтей. Онъ навѣрное будетъ благодаренъ, что Вы возмете на себя умиротвореніе столицы и станете во главѣ этого тяжелаго и серьезнаго дѣла. Богъ поможетъ Вамъ. Васъ знаетъ вся Россія».

Мы оставались у Иванова больше часа, обсуждая то трудное и опасное дѣло, которое онъ соглашался взять на себя. Долженъ отмѣтить, что старый генералъ-адъютантъ не поколебался ни одной минуты пойти на помощь Царю и Россіи въ эти роковые дни. Онъ обсуждалъ только вопросъ, какъ лучше сдѣлать это и ни разу даже не намекнулъ, что онъ не можетъ и не хочетъ этого дѣлать. Больше всего смущало старика то, что «поздно хватились, надо бы раньше направиться туда въ Питеръ», и часто повторялъ «боюсь, поздно».

«Мы Вамъ устроимъ сегодня за обѣдомъ мѣсто рядомъ съ Государемъ», сказалъ С. П. Федоровъ, «я скажу гофмаршалу князю Долгорукову объ этомъ».

Мы распрощались и поѣхали во дворецъ. По пути на Днѣпровскомъ проспектѣ у ярко освѣщеннаго изнутри дома мы замѣтили автомобиль дворцоваго коменданта и Сергѣй Петровичъ сказалъ мнѣ: «Смотрите, это Воейковъ все хлопочетъ и устраиваетъ квартиру для своей жены. Онъ ждетъ ее на дняхъ».

Я крайне удивился, услышавъ эти слова, и не могъ себѣ представить, что въ такія минуты, когда всѣ страшились за судьбу всего нашего строя и Царской Семьи, такой близкій ко двору человѣкъ могъ быть такъ спокоенъ. Вѣрно онъ не сомнѣвается, что все обойдется благополучно, иначе не сталъ бы онъ заниматься такими пустяками. Вѣдь ему болѣе чѣмъ кому либо извѣстно положеніе дѣла.

Этотъ послѣдній обѣдъ, 27 февраля, у Его Величества въ Ставкѣ до отреченія Государя я ясно помню. Онъ врѣзался въ память. Приглашены были генералъ Кондзеровскій и какой то полковой командиръ, прибывшій съ фронта. Затѣмъ за столомъ находились только тѣ, кто постоянно обѣдали съ Государемъ, т. е. вся свита и иностранные военные представители.

Тяжелое настроеніе господствовало у всѣхъ. Молча ожидали мы выхода Государя изъ кабинета. Его Величество въ защитной

рубахѣ появился за нѣсколько минутъ до 8 часовъ. Онъ былъ блѣденъ, его большіе, красивые глаза смотрѣли не такъ, какъ всегда. Были видны и грусть и тревога. Государь обошелъ всѣхъ молча и только приглашенному командиру полка сказалъ нѣсколько словъ.

За столомъ рядомъ съ Государемъ сѣлъ генералъ-адъютантъ Ивановъ и они весь обѣдъ тихо разговаривали между собою.

Когда вышли изъ за стола и направились въ залъ, Государь подошелъ къ дежурному генералу Кондзеровскому и сказалъ: «Я Васъ прошу непремѣнно сдѣлать распоряженіе относительно того лица, о которомъ я говорилъ Вамъ. Это порученіе моей матушки и я хочу непремѣнно его срочно исполнить».

Генералъ Кондзеровскій сказалъ: «Слушаю Ваше Величество, я немедленно отдамъ приказаніе».

Государь сдѣлалъ общій поклонъ и ушелъ въ кабинетъ.

Всѣ стали расходиться. Ко мнѣ подошелъ генералъ-адъютантъ Ивановъ и сообщилъ, что наше общее желаніе удовлетворено: Государь повелѣлъ ему отправиться съ Георгіевскимъ баталіономъ сегодня въ ночь въ Царское и затѣмъ въ Петроградъ для водворенія порядка. Николай Іудовичъ добавилъ: «Его Величество приказалъ побывать у него еще разъ для дополнительныхъ директивъ. «Вѣдь Вы уѣзжаете сегодня ночью въ Царское, гдѣ будете 1-го марта», говорилъ мнѣ Государь. Дается отвѣтственное министерство, послана объ этомъ телеграмма въ Петроградъ. Государь надѣется, что это внесетъ успокоеніе и возстаніе можно будетъ потушить. А я всетаки опасаюсь не поздно ли. Да и самъ Государь, какъ Вы видѣли, сумраченъ и очень тревожится. Я съ Георгіевцами поѣду прямо черезъ Дно на Царское и Петроградъ, а Императорскіе поѣзда пойдутъ черезъ Смоленскъ-Лихославль-Тосно на Царское».

Мы простились съ Николаемъ Іудовичемъ, я пожелалъ ему успѣха и сказалъ: «Богъ дастъ скоро встрѣтимся въ Петроградѣ».

«Дай Богъ», отвѣтилъ генералъ Ивановъ и, наклонивъ голову, торопливо пошелъ въ кабинетъ Государя.

Часовъ въ 11 вечера, когда я сидѣлъ у себя въ комнатѣ, ко мнѣ вошелъ баронъ Штакельбергъ и взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

«Скорѣй собирайтесь. Мы сейчасъ уѣзжаемъ. Государь ѣдетъ въ Царское. Происходятъ такія событія, что нельзя сказать чѣмъ все это кончится. Правда, отвѣтственное министерство, на которое согласился Его Величество, можетъ поправить дѣло. На него только надежда, но всетаки очень тяжело».

Черезъ полчаса мы уже переѣзжали въ автомобиляхъ въ свой свитскій поѣздъ.

Вмѣстѣ со мною въ этомъ поѣздѣ ѣхали: командиръ собственнаго Его Величества желѣзнодорожнаго полка, генералъ-маіоръ Цабель, церемоніймейстеръ баронъ Штакельбергъ, комендантъ поѣзда подполковникъ Таль, начальникъ дворцовой охраны полковникъ Невдаровъ, затѣмъ офицеры конвоя, своднаго полка, собственнаго жел.-дорожн. полка, чины канцеляріи министерства Двора. Нашъ поѣздъ долженъ былъ уйдти раньше «собственнаго Его Величества» на часъ.

Весь этотъ вечеръ и почти всю ночь мы всѣ не расходились и бесѣдовали о нашемъ срочномъ отъѣздѣ и хотя выражали надежду, что предуказанный парламентскій строй внесетъ успокоеніе въ общество, но отошли мы изъ Могилева, послѣ 2 часовъ ночи 28 февраля, съ большой тревогой.

Вторникъ, 28-го Февраля.

Переѣздъ Могилевъ-Орша-Смоленскъ-Лихославль-Бологое-Малая Вишера.

Вчера, 27 февраля, въ понедѣльникъ, послѣ обѣда Государь ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и тамъ бесѣдовалъ сначала съ генералъ-адъютантомъ Ивановымъ и указалъ ему еще разъ придти къ нему въ вагонъ по переѣздѣ его въ поѣздъ, затѣмъ съ генералъ-адъютантомъ Алексѣевымъ, потомъ съ графомъ Фредериксомъ и генераломъ Воейковымъ. Съ генераломъ Алексѣевымъ Его Величество говорилъ о томъ, что теперь, когда будетъ создаваться отвѣтственное министерство, ему придется задержаться въ Царскомъ, такъ какъ новыя условія организаціи правительства потребуютъ пребыванія Его въ столицѣ. Государь разстался съ своимъ начальникомъ штаба въ полной увѣренности, что генералъ-адъютантъ Алексѣевъ поведетъ дѣло такъ, какъ оно опредѣлено Его Величествомъ.

«Теперь есть телефонъ между Ставкой и Царскимъ и Вы, Михаилъ Васильевичъ, будете меня держать въ курсѣ всѣхъ дѣлъ и событій», сказалъ Государь, разставаясь съ генераломъ Алексѣевымъ. «Дай Богъ только наладить спокойствіе въ Петроградѣ Николаю Іудовичу», добавилъ Его Величество.

Послѣ 12 часовъ ночи съ понедѣльника на вторникъ Государь

переѣхалъ въ поѣздъ и къ Его Величеству тотчасъ прибылъ генералъ-адъютантъ Ивановъ и оставался на аудіенціи почти 2 часа. Государь, какъ мнѣ передавалъ потомъ Николай Іудовичъ, по душѣ, сердечно и глубоко искренно говорилъ съ нимъ. Измученный, боящійся за участь Россіи и свою семью, взволнованный озлобленными требованіями бунтующей Государственной Думы, Царь сказалъ генералу Иванову свои грустныя и тяжелыя соображенія.

«Я берегъ не самодержавную власть, а Россію. Я не убѣжденъ, что перемѣна формы правленія дастъ спокойствіе и счастье народу», такъ выразился Государь о своей сокровенной мысли почему онъ упорно отказывался до сихъ поръ дать парламентскій строй. Затѣмъ Государь указалъ, что теперь онъ считаетъ необходимымъ согласиться на это требованіе Думы, такъ какъ волненія дошли до бунта и противодѣйствовать онъ не въ силахъ. Государь говорилъ о той упорной агитаціи, которая давно ведется противъ Императрицы и его самаго, и скорбѣлъ о томъ, что ихъ лучшимъ стремленіямъ никогда не вѣрили и злобные слухи доходили до того, что высказывались подозрѣнія о возможности сношеній между ними и врагомъ Россіи императоромъ Вильгельмомъ.

Слова Царя трогали генерала Иванова, по его разсказу, настолько, что ему трудно было иногда отвѣчать отъ спазмъ въ горлѣ. Государь, разставаясь съ Николаемъ Іудовичемъ, поцѣловался съ нимъ, перекрестилъ его и въ свою очередь Ивановъ перекрестилъ Царя.

Его Величество легъ въ эту ночь поздно, послѣ 3 часовъ, и всталъ на слѣдующій день позже обычнаго времени, около 10 часовъ утра. Днемъ, во вторникъ, мы проѣхали Смоленскъ, Вязьму. Всюду было полное спокойствіе. Стоялъ яркій солнечный, немного морозный, день. Царскіе поѣзда шли обычнымъ порядкомъ. Насъ сопровождали, каждый по своему участку, путевые инженеры. Вотъ отъ одного изъ такихъ инженеровъ въ нашемъ свитскомъ поѣздѣ, который шелъ, какъ я сказалъ, впереди Императорскаго поѣзда, мы узнали черезъ нашего инженера Эртеля послѣ 4 часовъ дня, что образовано какое то новое «временное правительство», а старая власть свергнута. Объ этомъ оповѣщалъ телеграммой по желѣзной дорогѣ членъ Думы Бубликовъ, назначенный коммиссаромъ путей сообщенія. Онъ просилъ всѣхъ служащихъ на желѣзной дорогѣ «во имя добытой свободы» оставаться на своихъ мѣстахъ и исполнять неуклонно свою работу. Кромѣ того получена на одной изъ станцій телеграмма отъ какого то коменданта ст. Петроградъ сотника Гре-

кова о «направленіи литерныхъ поѣздовъ А и Б (т. е. свитскаго и Царскаго) непосредственно въ Петроградъ, а не въ Царское Село черезъ Тосно».

Эти неожиданныя свѣдѣнія насъ всѣхъ крайне взволновали. Стало понятно, что въ Петроградѣ уже совершился революціонный переворотъ и образованное «временное правительство» свободно распоряжается Императорскими поѣздами, рѣшаясь направлять ихъ по своему усмотрѣнію. Послѣ полученія этого тревожнаго извѣстія мы, слѣдовавшіе въ свитскомъ поѣздѣ: генералъ Цабель, баронъ Штакельбергъ, полковникъ Невдаровъ, подполковникъ Таль, чиновники канцеляріи министерства Двора А. В. Сусловъ и я стали обсуждать вопросъ какъ же реагировать на него. Постановили, чтобы я написалъ обо всемъ, что нами узнано, письмо профессору С. П. Федорову, ѣдущему въ поѣздѣ Государя, съ которымъ я былъ близокъ, съ просьбой сообщить дворцовому коменданту для доклада Его Величеству. Письмо мною было сейчасъ же написано, помню карандашемъ, при чемъ помимо фактовъ, было высказано соображеніе, что въ этихъ обстоятельствахъ ѣхать далѣе не слѣдуетъ и лучше черезъ Бологое направиться въ Псковъ, гдѣ находится штабъ Сѣвернаго фронта, тамъ генералъ-адъютантъ Рузскій, есть близко войска и самъ по себѣ Псковъ старый, тихій, небольшой губернскій городъ, гдѣ Его Величество спокойно можетъ пробыть и опредѣлить создавшіяся обстоятельства и выяснить обстановку. Письмо было передано одному изъ офицеровъ, который сошелъ съ нашего поѣзда на ближайшей станціи и дождался поѣзда собственнаго Его Величества и передалъ письмо лейбъ-хирургу С. П. Федорову. Часамъ къ 12 ночи нашъ свитскій поѣздъ подошелъ къ Бологому, гдѣ мы получили отъ генерала Воейкова отвѣтную на мое письмо телеграмму такого примѣрно содержанія: «во что бы то ни стало пробраться въ Царское Село». Всѣхъ удивилъ этотъ отвѣтъ, нѣкоторые изъ насъ даже настаивали, чтобы задержаться въ Бологомъ до подхода «собственнаго» поѣзда и еще разъ переговорить съ дворцовымъ комендантомъ, но, въ концѣ концовъ, рѣшили ѣхать дальше. Тронулись въ путь и около часа ночи на 1-е Марта прибыли на ст. Малая Вишера. Весь нашъ поѣздъ не спалъ, мы все время обсуждали наше трудное положеніе и сознавали, что слѣдовать далѣе не только крайне рисковано, но просто невозможно, не подвергая жизнь Его Величества опасности.

На самой станціи Малая Вишера въ нашъ поѣздъ вошелъ офицеръ (не помню его фамиліи) собственнаго Его Величества желѣзно-

дорожнаго полка и доложилъ командиру генералу Цабель, что станція Любань, а равно и Тосно заняты уже революціонными войсками, тамъ находятся, кажется, роты л. гв. Литовскаго полка съ пулеметами, что люди этой роты въ Любани уже сняли съ постовъ людей желѣзнодорожнаго полка и что онъ едва могъ уѣхать на дрезинѣ сюда, чтобы доложить о томъ, что случилось.

Вслѣдъ за такими, уже опредѣленно грозными, сообщеніями, было сдѣлано нами немедленное распоряженіе по ст. М. Вишера занять телефоны, телеграфъ и дежурную комнату; выставлены наши посты, указано желѣзнодорожнымъ жандармамъ охранять станцію отъ всякихъ случайностей и она стала изолированной отъ сношеній съ кѣмъ бы то ни было безъ нашего вѣдома. Рѣшено было далѣе не двигаться и ожидать здѣсь подхода «собственнаго» поѣзда для доклада полученныхъ извѣстій Его Величеству.

На станціи почти нѣтъ народу. Она ярко освѣщена. Начальникъ станціи, небольшой старичекъ, очень исполнительный и расположенный сдѣлать все, что необходимо, перевелъ нашъ поѣздъ на запасный путь и мы стали ждать подхода «собственнаго» поѣзда.

Ночь ясная, тихая, морозная. Всюду царствовала полная тишина. На платформѣ, на путяхъ виднѣлись наши посты солдатъ желѣзнодорожнаго полка. Генералъ Цабель, баронъ Штакельбергъ и я находились на платформѣ, поджидая прибытія Царскаго поѣзда. Около 2 часовъ ночи онъ тихо подошелъ. Изъ вагоновъ вышелъ только одинъ генералъ Нарышкинъ. Мы спросили Кирилла Анатоліевича гдѣ же дворцовый комендантъ и остальная свита.

«Всѣ спятъ въ поѣздѣ», отвѣтилъ онъ. Признаться мы крайне поразились этому извѣстію.

«Какъ спятъ. Вы знаете, что Любань и Тосно заняты революціонными войсками. Вѣдь мы сообщили, что наши поѣзда приказано отправить не на Царское, а прямо въ Петроградъ, гдѣ уже есть какое то «временное правительство...»

К. А. Нарышкинъ, неразговорчивый всегда, и на этотъ разъ молчалъ. Мы вошли въ вагонъ, гдѣ было купэ дворцоваго коменданта и постучались къ нему. Владиміръ Николаевичъ крѣпко спалъ. Наконецъ онъ пробудился, одѣлся, къ нему вошелъ генералъ Цабель и доложилъ, какъ непосредственно подчиненный, с всѣхъ событіяхъ и занятіи Любани и Тосно.

Черезъ нѣсколько минутъ генералъ Воейковъ вышелъ въ корридоръ съ всклокоченными волосами и началъ съ нами обсуждать, что дѣлать. Нѣкоторые изъ насъ совѣтовали ѣхать назадъ въ Ставку,

другіе указывали на путь на Псковъ, о чемъ уже я писалъ днемъ. Генералъ Воейковъ, помнится, самъ не высказывался опредѣленно ни за то, ни за другое предложеніе. Затѣмъ онъ прошелъ въ вагонъ Его Величества и доложилъ Государю все, что ему донесли. Дворцовый комендантъ очень скоро вернулся отъ Государя, который недолго обсуждалъ создавшееся положеніе и повелѣлъ поѣздамъ слѣдовать назадъ на Бологое, а оттуда на Псковъ, гдѣ находился генералъ-адъютантъ Рузскій.

Государь вообще отнесся къ задержкамъ въ пути и къ этимъ грознымъ явленіямъ необычайно спокойно. Онъ, мнѣ кажется, предполагалъ, что это случайный эпизодъ, который не будетъ имѣть послѣдствій и не помѣшаетъ ему доѣхать, съ нѣкоторымъ только опозданіемъ, до Царскаго Села.

Я прошелъ въ купэ къ С. П. Федорову, который не спалъ, да и всѣ уже проснулись въ Царскомъ поѣздѣ. Меня интересовало, почему такое спокойствіе царило въ ихъ вагонахъ послѣ того, какъ мы имъ передали безусловно тревожныя свѣдѣнія.

«Да Владиміръ Николаевичъ не придалъ имъ особаго значенія и думалъ, что поѣзда всетаки могутъ дойти до Царскаго, несмотря на приказаніе направить ихъ на Петроградъ. Письмо онъ Ваше прочиталъ, но вѣроятно не доложилъ его Государю», отвѣтилъ мнѣ Сергѣй Петровичъ.

«Такъ что Вы думаете, что Его Величество не вполнѣ знаетъ, что случилось», спросилъ я.

«Да, я полагаю, Онъ не вполнѣ въ курсѣ событій. Государь сегодня былъ довольно спокоенъ и надѣялся, что разъ онъ даетъ отвѣтственное министерство и послалъ генерала Иванова въ Петроградъ, то опасность устраняется и можно ждать успокоенія. Впрочемъ Онъ мало сегодня съ нами говорилъ», сказалъ Сергѣй Петровичъ.

Пока переводили наши поѣзда на обратный путь, причемъ, дабы охранить Царскій поѣздъ отъ какихъ либо, можетъ быть, преслѣдованій, нашъ поѣздъ поставили позади, — мы успѣли прочитать сообщенія какого то листка о намѣченномъ составѣ «временнаго правительства».

Весь составъ этого перваго министерства «временнаго правительства» почти исключительно кадетскій, только Керенскій стоитъ лѣвѣе остальныхъ, принадлежа къ партіи, кажется, соціалъ-демократовъ; министръ военный и морской Гучковъ считался въ октябристахъ, но по своей общественной дѣятельности и активной борьбѣ

съ правительствомъ, и не только съ нимъ, но даже съ Государемъ, онъ являлся самымъ ярымъ проводникомъ новыхъ началъ и перемѣны власти. Назначенный въ началѣ августа 1915 года предсѣдателемъ промышленнаго комитета, Гучковъ много вложилъ злой энергіи въ расшатываніе основъ власти и совмѣстно съ бывшимъ тогда военнымъ министромъ генераломъ А. А. Поливановымъ, его другомъ, сѣялъ недовѣріе къ дѣятельности Ставки и опять таки къ самому Государю. Наша пресса, настроенная уже давно враждебно къ прежнему правительству, встрѣтила составъ «временнаго правительства», судя по первымъ попавшимъ газетамъ и листкамъ, сочувственно и высказывала увѣренность, что Россія пріобрѣтетъ огромныя преимущества, земѣнивъ «негодную царскую самодержавную власть». Сулились побѣды, подъемъ дѣятельности въ странѣ, послѣ «перемѣны шофера», какъ уже выражались тогда поклонники переворота, и устраненія отъ власти «Николая». Такъ все это мы и прочитали уже 1-го марта въ М. Вишерѣ.

Помню мы начали обсуждать составъ министерства и нѣкоторые изъ насъ находили его соотвѣтствующимъ настоящему моменту. На мое замѣчаніе, что врядъ ли соціалистъ Керенскій можетъ быть полезенъ въ составѣ министерства, мнѣ отвѣтили: «Кто знаетъ, онъ можетъ успокоить рабочихъ, лѣвое крыло Думы и нѣсколько утихомирить революціонныя проявленія, если конечно пожелаетъ начать работать, а не продолжать революцію»...

Уже поздно ночью, должно быть въ четвертомъ часу, нашъ свитскій поѣздъ отошелъ вслѣдъ за «собственнымъ».

Мы ѣхали въ Псковъ къ генералъ-адъютанту Рузскому, надѣясь, что Главнокомандующій Сѣвернаго фронта поможетъ Царю въ эти тревожные часы, когда зашаталась власть, устранить революціонныя крайности и дастъ возможность Его Величеству провести въ жизнь народа спѣшныя прелбразованія правленія Россіи, по возможности, болѣе тихо по намѣченной уже программѣ, о чемъ сообщено было днемъ 27 февраля изъ Ставки въ Петроградъ. Въ пути на Псковъ мы готовили манифестъ, въ которомъ Государь призывалъ народъ къ спокойствію, указывая на необходимость единодушно съ Нимъ-Царемъ продолжать войну съ нѣмцами. Казалось старый, считавшійся умнымъ, спокойнымъ Рузскій съумѣетъ поддержать Государя въ это страшное время. Вѣрилъ въ это и самъ Государь, почему и выбралъ путь на Псковъ, а не въ другое мѣсто.

Среда, 1-го Марта.

Переѣздъ Малая Вишера-Бологое-Валдай-Ст. Русса-Дно-Порховъ-Псковъ.

Днемъ мы подходили къ Старой Руссѣ. Огромная толпа народа заполняла всю станцію. Около часовни, которая имѣется на платформѣ, сгруппировались монахини мѣстнаго монастыря. Всѣ смотрѣли съ большимъ вниманіемъ на нашъ поѣздъ, снимали шапки, кланялись. Настроеніе всего народа глубоко сочувственное къ Царю, поѣздъ котораго только что прошелъ Руссу, и я самъ слышалъ, какъ монахини и другіе говорили: «Слава Богу удалось хотя въ окошко увидать Батюшку-Царя, а то вѣдь нѣкоторые никогда не видали его».

Всюду господствовалъ полный порядокъ и оживленіе. Мѣстной полиціи, кромѣ двухъ-трехъ урядниковъ, станціонныхъ жандармовъ, исправника, никого и не было на станціи. Я не знаю, было ли уже извѣстно всему народу о созданіи «временнаго правительства», но желѣзнодорожная администрація изъ телеграммы Бубликова должна была знать о перемѣнахъ и распоряженіяхъ Государственной Думы, тѣмъ не менѣе все было по прежнему, и вниманіе къ поѣзду особаго назначенія полное.

Невольно думалось объ этой разницѣ въ отношеніи къ Царю среди простого народа въ глубинѣ провинціи, здѣсь въ Ст. Руссѣ, и тѣми революціонными массами Петрограда съ солдатскими бунтами, благодаря которымъ Государь принужденъ вернуться съ своего пути на Царское Село.

День стоялъ ясный, уже чуть чуть чувствовалась весна. Наши поѣзда шли спокойно, безъ малѣйшихъ затрудненій. Единственное измѣненіе въ нашемъ движеніи было то, что мы шли тише, такъ какъ не былъ извѣстенъ путь и надо было уменьшить скорость. Кромѣ того на паровозѣ находились офицеръ желѣзнодорожнаго полка съ двумя солдатами.

Какъ я сказалъ выше, свитскій поѣздъ шелъ сзади «собственнаго», но на ст. Дно, которую прошли совершенно спокойно, мы обогнали Царскій поѣздъ, дабы къ Пскову подойти раньше.

Когда мы проходили на ст. Дно мимо «собственнаго» поѣзда и нѣкоторые изъ насъ стояли на площадкѣ вагона, то дворцовый комендантъ вышелъ изъ своего вагона, сталъ на подножку, привѣтливо помахалъ намъ рукой и улыбаясь громко крикнулъ въ мою

сторону: «Надѣюсь Вы довольны, мы ѣдемъ въ Псковъ». Видъ у Владиміра Николаевича былъ очень бодрый, веселый.

«Мнѣ кажется, что «Дворкомъ» увѣренъ въ благополучномъ исходѣ всѣхъ нашихъ приключеній и событій, иначе у него не было бы такого довольнаго вида», сказалъ кто то изъ насъ, когда мы миновали Царскіе вагоны.

Первое марта, проклятый и позорный день для Россіи, уже кончался, когда мы послѣ 7 часовъ вечера стали подходить къ древнему Пскову. Станція темноватая, народу немного, на платформѣ находился Псковскій губернаторъ, нѣсколько чиновъ мѣстной администраціи, пограничной стражи генералъ-лейтенантъ Ушаковъ и еще небольшая группа лицъ служебнаго персонала. Никакихъ офиціальныхъ встрѣчъ очевидно не будетъ и почетнаго караула не видно. Поджидая подходъ Императорскаго поѣзда многіе изъ насъ говорили съ тѣми лицами, которыя прибыли на вокзалъ для встрѣчи Государя, но ничего новаго мы не узнали здѣсь о событіяхъ въ Петроградѣ, да и всѣ были очень сдержаны въ своихъ рѣчахъ. Губернаторъ сообщилъ только, что Псковъ пока равнодушно отнесся къ событіямъ и въ городѣ тихо. «Впрочемъ, мы на театрѣ военныхъ дѣйствій и у насъ трудно было ожидать волненій», добавилъ начальникъ губерніи.

На вокзалѣ народа мало, такъ какъ изъ Петрограда послѣ революціонныхъ дней конца февраля поѣзда не приходили и пассажирское движеніе еще не установилось.

Около 8 часовъ вечера прибылъ «собственный» поѣздъ. Я и баронъ Штакельбергъ прошли въ вагонъ лицъ свиты. Мы застали всѣхъ въ корридорѣ; тутъ былъ графъ Фредериксъ, К. Д. Ниловъ, князь Долгорукій, графъ Граббе, С. П. Федоровъ, герцогъ Лейхтенбергскій. Уже знали, что почетнаго караула не будетъ и Его Величество на платформу не выйдетъ. Спросили насъ, что слышно о городѣ, спокойно ли тамъ.

Государь на очень короткое время принялъ губернатора. Всѣ ждали прибытія главнокомандующаго Сѣвернымъ фронтомъ генералъ-адъютанта Николая Владиміровича Рузскаго. Черезъ нѣсколько минутъ онъ показался на платформѣ въ сопровожденіи начальника штаба фронта генерала Юрія Никифоровича Данилова (бывшій генералъ-квартирмейстеръ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ) и своего адъютанта графа Шереметьева. Рузскій шелъ согбенный, сѣдой, старый, въ резиновыхъ галошахъ; онъ былъ въ формѣ генеральнаго штаба. Лицо у него блѣдное, болѣзненное и

глаза изъ подъ очковъ смотрѣли непривѣгливо. Небольшой съ сильной просѣдью брюнетъ генералъ Даниловъ, извѣстный въ арміи и штабахъ подъ именемъ «черный» слѣдовалъ за главнокомандующимъ. Они вошли въ вагонъ свиты, гдѣ всѣ собрались, и Рузскій прошелъ въ одно изъ отдѣленій, кажется князя Долгорукаго, поздоровался со всѣми нами и сѣлъ въ уголъ дивана около двери. Мы всѣ обступили его. Волненіе среди насъ царило большое. Всѣ хотѣли говорить. Рузскій, отвалившись въ уголъ дивана, смотрѣлъ какъ то саркастически на всѣхъ. Графъ Фредериксъ, когда немного успокоились и восклицанія въ родѣ того, что «Ваше Высокопревосходительство должны помочь, къ Вамъ направился Его Величество, когда узналъ о событіяхъ въ Петроградѣ», прекратились, обратился къ Рузскому, примѣрно, съ слѣдующими словами: «Николай Владиміровичъ, Вы знаете, что Его Величество даетъ отвѣтственное министерство. Государь ѣдетъ въ Царское. Тамъ находится Императрица и вся семья, Наслѣдникъ боленъ корью, а въ столицѣ возстаніе. Когда стало извѣстно, что уже проѣхать прямо въ Царское нельзя, Его Величество въ М. Вишерѣ приказалъ слѣдовать въ Псковъ къ Вамъ и Вы должны помочь Государю наладить дѣла».

«Теперь уже поздно», сказалъ Рузскій. «Я много разъ говорилъ, что необходимо идти въ согласіи съ Государственной Думой и давать тѣ реформы, которыя требуетъ страна. Меня не слушали. Голосъ хлыста Распутина имѣлъ большее значеніе. Имъ управлялась Россія. Потомъ появился Протопоповъ и сформировано ничтожное министерство князя Голицына. Всѣ говорятъ о сепаратномъ мирѣ»... и т. д., и т. д. съ яростью и злобой говорилъ генералъ-адъютантъ Рузскій.

Ему начали возражать, указывали, что онъ сгущаетъ краски и многое въ его словахъ невѣрно. Графъ Фредериксъ вновь заговорилъ:

«Я никогда не былъ сторонникомъ Распутина, я его не зналъ и кромѣ того Вы ошибаетесь, онъ вовсе не имѣлъ такого вліянія на всѣ дѣла»...

«О Васъ, графъ, никто не говоритъ. Вы въ сторонѣ стоите», отвѣтилъ Рузскій и въ этихъ словахъ чувствовалось указаніе, что ты, дескать, старъ и не въ счетъ.

«Но однако, что же дѣлать. Вы видите, что мы стоимъ надъ пропастью. На Васъ только и надежда», спросили разомъ нѣсколько человѣкъ Рузскаго.

Въ вѣкъ не забуду я отвѣта генералъ-адъютанта Рузскаго на

этотъ крикъ души всѣхъ насъ, не меньше его любившихъ Россію и беззавѣтно преданныхъ Государю Императору:

«*Теперь надо сдаваться на милость побѣдителя*», сказалъ онъ.

Опять начались возраженія, негодованія, споры, требованія, наконецъ просто просьбы помочь Царю въ эти минуты и не губить отечества. Говорили всѣ. Генералъ Воейковъ предложилъ переговорить лично по прямому проводу съ Родзянко; на это Рузскій отвѣтилъ:

«Онъ не подойдетъ къ аппарату, когда узнаетъ, что Вы хотите съ нимъ бесѣдовать». Дворцовый комендантъ сконфузился, замолчалъ и отошелъ въ сторону.

«Я самъ буду говорить съ Михаиломъ Владиміровичемъ (Родзянко)», сказалъ Рузскій.

Я сталъ убѣждать своего бывшаго сослуживца по мобилизаціонному отдѣлу генеральнаго штаба генерала Данилова повліять на Рузскаго.

«Я ничего не могу сдѣлать, меня не послушаютъ. Дѣло зашло слишкомъ далеко», отвѣтилъ Юрій Никифоровичъ.

Въ это время флигель-адъютантъ полковникъ Мордвиновъ пришелъ и доложилъ генералъ-адъютанту Рузскому, что Его Величество его можетъ принять. Главнокомандующій и его начальникъ штаба поднялись и направились къ выходу.

«Вы послѣ аудіенціи у Его Величества вернитесь къ намъ сюда и сообщите о своей бесѣдѣ съ Государемъ», говорили ему всѣ.

«Хорошо, я зайду», нехотя отвѣтилъ Рузскій.

Послѣ разговора съ Рузскимъ мы стояли всѣ потрясенные и какъ въ воду опущенные. Послѣдняя наша надежда, что ближайшій главнокомандующій Сѣвернаго фронта поддержитъ своего Императора очевидно не осуществится. Съ цинизмомъ и грубою опредѣленностью сказанная Рузскимъ фраза: «Надо сдаваться на милость побѣдителя», все уясняла и съ несомнѣнностью указывала, что не только Дума, Петроградъ, но и лица высшаго командованія на фронтѣ дѣйствуютъ въ полномъ согласіи и рѣшили произвести переворотъ. Мы только недоумѣвали, когда же это произошло. Прошло менѣе двухъ сутокъ, т. е. 28 февраля и день 1 марта, какъ Государь выѣхалъ изъ Ставки и тамъ остался Его генералъ-адъютантъ начальникъ штаба Алексѣевъ и онъ зналъ зачѣмъ ѣдетъ Царь въ столицу, и оказывается, что все уже сейчасъ предрѣшено и другой генералъ-адъютантъ Рузскій признаетъ «побѣдителей» и совѣтуетъ сдаваться на ихъ милость.

Чувство глубочайшаго негодованія, оскорбленія испытывали всѣ. Болѣе быстрой, болѣе сознательной предательской измѣны своему Государю представить себѣ трудно. Думать, что Его Величество сможетъ поколебать убѣжденія Рузскаго и найти въ немъ опору для своего противодѣйствія начавшемуся уже перевороту едва ли можно было. Вѣдь Государь очутился отрѣзаннымъ отъ всѣхъ. Вблизи находились только войска Сѣвернаго фронта, подъ командой того же генерала Рузскаго, признающаго «побѣдителей».

Генералъ-адъютантъ К. Д. Ниловъ былъ особенно возбужденъ и когда я вошелъ къ нему въ купэ, онъ задыхаясь говорилъ, что этого предателя Рузскаго надо арестовать и убить, что погибнетъ Государь и вся Россія. К. Д. Ниловъ не надѣялся на какой либо благопріятный поворотъ въ начавшемся ходѣ событій.

«Только самыя рѣшительныя мѣры по отношенію къ Рузскому, можетъ быть, улучшили бы нашу участь, но на рѣшительныя дѣйствія Государь не пойдетъ», сказалъ Ниловъ. К. Д. весь вечеръ не выходилъ изъ купэ и сидѣлъ мрачный, не желая никого видѣть.

Я пошелъ къ нему. Ниловъ прерывающимся голосомъ сталъ говорить мнѣ:

«Царь не можетъ согласиться на оставленіе трона. Это погубитъ всю Россію, всѣхъ насъ, весь народъ. Государь обязанъ противодѣйствовать этой подлой измѣнѣ Ставки и всѣхъ предателей генералъ-адъютантовъ. Кучка людей не можетъ этого дѣлать. Есть вѣрные люди, войска и не всѣ предатели въ Россіи».

К. Д. сталъ убѣждать меня пойти къ Государю и еще разъ доложить, что оставленіе трона невозможно.

Мы долго ждали возвращенія главнокомандующаго Сѣвернымъ фронтомъ отъ Государя, желая узнать чѣмъ кончилась бесѣда ихъ между собою. Однако свита не дождалась Рузскаго. Онъ въ 12-мъ часу прямо прошелъ отъ Его Величества къ себѣ для переговоровъ по прямому проводу съ Петроградомъ и Ставкой.

При этомъ первомъ продолжительномъ свиданіи Рузскаго съ Государемъ сразу уже опредѣлилось создавшееся положеніе. Рузскій въ настойчивой, даже рѣзкой, формѣ доказывалъ, что для спокойствія Россіи, для удачнаго продолженія войны, Государь долженъ передать престолъ Наслѣднику при регентствѣ брата своего Великаго Князя Михаила Александровича. Отвѣтственное министерство, которое обѣщалъ Царь, теперь уже не удовлетворяетъ Государственную Думу и образовавшееся «временное правительство», и уже требуютъ оставленія трона Его Величествомъ. Главно-

командующій Сѣвернаго фронта сообщилъ о согласіи всѣхъ остальныхъ главнокомандующихъ съ этимъ мнѣніемъ Думы и «временнаго правительства». По этому вопросу черезъ генерала Алексѣева достигнуто уже соглашеніе по прямому проводу между Ставкой Верховнаго и ставками главнокомандующихъ*). Верховное командованіе всѣми Россійскими силами необходимо передать прежнему Верховному Великому Князю Николаю Николаевичу. Рузскій опять повторилъ то, что сказалъ ранѣе всѣмъ намъ — «о сдачѣ на милость побѣдителя» и недопустимости борьбы, которая, по его словамъ, была безполезна, такъ какъ и высшее командованіе, стоящее во главѣ всѣхъ войскъ, противъ Императора. Государь рѣдко перебивалъ Рузскаго. Онъ слушалъ внимательно, видимо сдерживая себя. Его Величество указалъ, между прочимъ, что онъ обо всемъ переговорилъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Ставки съ генераломъ Алексѣевымъ, послалъ Иванова въ Петроградъ. «Когда же могъ произойти весь этотъ переворотъ», сказалъ Государь. Рузскій отвѣтилъ, что это готовилось давно, но осуществилось послѣ 27 февраля, т. е. послѣ отъѣзда Государя изъ Ставки.

Передъ Царемъ встала картина полнаго разрушенія его власти и престижа, полная его обособленность и у него пропала всякая увѣренность въ поддержкѣ со стороны арміи, если главы ея въ нѣсколько дней перешли на сторону враговъ Императора.

Зная Государя и всѣ особенности его сложнаго характера, его искреннюю непритворную любовь къ родинѣ, къ семьѣ своей, его полное пониманіе того неблагопріятнаго къ нему отношенія, которое въ данный моментъ охватило ««прогрессивную» Россію, а главное боясь, что все это бѣдственно отразится на продолженіе войны, многіе изъ насъ предполагали, что Его Величество можетъ согласиться на требованіе отреченія отъ престола, о которомъ говорилъ Рузскій. Государь не начнетъ борьбу, думали мы, боясь не за себя, а за судьбу своего отечества.

«Если я помѣха счастью Россіи и меня всѣ стоящіе нынѣ во главѣ ея общественныхъ силъ просятъ оставить тронъ и передать его сыну и брату своему, то я готовъ это сдѣлать, готовъ даже не

---

*) Телеграма генерала Алексѣева Главнокомандующимъ по вопросу объ отреченіи послана была 2 Марта въ 10 час. 15 м. утра, а отвѣты Главнокомандующихъ сообщены Его Величеству генераломъ Алексѣевымъ того же числа въ 14 час. 30 мин. (Ред.).

только царство, но и жизнь отдать за родину. Я думаю въ этомъ никто не сомнѣвается изъ тѣхъ, кто меня знаетъ», говорилъ Государь.

Государь въ эту ночь, съ 1 на 2 марта, долго не спалъ. Онъ ждалъ опять прихода генерала Рузскаго къ себѣ послѣ его разговоровъ съ Петроградомъ и Ставкой, но Рузскій не пришелъ. Его Величество говорилъ съ графомъ Фредериксомъ, Воейковымъ и Федоровымъ о Царскомъ и его очень заботила мысль о Петроградѣ, семьѣ, такъ какъ уже съ 27 февраля, т. е. два дня Его Величество ничего не зналъ и никакихъ сношеній съ Царскимъ Селомъ не было.

Поздно ночью я вышелъ изъ вагона и прошелъ на вокзалъ. Тамъ было пустынно, дежурили только желѣзнодорожные служащіе. Около Царскихъ поѣздовъ стояла наша охрана, солдаты желѣзнодорожнаго полка, спокойно и чинно отдавали честь. Полная тишина всюду и окончательное безлюдье.

Я взялъ извощика и проѣхалъ въ городъ. Ночь была звѣздная, морозная и безвѣтренная. Улицы стараго города безлюдны, дома мало освѣщены, только около штабовъ было нѣсколько люднѣе и ярко свѣтились окна и фонари. На какой то колокольнѣ пробило 2 часа и я вернулся въ поѣздъ.

Неужели же я нахожусь въ древнемъ Псковѣ вмѣстѣ съ Государемъ Императоромъ и присутствую при обсужденіи вопроса объ оставленіи Царемъ Россійскаго престола въ дни величайшей войны съ нѣмцами послѣ того, какъ этотъ Царь, ставши предводителемъ Русской арміи, наканунѣ перехода въ наступленіе и вся страна и весь народъ увѣрены, что мы разобьемъ врага.

Два съ половиной года я ежедневно вижу Государя и всѣ мы, стоящіе около него, понимаемъ какой это искренній, чуждый малѣйшей позы, простой, добрый и умный человѣкъ. Онъ не только знаетъ Россію, не только беззавѣтно ей преданъ, но Онъ всю свою жизнь ей служилъ всѣмъ своимъ существомъ, безъ отдыха, забывая свои интересы. Онъ глубоко преданъ православію, Онъ понимаетъ нашу исторію, своего предка царя Алексѣя, любитъ солдата, народъ, его обычаи и вѣрованія, любитъ нашъ русскій укладъ, эти древніе храмы, Московскій Кремль.

И все это оказалось ни къ чему. Его заставляютъ передать престолъ отроку сыну и слабому, маловольному регенту — брату Михаилу. А у власти, явной власти, становятся случайные люди и среди нихъ личный врагъ Царя Гучковъ, Родзянко и всѣ эти

лидеры «прогрессивнаго блока», мечтающіе о министерскихъ портфеляхъ.

У насъ въ вагонѣ еще не спали и вели бесѣды о тѣхъ горькихъ минутахъ нашихъ дней.

Четвергъ, 2-го Марта.

Псковъ.

Въ этотъ день Государь всталъ ранѣе обычнаго и уже въ 8 часовъ утра Его Величество сидѣлъ за письменнымъ столомъ у себя въ отдѣленіи. «Съ 6 часовъ слышно было, какъ Ихъ Величество поднялись и все перебирали записки и бумаги», говорилъ мнѣ камердинеръ Государя.

Уже нѣсколько дней всѣ мы, и даже Его Величество, не знали что собственно происходитъ въ Царскомъ Селѣ и самомъ Петроградѣ и насколько безопасна тамъ жизнь нашихъ семей и близкихъ людей. Изъ словъ Рузскаго о разгромѣ дома графа Фредерикса на Почтамтской улицѣ видно было, что революціонная толпа неистовствуетъ въ городѣ. Съ цѣлью узнать что либо о происходящемъ, я послалъ моего деньщика въ Петроградъ, переодѣвъ его въ форму хлѣбопековъ Псковской команды. Съ ближайшимъ поѣздомъ онъ отправился въ Царское Село и Петроградъ. Ему удалось доѣхать быстро по назначенію и даже привезти намъ всѣмъ отвѣты, но уже въ Могилевъ, что значительно успокоило всѣхъ насъ.

Привожу этотъ случай для показанія въ какой обособленности были Царскіе поѣзда въ эти дни и даже Государь не могъ пользоваться телеграфомъ и телефономъ.

Въ 9 часовъ долженъ былъ прибыть генералъ Рузскій и доложить Его Величеству о своихъ переговорахъ за ночь съ Родзянкой и Алексѣевымъ. Всю ночь прямой проводъ переносилъ извѣстія изъ Пскова въ столицу и ставку и обратно.

Въ началѣ десятаго часа утра генералъ Рузскій съ адъютантомъ графомъ Шереметьевымъ прибылъ на станцію и тихо прошелъ платформу, направляясь въ вагонъ Его Величества.

На вокзалѣ началъ собираться народъ, но особеннаго скопленія публики не было. Мы встрѣтили нѣсколькихъ гвардейскихъ офицеровъ-егерей, измайловцевъ, которые намъ передавали о столкновеніяхъ въ дни революціи у гостинницы Асторія, а главное о томъ, что

если-бы было больше руководства войсками, то былъ бы другой исходъ событій, такъ какъ солдаты въ первые дни настроены были противъ бунта. Говорили, что никакихъ пулеметовъ на крышахъ не было. Всѣ эти офицеры выбрались изъ Петрограда и направлялись въ свои части на фронтъ. Они спрашивали о Государѣ, о его намѣреніяхъ, о здоровьѣ и искренно желали, чтобы Его Величество проѣхалъ къ войскамъ гвардіи. «Тамъ совсѣмъ другое», поясняли они. Чувство глубочайшей преданности къ Императору сквозило въ каждомъ ихъ словѣ.

Рузскій пробылъ у Его Величества около часа. Мы узнали, что въ Псковъ долженъ днемъ пріѣхать предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко для свиданія съ Государемъ.

Всѣ съ нетерпѣніемъ стали ожидать этой встрѣчи. Хотѣлось вѣрить, что «авось» при личномъ свиданіи устранится вопросъ объ оставленіи трона Государемъ Императоромъ, хотя мало вѣрилось этой чуточной мечтѣ. Дѣло въ томъ, что за ночь Рузскій, Родзянко, Алексѣевъ сговорились, и теперь рѣшался не основной вопросъ оставленія трона, но детали этого предательскаго рѣшенія. Составлялся въ Ставкѣ манифестъ, который долженъ былъ быть опубликованъ.

Манифестъ этотъ вырабатывался въ Ставкѣ и авторомъ его являлся церемоніймейстеръ Высочайшаго Двора директоръ политической канцеляріи при Верховномъ Главнокомандующемъ Базили, а редактировалъ этотъ актъ генералъ-адъютантъ Алексѣевъ. Когда мы вернулись черезъ день въ Могилевъ, то мнѣ передавали, что Базили, придя въ штабную столовую утромъ 2-го марта, разсказывалъ, что онъ всю ночь не спалъ и работалъ, составляя по порученію генерала Алексѣева манифестъ объ отреченіи отъ престола Императора Николая II. А когда ему замѣтили,*) что это слишкомъ серьезный историческій актъ, чтобы его можно было составлять такъ на спѣхъ, то Базили отвѣтилъ, что медлить было нельзя и совѣтоваться было не съ кѣмъ и что ему ночью приходилось нѣсколько разъ ходить изъ скоей канцеляріи къ генералу Алексѣеву, который и установилъ окончательно текстъ манифеста и передалъ его въ Псковъ генералъ-адъютанту Рузскому для представленія Государб Императору.

Весь день 2-го марта прошелъ въ тяжелыхъ ожиданіяхъ окончательнаго рѣшенія величайшихъ событій.

---

*) Полковникъ Нѣмченко передалъ мнѣ это въ Римѣ 7 мая (н. ст.) 1920 года.

Вся свита Государя и всѣ сопровождавшіе Его Величество переживали эти часы напряженно и въ глубокой грусти и волненіи. Мы обсуждали вопросъ какъ предотвратить назрѣвающее событіе.

Прежде всего мы мало вѣрили, что Великій Князь Михаилъ Александровичъ приметъ престолъ. Нѣкоторые говорили объ этомъ сдержанно, только намеками, но генералъ-адъютантъ Ниловъ опредѣленно высказалъ: «Какъ можно этому вѣрить. Вѣдь зналъ же этотъ предатель Алексѣевъ, зачѣмъ ѣдетъ Государь въ Царское Село. Знали же всѣ дѣятели и пособники происходящаго переворота, что это будетъ 1 марта, и всетаки спустя только однѣ сутки, т. е. за одно 28 февраля, уже спѣлись и сдѣлали такъ, что Его Величеству приходится отрекаться отъ престола. Михаилъ Александровичъ — человѣкъ слабый и безвольный и врядъ ли онъ останется на престолѣ. Эта измѣна давно подготовлялась и въ Ставкѣ и въ Петроградѣ. Думать теперь, что разными уступками можно помочь дѣлу и спасти родину, по моему безуміе. Давно идетъ ясная борьба за сверженіе Государя, огромная массонская партія захватила власть и съ ней можно только открыто бороться, а не входить въ компромисы».

Ниловъ говорилъ все это съ убѣжденіемъ и я совершенно увѣренъ, что К. Д. смѣло пошелъ бы лично на всѣ рѣшительныя мѣры и конечно не постѣснялся бы арестовать Рузскаго, еслибы получилъ приказаніе Его Величества.

Кое кто возражалъ Константину Дмитріевичу и выражалъ надежду, что Михаилъ Александровичъ останется, что можетъ быть уладится дѣло. Но никто не выражалъ сомнѣнія въ необходимости конституціоннаго строя, на который согласился нынѣ Государь.

Князь В. А. Долгорукій, какъ всегда, понуро ходилъ по вагону, наклонивъ голову и постоянно повторялъ, слегка грасируя, «Главное всякій изъ насъ долженъ исполнить свой долгъ передъ Государемъ. Не нужно преслѣдовать своихъ личныхъ интересовъ, а беречь Его интересы».

Графъ Фредериксъ узналъ отъ генерала Рузскаго, что его домъ сожгли, его жену, старую больную графиню, еле оттуда вытащили. Бѣдный старикъ былъ потрясенъ, но долженъ сказать, что свое глубокое горе онъ отодвинулъ на второй планъ. Всѣ его мысли, всѣ его чувства были около Царя и тѣхъ событій, которыя происходили теперь. Долгіе часы графъ ходилъ по корридору вагона, не имѣя силъ отъ волненія сидѣть. Онъ былъ тщательно одѣтъ, въ старшихъ орденахъ, съ жалованными портретами трехъ императоровъ:

Александра II, Александра III и Николая II. Онъ нѣсколько разъ говорилъ со мною.

«Государь страшно страдаетъ, но вѣдь это такой человѣкъ, который никогда не покажетъ на людяхъ свое горе. Государю глубоко грустно, что его считаютъ помѣхой счастья Россіи, что его нашли нужнымъ просить оставить тронъ. Вѣдь Вы знаете, какъ онъ трудился за это время войны. Вы знаете, такъ какъ по службѣ обязаны были записывать ежедневно труды Его Величества, какъ плохо было на фронтѣ осенью 1915 года и какъ твердо стоитъ наша армія сейчасъ наканунѣ весенняго наступленія. Вы знаете, что Государь сказалъ, что «для Россіи я не только тронъ, но жизнь, все готовъ отдать». И это онъ дѣлаетъ теперь. А его волнуетъ мысль о семьѣ, которая осталась въ Царскомъ одна, дѣти больны. Мнѣ нѣсколько разъ говорилъ Государь: «Я такъ боюсь за семью и Императрицу. У меня надежда только на графа Бенкендорфа». Вы вѣдь знаете, какъ дружно живетъ наша Царская семья. Государь безпокоится и о матери Императрицѣ Маріи Федоровнѣ, которая въ Кіевѣ».

Графъ былъ весь поглощенъ событіями. Часто бывалъ у Государя и принималъ самое близкое участіе во всѣхъ явленіяхъ этихъ страшныхъ дней.

Надо сказать, что несмотря на очень преклонный возрастъ графа Фредерикса, ему было 78 лѣтъ, онъ въ дни серьезныхъ событій вполнѣ владѣлъ собой и я искренно удивлялся его здравому сужденію и особенно его всегда удивительному такту.

В. Н. Воейковъ въ эти дни стремился быть бодрымъ, но видимо и его ,какъ и другихъ, волновали событія. Никакой особой дѣятельности въ пути Могилевъ-Вишера-Псковъ дворцовый комендантъ проявить не могъ. Въ самомъ Псковѣ В. Н. Воейковъ тоже долженъ былъ остаться въ сторонѣ, такъ какъ его мало слушали, а Рузскій относился къ нему явно враждебно. У Государя онъ едва ли имѣлъ въ эти тревожные часы значеніе, прежде всего потому, что Его Величество, по моему личному мнѣнію, никогда не считалъ Воейкова за человѣка широкаго государственнаго ума и не интересовался его указаніями и совѣтами.

К. А. Нарышкинъ былъ задумчивъ, обычно молчаливъ и какъ то стоялъ въ сторонѣ, мало участвуя въ нашихъ переговорахъ.

Очень волновались и тревожились предстоящимъ будущимъ для себя графъ Граббе и герцогъ Лейхтенбергскій, особенно первый.

Флигель-адъютантъ полковникъ Мордвиновъ, этотъ искренно-религіозный человѣкъ, бывшій адъютантъ Великаго Князя Михаила

Александровича, отъ котораго онъ ушелъ и сдѣланъ былъ флигель-адъютантомъ послѣ брака Великаго Князя съ Брасовой, очень серьезно и вдумчиво относился къ переживаемымъ явленіямъ. О Михаилѣ Александровичѣ, которому онъ былъ преданъ и любилъ его, онъ старался не говорить и не высказывалъ никакихъ предположеній о готовящейся для него роли регента Наслѣдника Цесаревича.

Въ эти историческіе дни много души и сердца проявилъ лейбъ-хирургъ профессоръ Сергѣй Петровичъ Федоровъ. Этотъ умный, талантливый, живой и преданный Государю и всей его семьѣ человѣкъ. Онъ близокъ Царскому дому, такъ какъ много лѣтъ лечитъ Наслѣдника, спасъ его отъ смерти и Государь и Императрица цѣнили Сергѣя Петровича и какъ превосходнаго врача и отличнаго человѣка. Въ эти дни переворота Сергѣй Петровичъ принималъ близко къ сердцу событія.

2-го марта Сергѣй Петровичъ днемъ пошелъ къ Государю въ вагонъ и говорилъ съ нимъ, указывая на опасность оставленія трона для Россіи, говорилъ о Наслѣдникѣ и сказалъ, что Алексѣй Николаевичъ, хотя и можетъ прожить долго, но все же по наукѣ онъ неизлечимъ. Разговоръ этотъ очень знаменателенъ, такъ какъ послѣ того, какъ Государь узналъ, что Наслѣдникъ не излечимъ, Его Величество рѣшилъ отказаться отъ престола не только за себя, но и за сына.

По этому вопросу Государь сказалъ слѣдующее:

«Мнѣ и Императрица тоже говорила, что у нихъ въ семьѣ та болѣзнь, которою страдаетъ Алексѣй, считается неизлечимой. Въ Гессенскомъ домѣ болѣзнь эта идетъ по мужской линіи. Я не могу при такихъ обстоятельствахъ оставить одного больного сына и разстаться съ нимъ».

«Да, Ваше Величество, Алексѣй Николаевичъ можетъ прожить долго, но его болѣзнь неизлечима», отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на вопросы общаго положенія Россіи послѣ того, какъ Государь оставитъ царство.

«Я буду благодарить Бога, если Россія безъ меня будетъ счастлива», сказалъ Государь. «Я останусь около своего сына, и вмѣстѣ съ Императрицей займусь его воспитаніемъ, устраняясь отъ всякой политической жизни, но мнѣ очень тяжело оставлять родину, Россію», продолжалъ Его Величество.

«Да», отвѣтилъ Федоровъ, «но Вашему Величеству никогда не разрѣшатъ жить въ Россіи, какъ бывшему Императору».

«Я это сознаю, но неужели могутъ думать, что я буду принимать

когда либо участіе въ какой либо политической дѣятельности послѣ того, какъ оставлю тронъ. Надѣюсь Вы, Сергѣй Петровичъ, этому вѣрите».

«Кто же въ этомъ сомнѣвается изъ тѣхъ, кто знаетъ Ваше Величество, но есть много людей способныхъ на неправду ради личныхъ интересовъ, опасаясь вліянія бывшаго Царя».

Послѣ этого разговора Сергѣй Петровичъ вышелъ отъ Государя въ слезахъ, совершенно разстроенный и огорченный.

Федоровъ удивлялся на Государя, на его силу воли, на страшную выдержку и способность по внѣшности быть ровнымъ, спокойнымъ.

«Мы всѣ сидѣли, какъ въ воду опущенные, пришибленные событіями, а Его Величество, который переживаетъ все это несравненно ближе, насъ же занимаетъ разговорами, подбадриваетъ», передавалъ онъ свои впечатлѣнія о Государѣ за эти страшные дни.

«У Государя сильна очень вѣра, Онъ дѣйствительно глубоко религіозный человѣкъ. Это и помогаетъ Ему переносить все то, что упало на Его голову», сказалъ я.

Вотъ въ такихъ бесѣдахъ, разговорахъ проходилъ у насъ день 2-го марта въ Псковѣ.

Прислуга, солдаты, офицеры всѣ съ какой то болѣзненной тревогой смотрѣли на Его Величество. Всѣ не хотѣли вѣрить, что близится время, когда у нихъ не будетъ любимаго Государя Николая II.

Трогателенъ разсказъ камердинера Государя о томъ, какъ ночью съ 1 на 2 марта у себя въ отдѣленіи молился Царь. «Его Величество всегда подолгу молятся у своей кровати, подолгу стоятъ на колѣняхъ, цѣлуютъ всѣ образки, что висятъ у нихъ надъ головой, а тутъ и совсѣмъ продолжительно молились. Портретъ Наслѣдника взяли, цѣловали его и, надо полагать, много слезъ въ эту ночь пролили. Я замѣтилъ все это». Самъ разсказчикъ былъ совершенно разстроенъ и слезы текли у него по щекамъ.

Утромъ послѣ одиннадцати часовъ, чтобы немного разсѣяться, мы съ С. П. Федоровымъ поѣхали въ городъ и осмотрѣли древній соборъ. Въ Псковѣ по внѣшности шла обычная провинціальная жизнь. Лавки открыты, на базарѣ идетъ торговля, движеніе по улицамъ самое обычное. Солдатъ и офицеровъ встрѣчается немного. Соборъ былъ запертъ и мы просили его открыть. Громадный, высокій, недавно реставрированный храмъ, освѣщенный яркими лучами солнца, величественъ, красивъ и оставляетъ большое впечатлѣніе. Только холодно внутри, такъ какъ соборъ не отапливается и зимой

тамъ служба не происходила. Потомъ проѣхали къ бѣлымъ Поганкинымъ палатамъ, типичнымъ своей стариной. Чудныя древнія церкви попадались намъ на пути.

Къ 12 часамъ мы вернулись въ поѣздъ и узнали, что Родзянко не можетъ пріѣхать на свиданіе къ Государю Императору, а къ вечеру въ Псковъ прибудутъ членъ исполнительнаго комитета Думы В. В. Шульгинъ и военный и морской министръ временнаго правительства А. И. Гучковъ.

Государь все время оставался у себя въ вагонѣ послѣ продолжительнаго разговора съ Рузскимъ. Чувствовалось, что рѣшеніе оставить престолъ назрѣвало. Графъ Фредериксъ бывалъ часто у Его Величества и послѣ завтрака, т. е. часовъ около 3-хъ, вошелъ въ вагонъ, гдѣ мы всѣ находились, и упавшимъ голосомъ сказалъ по французски: «Все кончено, Государь отказался отъ престола за себя и Наслѣдника Алексѣя Николаевича въ пользу брата своего Великаго Князя Михаила Александровича и послалъ черезъ Рузскаго объ этомъ телеграмму». Когда мы услыхали все это, то невольный ужасъ охватилъ насъ и мы громко въ одинъ голосъ воскликнули, обращаясь къ Воейкову: «Владиміръ Николаевичъ, ступайте сейчасъ, сію минуту къ Его Величеству и просите Его остановить, вернуть эту телеграмму».

Дворцовый комендантъ побѣжалъ въ вагонъ Государя. Черезъ очень короткое время генералъ Воейковъ вернулся и сказалъ генералу Нарышкину, чтобы онъ немедленно шелъ къ генералъ-адъютанту Рузскому и по повелѣнію Его Величества потребовалъ телеграмму назадъ для возвращенія Государю.

Нарышкинъ тотчасъ же вышелъ изъ вагона и направился къ генералу Рузскому (его вагонъ стоялъ на сосѣднемъ пути) исполнять возложенное на него Высочайшее повелѣніе. Прошло около ½ часа и К. А. Нарышкинъ вернулся отъ Рузскаго, сказавъ, что Рузскій телеграмму не возвратилъ и сообщилъ, что лично дастъ по этому поводу объясненіе Государю.

Это былъ новый ударъ, новый рѣшительный шагъ со стороны Рузскаго для приведенія въ исполненіе намѣченныхъ дѣяній по сверженію Императора Николая II съ трона.

Мы всѣ печально разошлись по своимъ купе около 5 часовъ дня. Я стоялъ у окна въ совершенно подавленномъ настроеніи. Трудно было поймать даже мысль въ головѣ, такъ тяжело было на душѣ. Было то же самое, когда на вашихъ глазахъ скончается близкій, дорогой вамъ человѣкъ, на котораго были всѣ упованія и надежды.

Вдругъ мимо нашего вагона по узкой деревянной платформѣ между путей я замѣтилъ идущаго государя съ дежурнымъ флигель-адъютантомъ герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Его Величество въ формѣ Кубанскихъ пластуновъ въ одной черкесскѣ и башлыкѣ не спѣша шелъ, разговаривая съ герцогомъ. Проходя мимо моего вагона, Государь взглянулъ на меня и привѣтливо кивнулъ головою. Лицо у Его Величества было блѣдное, но спокойное. Я подумалъ, сколько надо силы воли, чтобы показываться на народѣ послѣ величайшаго событія акта и отреченія отъ престола...

Уже въ 1918 году въ Іюнѣ я былъ въ Петроградѣ у графа Бенкендорфа и вспоминалъ о тѣхъ часахъ, которые пришлось пережить съ Государемъ въ Псковѣ и передалъ Павлу Константиновичу свое впечатлѣніе о рѣдкой сдержанности Государя послѣ отреченія. Графъ задумался, потомъ сказалъ: «Весною въ началѣ Апрѣля 1917 года я какъ то гулялъ съ Его Величествомъ по Царскосельскому парку и Государь мнѣ сказалъ, что только теперь, спустя 2-3 недѣли, Онъ начинаетъ приходить немного въ себя, во время же событій въ Могилевѣ, въ пути, а главное въ Псковѣ Онъ находился какъ бы въ забытіи, туманѣ... Да Его Величество очень страдалъ, но вѣдь онъ никогда не показываетъ своихъ волненій», добавилъ графъ.

« А теперь послѣ перевезенія Государя и всей семьи въ Екатеринбургъ», продолжалъ графъ, «какъ ужасно состояніе и жизнь всѣхъ ихъ. Вся семья живетъ въ домѣ въ тяжкихъ условіяхъ. Домъ огражденъ заборомъ, окна заколочены, получаютъ пищу изъ котла... Князь Долгорукій арестованъ... Я очень боюсь за судьбу Царской семьи. Мы пробовали помочь имъ и хлопотали черезъ Данію, Англію, но ничего не могли сдѣлать. Я очень опасаюсь за нихъ», сказалъ вновь Бенкендорфъ.

Около 8 часовъ вечера прибылъ первый поѣздъ изъ Петрограда послѣ революціонныхъ дней. Онъ былъ переполненъ. Толпа изъ вагоновъ бросилась въ вокзалъ къ буфету. Впереди всѣхъ бѣжалъ какой то полковникъ. Я обратился къ нему и спросилъ его о Петроградѣ, волненіяхъ, настроеніи города. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что тамъ теперь все хорошо, городъ успокаивается и народъ доволенъ, такъ какъ фунтъ хлѣба стоитъ 5 коп., а масло 50 коп. Меня удивилъ этотъ отвѣтъ, опредѣляющій суть революціи, народныхъ бунтовъ только такой матеріальной стороной и чисто будничнымъ интересомъ.

«Что же эоворятъ о Государѣ, о всей перемѣнѣ», спросилъ я опять полковника.

«Да о Государѣ почти ничего не говорятъ, надѣются вѣроятно что «временное правительство» съ новымъ Царемъ Михаиломъ (вѣдь его хотятъ на царство) лучше справится».

Мы разошлись и невольно приходилось задумываться — неужели общество такъ уже подготовлено къ перевороту, къ замѣнѣ Государя, что это уясняется всѣми такъ просто и безъ сомнѣній. Поѣздъ ушелъ, на станціи стало тихо и мы продолжали ожидать экстреннаго прибытія изъ столицы депутатовъ Гучкова и Шульгина.

Часовъ около 10 вечера флигель-адъютантъ полковникъ Мордвиновъ, полковникъ герцогъ Лейхтенбергскій и я вышли на платформу, къ которой долженъ былъ прибыть депутатскій поѣздъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ подошелъ. Изъ ярко освѣщеннаго вагона салона выскочили два солдата съ красными бантами и винтовками и стали по бокамъ входной лѣстницы вагона. Повидимому, это были не солдаты, а вѣроятно рабочіе въ солдатской формѣ, такъ неумѣло они держали ружья, отдавая честь «депутатамъ», такъ не похожи были даже на молодыхъ солдатъ. Затѣмъ изъ вагона стали спускаться сначала Гучковъ, за нимъ Шульгинъ, оба въ зимнихъ пальто. Гучковъ обратился къ намъ съ вопросомъ, какъ пройти къ генералу Рузскому, но ему, кажется, полковникъ Мордвиновъ сказалъ, что имъ надлежитъ слѣдовать прямо въ вагонъ Его Величества.

Мы всѣ двинулись къ Царскому поѣзду, который находился тутъ же, шагахъ въ 15-20. Впереди шелъ, наклонивъ голову и косолапо ступая, Гучковъ, за нимъ, поднявъ голову вверхъ, въ котиковой шапочкѣ Шульгинъ. Они поднялись въ вагонъ Государя, раздѣлися и прошли въ салонъ. При этомъ свиданіи Его Величества съ депутатами присутствовали министръ Императорскаго Двора генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ, генералъ-адъютантъ Рузскій, его начальникъ штаба генералъ Даниловъ, кажется начальникъ снабженія Сѣвернаго фронта генералъ Савичъ, дворцовый комендантъ генералъ Воейковъ и начальнпкъ военно-походной канцеляріи генералъ Нарышкинъ.

Пріѣздъ депутатомъ А. И. Гучкова никого не удивилъ. Дѣятельность его давно была направлена противъ Государя и онъ опредѣленно являлся всегда упорнымъ и злобнымъ врагомъ Императора. Будучи еще предсѣдателемъ Думы, затѣмъ съ 1915 года предсѣдателемъ военно-промышленнаго комитета и находясь въ постоянной связи съ своимъ другомъ генераломъ Алексѣй Андреевичемъ Поливановымъ, бывшимъ военнымъ министромъ, Гучковъ

много лѣтъ всюду, гдѣ могъ, интриговалъ и сѣялъ недовѣріе къ Царю.

Другое дѣло В. В. Шульгинъ, много лѣтъ крайній правый членъ Государственной Думы, другъ В. М. Пуришкевича, издатель «Кіевлянина», наслѣдникъ Пихно. Какъ онѣ могъ рѣшиться вмѣстѣ съ Гучковымъ пріѣхать просить Царя оставить престолъ? Шульгинъ бойкій, неглупый человѣкъ. Вѣроятно честолюбивыя мечты заставили его сдѣлаться націоналистомъ, затѣмъ войти въ прогрессивный блокъ, играя всюду видную роль. Онъ постепенно забывалъ свои «правыя» убѣжденія, исповѣдовавшія, что православный Царь на Руси отъ Бога. Государю очень тяжело было узнать, что Шульгинъ ѣдетъ депутатомъ сюда въ Псковъ. Лично я зналъ Шульгина по его дѣятельности среди правыхъ партій, мнѣ нравились его рѣчи въ Думѣ и потому трудно было мнѣ повѣрить въ пріѣздъ сюда Шульгина и въ его дѣятельное участіе въ переворотѣ.

По виду Шульгинъ, да и Гучковъ казались смущенными и конфузливо держались въ ожиданіи выхода Государя.

Черезъ нѣсколько минутъ появился Его Величество, поздоровался со всѣми, пригласилъ всѣхъ сѣсть за столъ у угловаго дивана. Государь спросилъ депутатовъ какъ они доѣхали. Гучковъ отвѣтилъ, что отбытіе ихъ изъ Петрограда, ввиду волненій среди рабочихъ, было затруднительно. Затѣмъ само засѣданіе продолжалось недолго.

Его Величество, какъ было упомянуто, еще днемъ рѣшилъ оставить престолъ и теперь Государь желалъ лично подтвердить актъ отреченія депутатамъ и передать имъ манифестъ для обнародованія. Никакихъ рѣчей поэтому не приходилось произносить депутатамъ.

Его Величество спокойно и твердо сказалъ, что Онъ исполнилъ то, что Ему подсказываетъ его совѣсть и отказывается отъ престола за себя и за сына, съ которымъ, въ виду болѣзненнаго его состоянія, разстаться не можетъ.

Гучковъ доложилъ, что обратное возвращеніе депутатовъ сопряжено съ рискомъ, а посему онъ проситъ подписать манифестъ на всякій случай не въ одномъ экземплярѣ. Государь на это согласился.

Въ это же время Верховнымъ Главнокомандующимъ всѣми Россійскими силами былъ назначенъ Государемъ Великій Князь Николай Николаевичъ — намѣстникъ Кавказа и главнокомандующій Кавказской арміей, о чемъ была послана телеграмма въ Тифлисъ Его Величествомъ.

Затѣмъ Государь ушелъ къ себѣ въ отдѣленіе, а всѣ оставшіеся стали ждать изготовленія копіи манифеста.

Вотъ собственно съ формальной стороны и все, что произошло на свиданіи депутатовъ Думы Гучкова и Шульгина съ Его Величествомъ 2-го Марта въ Псковѣ.*)

Что сказать о настроеніи всѣхъ тѣхъ, которые были свидѣтелями этого глубоко-трагичнаго событія.

Среди близкихъ Государю, среди Его свиты, въ огромномъ большинствѣ всѣ почти не владѣли собою. Я видѣлъ какъ плакалъ графъ Фредериксъ, вернувшись отъ Государя, видѣлъ слезы у князя Долгорукова, Федорова, Штакельберга, Мордвинова, да и всѣ были мрачны.

Государь послѣ 12 час. ночи ушелъ къ себѣ въ купе и оставался одинъ. Генералъ Рузскій, Гучковъ, Шульгинъ и всѣ остальные скоро покинули Царскій поѣздъ и мы не видѣли ихъ больше.

Послѣ часа ночи депутатскій поѣздъ, т. е. собственно одинъ вагонъ съ паровозомъ, отбылъ въ Петроградъ. Небольшая кучка народа смотрѣла на этотъ отъѣздъ. Дѣло было сдѣлано — Императора Николая II уже не было, Онъ передалъ престолъ Михаилу Александровичу.

Можетъ быть кто либо искренно вѣрилъ въ благодѣтельныя послѣдствія этого переверета, но я, да и многіе, очень многіе, ожидали только гибели для нашей родины и видѣли впереди много горестныхъ дней.

Пятница, 3-го Марта.
Псковъ-Витебскъ-Орша-Могилевъ.

Поздно ночью, въ Пятницу 3-го Марта, Государь отбылъ изъ Пскова въ Могилевъ. Путь Его Величества лежалъ черезъ Островъ, Двинскъ, Витебскъ, Оршу въ Могилевъ, въ Ставку.

Отъ ярко освѣщенной, но пустынной, платформы пассажирскаго вокзала Пскова отошли собственный Его Величества и свитскій поѣзда. Только небольшая группа желѣзнодорожныхъ служащихъ, да нѣсколько лицъ въ военной формѣ смотрѣли на отходящіе поѣзда.

---

*) Описаніе свиданія Гучкова и Шульгина съ Государемъ 2-го марта, сдѣланное Шульгинымъ, вскорѣ послѣ возвращенія депутатовъ въ Петроградъ, составлено довольно вѣрно.

Переѣздъ отъ Пскова до Могилева совершился спокойно, безъ малѣйшихъ осложненій. На станціяхъ почти не было публики, только въ Витебскѣ, который миновали днемъ, скопленіе пассажировъ значительно, но никакихъ волненій, симпатій или антипатій къ Царскому проѣзду мы не замѣтили. Точно это былъ одинъ изъ очередныхъ поѣздовъ, точно никто не зналъ кто находится въ этихъ большихъ, чудныхъ синихъ вагонахъ съ орлами.

А между тѣмъ по всѣмъ линіямъ, какъ я уже отмѣтилъ ранѣе, разослана была телеграмма члена Думы Бубликова объ образованіи «временнаго правительства».

На одной какой-то станціи уже къ вечеру нашъ «свитскій» поѣздъ остановился: я вышелъ изъ вагона и направился къ вокзалу. Стояла тихая, чуть-чуть морозная погода. Платформа пуста и на ней находились только жандармы, тщательно отдававшіе честь. Въ самомъ вокзалѣ, въ залѣ перваго класса, совершенно пустомъ, ко мнѣ подошелъ какой-то человѣкъ, лѣтъ за 40, по виду, одеждѣ и разговору торговый человѣкъ или состоятельный крестьянинъ. Онъ поклонился, затѣмъ очень тихо спросилъ меня:

«Простите, позвольте узнать, неужели это государя провезли».

Я отвѣтилъ, что да, это прослѣдовалъ Его Величество въ Могилевъ въ Ставку.

«Да вѣдь у насъ здѣсь читали, что Его отрѣшила Дума и теперь сама хочетъ управлять».

Я далъ ему разъясненіе, но онъ остался неудовлетвореннымъ и съ грустью сказалъ:

«Какъ же это такъ. Не спросясь народа, сразу Царя Русскаго Помазника Божія и отмѣнить и замѣнить новымъ». И человѣкъ отошелъ отъ меня.

Я задумался надъ этими простыми, но ясными, словами. Точно нарочно этотъ русскій случайный человѣкъ передалъ мнѣ, въ первый же день, когда у насъ уже не было Государя Императора Николая II, голосъ толпы, голосъ того русскаго народа, который сотни лѣтъ такъ свято чтилъ имя Православнаго Царя. Я передалъ то, что услыхалъ своимъ спутникамъ и помню всѣ задумались и раздѣлили убѣжденіе случайнаго мною встрѣченнаго обывателя.

Днемъ 3-го Марта съ пути Его Величество послалъ телеграмму Михаилу Александровичу уже какъ новому Царю, въ которой просилъ его простить, что принужденъ передать ему тяжелую ношу правленія Россіей и желалъ брату своему успѣха въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Телеграмма простая, сердечная и она такъ отражала Государя

и всю его духовную жизнь. Нѣтъ ни малѣйшей рисовки, ни малѣйшей позы, а высказанъ только душевный порывъ человѣка.

Эта телеграмма, можетъ быть, объясняетъ въ значительной степени то сравнительно спокойное отношенiе къ событiямъ, которое замѣчалось у Государя послѣднiе два дня. Его Величество надѣялся, что братъ Его, который принимаетъ царство, при томъ сочувствiи со стороны дѣятелей переворота, успокоитъ страну, а назначенный Государемъ Верховнымъ Главнокомандующимъ Великiй Князь Николай Николаевичъ сбережетъ армiю отъ революцiоннаго развала и война будетъ закончена побѣдоносно. Государь однако, понималъ, что Михаилъ Александровичъ не опытенъ въ государственныхъ дѣлахъ, но Его Величество зналъ, что братъ преданъ Россiи и любитъ родину и отдастъ себя на служенiе ей.

Въ настроенiи Его Величества замѣтна перемѣна. Онъ попрежнему хотя ровенъ, спокоенъ, но задумчивъ и сосредоточенъ. Видимо Онъ уходитъ въ себя, молчитъ. Иногда съ особой грустью смотрѣли его глаза и въ нихъ, въ этихъ особенныхъ чистыхъ, правдивыхъ и красивыхъ глазахъ, особенно грустный вопросъ: какъ все это совершилось и сможетъ ли братъ справиться съ государствомъ и имѣлъ ли Онъ, законный Царь, право передать ему Россiю?

Вчера при отъѣздѣ изъ Пскова князь Долгорукiй доложилъ Его Величеству: «мы не успѣли получить провизiю въ поѣзда и Ваше Величество не сѣтуйте, что завтра столъ будетъ кой изъ чего», Государь ласково и спокойно взглянулъ на Василiя Александровича и улыбаясь сказалъ:

«Да мнѣ все равно. Вы дадите мнѣ стаканъ чая и кусокъ хлѣба и я буду совершенно удовлетворенъ»...

Сказано было это, какъ все, что дѣлаетъ Государь, безъ малѣйшей рисовки, безъ подчеркиванiя своего положенiя.

Всѣ эти дни съ 1-го Марта Государь былъ въ Кубанской пластунской формѣ, выходилъ на воздухъ, несмотря на свѣжую вѣтряную погоду, безъ пальто въ одной черкескѣ и башлыкѣ. Онъ такой моложавый, бодрый и такъ легко и скоро ходитъ.

Когда я смотрѣлъ на Него сегодня, мнѣ припомнились почему то слова флигель-адъютанта А. А. Дрентельна: «Государь никогда не торопится и никогда не опаздываетъ». Такъ ли это теперь, когда все рушится.

Мы всѣ, которые имѣли счастье знать ближе другихъ Царя, понимали какого человѣка лишается Россiя и какой отъ нея стходитъ Государь въ такую тяжелую историческую эпоху великой войны.

Утромъ 3-го Марта я зашелъ въ купэ барона Штакельберга. Онъ сидѣлъ еще не одѣтый и все лицо его было красно отъ слезъ.

«Меня возмущаетъ обстановка, при которой совершенъ переворотъ. Готовили все это давно. Воспользовались только волненіями въ Петроградѣ. Ставка по отъѣздѣ Государя въ одинъ день снеслась со всѣми главнокомандующими фронтовъ отъ сѣвера Россіи до Румыніи и Малой Азіи. Установилась полная связь между Алексѣевымъ, Родзянкой и всѣми высшими генералами. Англійскій посолъ Бьюкененъ принималъ давно горячее участіе во всѣхъ интригахъ и проискахъ. Рѣшили, что надо смѣнить «шофера» и тогда Россія помчится быстрѣе къ побѣдѣ и реформамъ. И начальникъ штаба Государя, Его генералъ-адъютантъ прощается съ Его Величествомъ 27 февраля, провожая Государя въ Царское для созданія «отвѣтственнаго министерства», а часъ спустя начинаетъ осуществлять смѣну шофера. Вотъ что меня особо удивляетъ и возмущаетъ. Вѣдь это измѣна и предательство».

Я отвѣтилъ Штакельбергу, что мнѣ трудно понять поведеніе Алексѣева, тѣмъ болѣе, что лично давно его знаю. Я Алексѣева помню еще на академической скамьѣ. Онъ товарищъ моего брата по академіи. Всѣ считали его простымъ, искреннимъ и чистымъ человѣкомъ. Нѣкоторые увлекались имъ, находили его даже особо даровитымъ, чуть ли не государственнымъ человѣкомъ. Я лично никогда не раздѣлялъ этого взгляда. Мы цѣлый годъ писали вмѣстѣ съ Алексѣевымъ книгу о Суворовѣ и пришлось узнать его хорошо. Михаилъ Васильевичъ среднiй человѣкъ, но необычайно упорный и трудолюбивый. Онъ безъ особой воли и склонный подпадать подъ вліяніе. Алексѣевъ всегда выбиралъ въ сотрудники себѣ недаровитыхъ людей, ему нужны были исполнители, онъ работалъ всегда единолично. Но всетаки я не могу понять, какъ Алексѣевъ могъ осуществить это величайшее предательство. Какъ этотъ дѣйствительно религіозный человѣкъ могъ измѣнить своему Царю, будучи самымъ довѣреннымъ у него лицомъ.

«Какъ встрѣтится сегодня Алексѣевъ съ Государемъ, какъ онъ будетъ глядѣть ему въ глаза»; сказалъ Штакельбергъ. «И все это совершенно въ два-три дня съ 28 февраля по 2 Марта. Да новая и еще небывалая въ исторіи Россіи позорная страница», продолжалъ баронъ Штакельбергъ.

Къ вечеру, когда уже стало темнѣть, проѣхали Оршу — это предверіе Ставки. Шумная толпа, какъ всегда, наполняла грязную

станцію, въ этомъ узловомъ пунктѣ. Но на платформѣ около поѣзда было тихо, спокойно.

Около 9 часовъ Государь прибылъ въ Могилевъ. Поѣздъ тихо подошелъ къ «военной» длинной, пустынной, открытой платформѣ, къ которой всегда прибывали Царскіе поѣзда. Высокіе электрическіе фонари ярко освѣщали небольшую группу лицъ во главѣ съ генераломъ Алексѣевымъ, прибывшими встрѣтить Его Величество.

Небольшой съ сѣдыми усами, солдатской наружности, невзрачный генералъ Алексѣевъ вытянулся, отдалъ честь. Къ нему подошелъ Его Величество, протянулъ ему руку, поздоровался, что то спросилъ его и затѣмъ сѣлъ въ автомобиль съ графомъ Фредериксомъ и отправился къ Себѣ по пустыннымъ, тихимъ улицамъ Могилева. Мы всѣ прослѣдовали за Его Величествомъ и размѣстились въ своихъ обычныхъ помѣщеніяхъ.

Часъ спустя уже около 11 часовъ вечера я прошелъ въ генералъ-квартирмейстерскую часть къ генералу Клембовскому. Я знаю Владислава Наполеоновича давно, такъ какъ мы одного выпуска изъ военнаго училища. Это умный, выдержанный, скрытный человѣкъ, хорошій офицеръ генеральнаго штаба, боевой генералъ и извѣстный военный писатель. Намъ помѣшали говорить, такъ какъ генералъ Алексѣевъ прислалъ за Клембовскимъ. Я узналъ только, что завтра въ обычное время, послѣ 9 часовъ утра, Государь прибудетъ въ штабъ для выслушиванія доклада начальника штаба генарала Алексѣева въ присутствіи генерала Клембовскаго и генералъ-квартирмейстера генерала Лукомскаго.

«Я не могу не выразить удивленія, какъ послѣ того, что произошло, Государь всетаки будетъ принимать обычный нашъ докладъ», сказалъ мнѣ генералъ Клембовскій и пошелъ въ кабинетъ генерала Алексѣева.

Я спустился въ первый этажъ и здѣсь въ одной изъ комнатъ встрѣтилъ графа Граббе, который былъ очень оживленъ. На мой вопросъ почему онъ здѣсь такъ поздно, графъ Граббе отвѣтилъ: «Я былъ у Алексѣева и просилъ конвой Его Величества сдѣлать конвоемъ Ставки. Онъ обѣщалъ».

Удивленный этими соображеніями командира конвоя Русскаго Государя устроить этотъ конвой въ ставку уже безъ Царя, я замѣтилъ Граббе, что зачѣмъ онъ такъ торопится съ этимъ дѣломъ, вѣдь его Величество еще въ Ставкѣ.

«Да, но нужно не упускать времени», отвѣтилъ Граббе и быстро ушелъ изъ комнаты.

Этотъ случай былъ первый изъ подобныхъ, когда люди такъ спѣшно стали мѣнять идею службы, ея принципы...

Въ комнатахъ генералъ-квартирмейстерской части все было по прежнему. Дежурили полевые жандармы, сидѣли офицеры за столами, стучалъ телеграфный аппаратъ...

На маленькой площади у дворца и старинной ратуши, въ круглом садикѣ стояли посты дворцовой полиціи, а у подъѣзда Государя въ дубленныхъ постовыхъ тулупахъ находились по прежнему парные часовые Георгіевскаго баталіона.

Могилевъ тихъ, малолюденъ и спокоенъ, какъ всегда. Въ Царскихъ комнатахъ долго, долго свѣтился огонь. Точно ничего не случилось, точно то, что я видѣлъ, что всѣ мы пережили, былъ сонъ.

Суббота, 4-го Марта.

Въ Ставкѣ — Могилевъ.

Государь прибылъ въ Могилевъ для того, чтобы проститься со своей Ставкой, въ которой Его Величество такъ много трудился, столько положилъ въ великое дѣло борьбы съ нашими упорными и могущественными врагами души, сердца, ума и необычайнаго напряженія всѣхъ своихъ моральныхъ и физическихъ силъ. Только тѣ, кто имѣлъ высокую честь видѣть ежедневно эту напряженную дѣятельность въ теченіе полутора лѣтъ съ Августа 1915 года по Мартъ 1917 года непосредственнаго командованія Императоромъ Николаемъ II своей многомилліонной арміей, растянувшейся отъ Балтійскаго моря черезъ всю Россію до Трапезунда и вглубь Малой Азіи, можетъ сказать какой это былъ трудъ и каковы нужны были нравственныя силы, дабы переносить эту каждодневную работу, не оставляя при этомъ громадныхъ общегосударственныхъ заботъ по всей Имперіи, гдѣ уже широко зрѣли измѣна и предательство.

И какъ совершалась эта работа Русскимъ Царемъ. Безъ малѣйшей афектаціи, безъ всякой рекламы, спокойно и глубоко вдумчиво трудился Государь. Его начальникъ штаба генералъ Алексѣевъ былъ цѣнный Его сотрудникъ, прекрасный офицеръ генеральнаго штаба. Генералъ Алексѣевъ пользовался полнымъ довѣріемъ Государя и они оба дружно работали все время. Государь какъ Верховный Главнокомандующій давалъ указанія и начальникъ штаба,

генералъ Алексѣевъ, исполнялъ ихъ съ полнымъ вниманіемъ, и результаты, какъ всѣ знаютъ, за эти полтора года были успѣшны.

Мнѣ лично не разъ говорилъ самъ М. В. Алексѣевъ, что онъ очень не любитъ, когда Его Величество покидаетъ ставку и оставляетъ его одного.

«Съ Государемъ гораздо спокойнѣе, Его Величество даетъ указанія такія соотвѣтствующія боевымъ и стратегическимъ задачамъ, что разрабатываешь эти директивы съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ цѣлесообразности. Государь не волнуется, Онъ прекрасно знаетъ фронтъ и обладаетъ рѣдкой памятью. Съ нимъ мы спѣлись. А когда уѣзжаетъ Царь не съ кѣмъ и посовѣтоваться, нельзя же посылать телеграммы о всѣхъ явленіяхъ войны за каждый часъ. Посылаешь только о главнѣйшихъ событіяхъ. Личный докладъ — великое дѣло».

Съ первыхъ же дней командованія Государемъ своими арміями проявился въ высокой степени рельефный случай объединенной работы Верховнаго Главнокомандующаго и Его начальника штаба. Дѣло было въ первыхъ числахъ Сентября 1915 года. Вѣсти со всѣхъ фронтовъ поступали неутѣшительныя. Наши войска, оставивъ въ командованіе Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Варшаву, Ковно, Гродно, отходили въ глубь Россіи. Начались бои у Вильны и опредѣлился прорывъ нашего фронта у Молодечно огромной массой германской кавалеріи. Въ Ставкѣ волновались. Ходили слухи, что Могилевъ не безопасенъ отъ налета, Шопотомъ говорили о необходимости перенести Ставку ближе къ Москвѣ — въ Калугу... Къ ночи 2 Сентября слухи стали особенно напряженны. 3 Сентября въ девятомъ часу утра, еще до обычнаго доклада генерала Алексѣева Его Величеству, я пришелъ къ начальнику штаба, дабы выяснить, для ежедневной записи, событія на фронтахъ.

Генералъ Алексѣевъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ за огромнымъ столомъ, окруженный картами, бумагами. Видъ у него былъ разстроенный и тревожный.

На мой вопросъ: «Въ какомъ состояніи находятся наши арміи за эти дни и справедлива ли тревога, такъ охватившая Ставку», Михаилъ Васильевичъ схватился за голову и голосомъ полнаго отчаянія отвѣтилъ: «Какія у насъ арміи! Войска наши полегли на поляхъ Галиціи и Польши. Все лучшее перебито. У насъ въ полкахъ теперь остались сотни, а въ ротахъ десятки людей. У насъ иногда нѣтъ патроновъ, снарядовъ... Я не знаю, что мы будемъ дѣлать, какъ сдержимъ напоръ и гдѣ остановимся... Я нахожу, что наше

положеніе никогда не было такъ плохо. Вотъ сейчасъ все это доложу Его Величеству.»

Видимо человѣкъ находился въ полномъ ужасѣ отъ событій и не владѣлъ собой. Я ушелъ отъ Алексѣева смущенный и съ большой тревогой въ душѣ.

Въ половинѣ перваго въ тотъ же день я снова увидѣлъ генерала Алексѣева на Высочайшемъ завтракѣ. Онъ совершенно перемѣнился, смотрѣлъ бодро, говорилъ оживленно и пропала та тревога, которую я видѣлъ нѣсколько часовъ назадъ. Я задалъ ему вопросъ, что вѣроятно съ фронта получены лучшія вѣсти и онъ сталъ бодрѣе смотрѣть на будущее.

«Нѣтъ, извѣстій новыхъ не получено, но послѣ доклада Его Величеству о положеніи на фронтѣ я получилъ отъ Государя опредѣленныя указанія. Онъ повелѣлъ дать телеграмму по всему фронту, что теперь ни шагу далѣе. Надо задержаться и укрѣпиться. А прорывъ Вильна-Молодечно приказано ликвидировать войсками генерала Эверта. Я теперь уже привожу въ исполненіе приказъ Государя и, Богъ дастъ, справимся»...

Передо мною стоялъ другой человѣкъ. Вмѣсто нервнаго, растерявшагося генерала Алексѣева находился спокойный, увѣренный начальникъ штаба Верховнаго, приводящій въ исполненіе волю Главнокомандующаго, Русскаго Императора. Это классическій примѣръ отдачи приказанія и его исполненія со всѣми благодѣтельными результатами совмѣстной дружной работы и Главнокомандующаго и Его начальника штаба.

Результатъ подробнаго распоряженія Государя былъ, какъ извѣстно, громаденъ. Военная исторія оцѣнитъ блестяшія наши контръ-атаки у Молодечно-Вильны и всѣ послѣдующія события.

Только послѣ этой удачной Сентябрьской операціи мы получили возможность, не опасаясь дальнѣйшаго наступленія вражескихъ силъ, готовиться къ новой борьбѣ. Необъятная Россія стала повсюду формировать и обучать новыя войска. На фабрикахъ и заводахъ работались снаряды, пушки, ружья, пулеметы и всякое военное и морское снаряженіе. Все это явилось возможнымъ только тогда, когда получилась твердая увѣренность, что дальше въ предѣлы Россіи врагъ не пойдетъ и къ веснѣ 1917 года создались могучія арміи, готовыя къ наступленію. Вотъ первый примѣръ распоряженій Государя, какъ Верховнаго Главнокомандующаго.

Результаты этого мужественнаго и спокойнаго указанія и за симъ полутарагодовой напряженной работы дали бы Россіи вели-

чайшія побѣды, еслибы не измѣна и предательство, погубившія Царя, Его арміи и всю нашу родину.

И вотъ теперь при первыхъ дняхъ весны 1917 года Государь прибылъ въ свою Ставку не для начала побѣдоносныхъ операцій, а дабы проститься со своимъ штабомъ, съ военными агентами и представителями союзныхъ державъ и выяснить условія своего пребыванія какъ частнаго человѣка въ Россіи и заграницей.

Въ субботу 4-го Марта, послѣ утренняго чая въ началѣ 10-го часа Государь прошелъ, своимъ обычнымъ порядкомъ, въ генералъ-квартирмейстерскую часть (домъ рядомъ съ дворцомъ) для принятія доклада генерала Алексѣева о положеніи на фронтахъ.

Объ этомъ послѣднемъ докладѣ Его Величеству мнѣ сообщилъ генералъ Клембовскій, присутствовавшій на немъ, вмѣстѣ съ генераломъ Лукомскимъ, по службѣ. Государь, какъ я сказалъ, въ началѣ десятаго часа пришелъ въ генералъ-квартирмейстерскую часть и занялъ свое обычное мѣсто за столомъ, гдѣ ежедневно происходили эти доклады. Спокойно, внимательно слушалъ Государь Алексѣева, который въ началѣ волновался, спѣшилъ и только черезъ нѣсколько минутъ, подъ вліяніемъ вопросовъ Его Величества, замѣчаній и указаній сталъ докладывать какъ всегда. Государь припоминалъ фронтъ поразительно точно, указывая на части войскъ, фамиліи начальниковъ и характерныя особенности того или другого мѣста боевой линіи. А вѣдь она тянулась чуть ли не на три тысячи верстъ.

«Я не могъ оторвать отъ Царя глазъ», говорилъ Клембовскій, этотъ сдержанный и холодный человѣкъ. «Сколько должно было быть силы воли у Государя, чтобы полтора часа слушать послѣдній разъ докладъ о великой войнѣ. Вѣдь Государь, нечего скрывать, относился къ боевымъ операціямъ не только сознательно, но Онъ ими руководилъ и давалъ опредѣленныя указанія Михаилу Васильевичу. И все это оборвать, кончить, помимо своей воли, отлично понимая, что отъ этого навѣрно дѣла наши пойдутъ хуже. Я даже задавалъ себѣ вопросъ: что это равнодушіе или ясно сознанная необходимость порядкомъ кончить свою роль передъ Своимъ штабомъ? Только передъ тѣмъ, какъ оставить всѣхъ насъ, Государь какъ будто заволновался и голосомъ болѣе тихимъ, чѣмъ всегда, и болѣе сердечнымъ сказалъ, что ему тяжело разставаться съ нами и грустно послѣдній разъ быть на докладѣ, но видно Воля Божія сильнѣе моей воли. Хочется вѣрить что Россія останется побѣдительницей и всѣ жертвы, понесенныя ею, не пропадутъ... Затѣмъ Государь пожалъ намъ

всѣмъ руки и быстро вышелъ въ сопровожденіи генерала Алексѣева.
— Вотъ такъ и состоялся этотъ историческій послѣдній докладъ Императору Николаю II отъ Его начальника штаба», закончилъ генералъ Клембовскій.

Около полудня этого же дня стало извѣстно, что сегодня днемъ изъ Кіева прибываетъ Императрица Марія Федоровна для свиданія съ Государемъ.

Стояла вѣтренная, свѣжая погода. На военную платформу часамъ къ 3 дня прибылъ Его Величество, вся свита Государя, Великіе Князья Александръ и Сергій Михайловичи, генералъ Алексѣевъ со старшими чинами своего штаба.

Около 20 минутъ пришлось прождать прибытія поѣзда Императрицы-Матери. Государь опять въ Кубанской казачьей формѣ ходилъ съ дежурнымъ флигель-адъютантомъ Герцогомъ Лейхтенбергскимъ, держась довольно далеко отъ всѣхъ остальныхъ лицъ.

Среди свиты и штабныхъ шли разговоры, что будто бы въ гарнизонѣ Ставки между нижними чинами начались броженія, были митинги и вынесено заявленіе, переданное генералу Алексѣеву, что солдаты требуютъ удаленія изъ Могилева графа Фредерикса и дворцоваго коменданта генерала Воейкова. Солдаты будто не довѣряютъ этимъ лицамъ и если ихъ желаніе не будетъ немедленно исполнено, то волненіе можетъ угрожать и Его Величеству. Генералъ Алексѣевъ доложилъ уже о семъ Государю и съ разрѣшенія Его Величества передалъ министру Двора графу Фредериксу и генералу Воейкову указанія, что они должны нынѣ же оставить Ставку. Сообщеніе это всѣхъ очень удивило и многихъ возмутило. Ясно, что баснѣ, сплетнѣ сразу придали значеніе и поспѣшили удовлетворить наглое требованіе заволновавшихся солдатъ. Генералъ Алексѣевъ отлично зналъ, что и графъ Фредериксъ и генералъ Воейковъ неповинны, однако не посмѣлъ отказать солдатамъ, генералъ Алексѣевъ превосходно понималъ, что удаляя принудительно министра Двора и дворцового коменданта изъ Ставки, онъ тѣмъ самымъ оскорблялъ Его Величество и какъ бы подтверждалъ вздорные слухи о предательствѣ и измѣнѣ Россіи этихъ ближайшихъ лицъ Государя.

Наконецъ опоздавшій поѣздъ подошелъ къ платформѣ. Къ вагону, гдѣ находилась Императрица Марія Федоровна, подошелъ Государь . На встрѣчу Ему вышла Царица-Мать; они обнялись и трижды поцѣловались, затѣмъ нѣсколько минутъ бесѣдовали между собою. Потомъ Государыня обошла Великихъ Князей, свиту, раз-

говаривая и привѣтливо улыбаясь. Императрица была бодра и имѣла свой обычный дорогой всѣмъ русскимъ, добрый, ласковый видъ. Послѣ этого Государь и Императрица-Мать прошли въ стоявшій здѣсь на платформѣ какой-то маленькій, случайный сарайчикъ и оставались тамъ, бесѣдуя другъ съ другомъ съ глазу на глазъ съ четверть часа.

Помню всѣ находившіеся при этой встрѣчѣ Царицы-Матери съ оставившимъ престолъ сыномъ Ея Императоромъ Николаемъ II, были поражены той выдержкой, при которой произошло это первое между ними свиданіе послѣ того, какъ совершился величайшій въ исторіи Россіи актъ — результатъ страшной революціи во время небывалой міровой войны.

Долго никто не говорилъ, боялись какъ будто нарушить своимъ голосомъ серьезность встрѣчи. Помню особнякомъ держался генералъ Алексѣевъ, около него никого не было. Онъ былъ смущенъ и взволнованъ.

По выходѣ изъ сарайчика Государь и Императрица-Мать сѣли въ автомобиль и прослѣдовали въ домъ, гдѣ жилъ Его Величество, и долго тамъ оставались наединѣ другъ съ другомъ. Затѣмъ къ вечеру Государь отправился съ Матушкой Своей въ Ея поѣздъ, откуда вернулся къ себѣ только къ ночи.

Вмѣстѣ съ Императрицей Маріей Федоровной прибыли управляющій Ея дворомъ, шталмейстеръ князь Шервашидзе, состоящій при Ея Величествѣ, свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Сергѣй Долгорукій и Фрейлина Ея Величества графиня Менгденъ. — Всѣ они оставались въ поѣздѣ вмѣстѣ съ Ея Величествомъ и во всѣ дни пребыванія Императрицы-Матери въ Могилевѣ.

А событія все неслись и неслись. Все грознѣе и грознѣе развертывалась революція. Уже стало извѣстно, что Великій Князь Михаилъ Александровичъ принужденъ былъ отказаться принять престолъ подъ давленіемъ и угрозами дѣятелей революціи. «Временное правительство», свергнувъ законнаго Государя Николая II, торопится не допустить до трона новаго Царя имъ же указаннаго. Уже менѣе чѣмъ черезъ сутки послѣ того, какъ депутаты Гучковъ и Шульгинъ вернулись изъ Пскова съ манифестомъ о передачѣ Россійской державы Царю Михаилу, совершился новый актъ революціи. Поразительно то, какъ члены «правительства», эти лица, «довѣріемъ страны облеченные», въ первыя же минуты своей власти не попытались оградить Великаго Князя Михаила Александровича отъ случайностей и произвола. Главный дѣятель первыхъ часовъ и

дней революціи предсѣдатель Государственной Думы Родзянко, а затѣмъ и само «временное правительство» допустили превратить зданіе Думы въ какую-то площадь для митинговъ, для революціонныхъ оргій, для пріема депутацій бунтующихъ солдатъ и не попыталось даже организовать порядокъ въ городѣ и самой Думѣ. «Знатокъ военнаго дѣла» новый военный и морской министръ Гучковъ съ первыхъ минутъ своей «преобразовательной дѣятельности въ военномъ министерствѣ» призналъ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и вѣроятно надѣялся, что съ помощью этихъ новыхъ военныхъ организацій «свободная» армія процвѣтетъ. Военный министръ «временнаго правительства» не нашелъ даже необходимымъ дать охрану Великому Князю Михаилу Александровичу, который проживалъ въ это время въ Зимнемъ дворцѣ и подвергался всѣмъ случайностямъ революціонныхъ дней. Въ Петроградѣ находилось нѣсколько тысячъ юнкеровъ военныхъ училищъ, которые могли твердо держать охрану и порядокъ.

Приходится отмѣтить, что кромѣ потока словъ, кромѣ злобной, безсмысленной дѣятельности по аресту болѣе или менѣе видныхъ дѣятелей «Царскаго Правительства Николая II» «временное правительство» ничѣмъ себя не проявило и дало полную волю развиваться анархическимъ проявленіямъ и поплелось на запяткахъ у революціи.

Правительство князя Львова потянулось за Керенскимъ, который съ каждымъ часомъ пріобрѣталъ и большую власть и большее значеніе. Въ Могилевѣ трудно было выяснить всѣ подробности отказа Великаго Князя Михаила Александровича отъ принятія престола. Мнѣ передавали только, что Великій Князь не могъ оставаться въ Зимнемъ дворцѣ и переѣхалъ на квартиру полковника Кавалергардскаго полка, князя Путятина 1 или 2 Марта. Сюда 3-го Марта прибыли предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко, князь Львовъ, П. Н. Милюковъ, А. И. Гучковъ, А. Керенскій и другіе члены «временнаго правительства» и вступили въ продолжительные переговоры съ Его Высочествомъ объ условіяхъ принятія престола согласно волѣ, выраженной его братомъ Государемъ Императоромъ Николаемъ II. Во время этихъ переговоровъ Керенскій особенно настойчиво началъ требовать, чтобы Михаилъ Александровичъ не принималъ престола, устрашая при этомъ волненіями среди народа, рабочихъ и войскъ и неизбѣжнымъ будто бы кровопролитіемъ въ столицѣ.

Великій Князь долго не соглашался на это требованіе и выска-

зывалъ мнѣніе, что интересы Россіи обязываютъ его согласно волѣ брата, несмотря на трудность положенія, принять царство. Михаилъ Александровичъ послѣ долгихъ и жаркихъ объясненій пожелалъ посовѣтоваться отдѣльно по этому вопросу съ главою правительства княземъ Львовымъ и предсѣдателемъ Думы Ролзянко. Однако сначала даже это желаніе Великаго Князя встрѣтило возраженіе и многіе изъ членовъ «временнаго правительства» говорили, что они всѣ равны и никакихъ отдѣльныхъ совѣщаній быть не можетъ, но въ концѣ концовъ Великій Князь настоялъ и ушелъ съ Родзянко и княземъ Львовымъ въ другую комнату. Обсуждая создавшееся положеніе, князь Львовъ и Родзянко наединѣ съ Михаиломъ Александровичемъ высказались за необходимость, чтобы никто изъ Дома Романовыхъ не оставался у власти, въ виду будто бы желанія народа, и потому Великому Князю надлежитъ до учредительнаго собранія отказаться отъ трона.

Послѣ извѣстія объ отказѣ Михаила Александровича не только среди лицъ, окружавшихъ Государя, но и среди всей Ставки не было уже почти никакихъ надеждъ на то, что Россія сможетъ вести войну и продолжать сколько-нибудь правильную государственную жизнь. Надежда, что «учредительное собраніе» будетъ правильно созвано и утвердитъ Царемъ Михаила Александровича была очень слаба и въ нее почти никто не вѣрилъ. Правъ былъ К. Д. Ниловъ, говоря, что Михаилъ Александровичъ не удержится и за симъ наступитъ всеобщій развалъ.

Среди Ставки, которая въ огромномъ своемъ большинствѣ была противъ переворота, начали ходить особенно мрачные слухи послѣ того, какъ появилось извѣстіе объ организаціи совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ въ Петроградѣ, требованія которыхъ направлены къ развалу арміи и къ передачѣ власти въ войскахъ солдатской массѣ.

Уже сегодня генералъ Алексѣевъ полтора часа по прямому проводу говорилъ съ военнымъ министромъ Гучковымъ и убѣждалъ его не допускать опубликовать приказъ № I, такъ какъ это внесетъ полную дезорганизацію въ части войскъ и вести войну мы не будемъ въ состояніи. Гучковъ однако отвѣчалъ, что надо уступить требованію представителей «освобожденной арміи» и приказъ былъ опубликованъ и разосланъ.

По поводу приказа № I и солдатскихъ комитетовъ генералъ Клембовскій говорилъ мнѣ, что генералъ Алексѣевъ негодовалъ на Гучкова и съ злобой сказалъ: «единственно, что остается, это

немедленно дать разрѣшеніе офицерамъ внѣ службы носить штатское платье. Только это и поможетъ имъ иногда избавляться отъ произвола и наглости революціонныхъ солдатъ».

Кажется 4-го Марта вечеромъ выѣзжали изъ Ставки графъ Фредериксъ и генералъ Воейковъ. Я пошелъ съ ними проститься. Они жили въ томъ же домѣ, гдѣ помѣщался Его Величество. У графа Фредерикса уже было все уложено и онъ возбужденно ходилъ по комнатѣ, разговаривая по французски съ барономъ Штакельбергомъ. Графъ все сѣтовалъ на клевету на него, на газетную агитацію. Онъ говорилъ: «60 лѣтъ я честно служилъ Царю и Родинѣ. Полвѣка находился при Государяхъ, готовъ былъ всегда отдать жизнь свою въ ихъ распоряженіе, а сейчасъ оставлять Его Величество я считаю для себя недопустимымъ и если дѣлаю это, то только подъ настояніемъ генерала Алексѣева, который этого требуетъ и говоритъ, что если я и Воейковъ останемся въ Ставкѣ, онъ не ручается за спокойствіе Его Величества. Это меня глубоко потрясло, я такъ преданъ всему Царскому Дому». И старый графъ зарыдалъ. Графъ Фредериксъ уѣзжалъ въ Петроградъ и никуда не желалъ, да и не могъ скрываться. Мы съ нимъ обнялись, поцѣловались и со слезами на глазахъ разстались. Мнѣ очень жаль было старика, котораго я всегда глубоко уважалъ за его благородный характеръ, за глубокую преданность Россіи и Государю. Затѣмъ пришли прощаться С. П. Федоровъ, князь Долгорукій, К. Д. Ниловъ. Стали выносить вещи. Графъ все стоялъ и каждому повторялъ тѣ же скорбныя мысли...

Черезъ нѣсколько дней здѣсь же въ Ставкѣ, очевидецъ передавалъ мнѣ, что случайно находясь въ Петроградѣ на Загородномъ проспектѣ у Царскосельскаго (М. В.Р.ж.д.) вокзала видѣлъ какъ графъ Фредериксъ, прибывъ изъ Ставки, выходилъ чтобы сѣсть въ автомобиль. Толпа орала, кричала, требовала чтобы «этого измѣнника-нѣмца» дали растерзать. Конвой еле удерживалъ революціонный сбродъ, а графъ спокойно шелъ, нисколько не обращая вниманія на тотъ хаосъ, который царилъ на улицѣ. «Графъ Фредериксъ былъ очень красивъ и такъ выдѣлялся своей благородной фигурой надъ этой безумной и грязной улицей», сказалъ мнѣ свидѣтель этой сцены. Съ большимъ трудомъ автомобиль съ Министромъ Двора могъ тронуться. Фредериксъ спокойно сидѣлъ со своимъ постояннымъ секретаремъ Петровымъ, не показывая ни страха, ни смущенія.

Послѣ прощанія съ графомъ Фредериксомъ, я прошелъ въ комнаты дворцоваго коменданта. Здѣсь было много народа, всѣ подчиненные генерала Воейкова, сослуживцы, вся свита Государя пришли

проводить Владимира Николаевича. Онъ бодрился, все время распоряжался своимъ огромнымъ, въ необычайномъ порядкѣ, багажемъ, отдавалъ приказанія прислугѣ и отрывисто переговаривался со всѣми нами.

«Я надѣюсь пробраться къ себѣ въ Пензенское имѣніе и, можетъ быть, смогу тамъ жить»... сказалъ онъ.

Скоро дворцовый комендантъ вмѣстѣ съ подполковникомъ Таль, бывшимъ офицеромъ Л. Гв. Гусарскаго Его Величества полка, которымъ командовалъ до войны генералъ Воейковъ, отправился на вокзалъ. Они помѣстились въ вагонѣ II класса незамѣтно, но конечно могли проѣхать недалеко и были задержаны на одной изъ ближайшихъ къ Могилеву станцій и черезъ Москву отправлены въ Петроградъ, гдѣ генерала Воейкова и арестовали.

Послѣ отъѣзда графа Фредерикса и В. Н. Воейкова, этихъ близкихъ къ государю лицъ, стали много говорить объ ихъ дѣятельности и нравственномъ ихъ обликѣ. О министрѣ двора всѣ отзывались какъ о человѣкѣ высокой порядочности, благородства, вспоминали, какъ графъ всегда высказывалъ свои убѣжденія и мысли правдиво, не считаясь съ тѣмъ, понравятся ли его слова Государю и Императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ. Всѣ признавали, однако, что для такого бурнаго времени, при такой великой войнѣ желательно было бы имѣть министра двора болѣе молодого и дѣятельнаго. Графа Фредерикса Царская Семья очень любила и уважала, но уже не могла опираться на его совѣты и указанія, ибо его считали слишкомъ древнимъ... Очень часто, напримѣръ, генералъ-адъютантъ Ниловъ шутя называлъ министра двора «младенцемъ». Этотъ эпитетъ былъ извѣстенъ и Его Величеству.

В. Н. Воейковъ, о которомъ приходилось мнѣ же не разъ упоминать въ моихъ запискахъ, по мнѣнію всѣхъ знавшихъ его и подчиненныхъ и сослуживцевъ, и товарищей не пользовался особымъ авторитетомъ при Дворѣ. Онъ былъ по своей должности властный начальникъ, но далѣе его вліяніе было невелико. Царская Семья считала дворцоваго коменданта преданнымъ ей человѣкомъ, но онъ

больше всего былъ карьеристъ, избалованный удачами жизни и службы. Окружающіе дворцоваго коменданта относились къ нему всегда съ нѣкоторой ироніей, давая ему разныя прозвища, его не считали серьезнымъ вдумчивымъ человѣкомъ и опять повторяю, что въ глазахъ Государя, который былъ несравненно умнѣе, глубже, образованнѣе своего дворцоваго коменданта, мнѣніе Воейкова въ широкихъ государственныхъ вопросахъ не имѣло особаго вѣса и значенія. Я лично не близокъ къ дворцовому коменданту, у насъ отношенія сложились довольно холодныя, но тѣмъ не менѣе я долженъ сказать, что при нѣкоторыхъ отрицательныхъ чертахъ характера Владимира Николаевича, онъ всетаки несомнѣнно искренно былъ преданъ Его Величеству и тѣ промахи, которые отъ него нерѣдко происходили, являлись результатомъ его неглубокой натуры и поверхностного отношенія къ той исторической роли, какую дала ему служба. Смѣшно было слышать объ «измѣнахъ Воейкова», о стремленіи его открыть какой-то фронтъ. Дворцовый комендантъ, въ его понятіи, служилъ Царю съ полной преданностью, служилъ такъ, какъ онъ, Воейковъ, могъ служить.

Могилевъ по внѣшности остался спокоенъ, но быстро мѣнялся. Возникали въ разныхъ мѣстахъ митинги, сборища. Евреи особенно проявили общественную дѣятельность. Была уже смѣнена вся губернская администрація съ губернаторомъ Явленскимъ во главѣ. Появились губернскій и уѣздные комиссары.

Въ Могилевской городской думѣ имѣлись превосходные портреты Императора Павла I, Екатерины II и Александра I, еще наслѣдникомъ, кисти Боровиковскаго. Всѣ эти дивныя произведенія искусства, наслѣдіе той блестящей эпохи конца XVIII вѣка, когда Екатерина Великая пріѣзжала въ Могилевъ для свиданія съ Императоромъ Австрійскимъ Іосифомъ II, и въ память этого свиданія построенъ въ Могилевѣ соборъ Св. Іосифа, гдѣ имѣютсяобраза кисти того же Боровиковскаго. И вотъ въ первые же дни послѣ переворота всѣ портреты Царственныхъ Особъ, не смотря на ихъ чисто историческое значеніе, сняты и куда то унесены. Не знаю, удалены ли были изъ мѣстнаго историческаго музея предметы, хранящіе память о прежней эпохѣ и русскихъ Императорахъ и Императрицахъ.

Однако по отношенію къ Его Величеству городъ, толпа и народъ держали себя прилично, тихо и, насколько это можно было замѣтить въ случайныхъ разговорахъ на улицѣ, въ магазинахъ, на вокзалѣ, относились сочувственно къ Государю. «Что же Царь здѣсь жилъ хорошо, кромѣ добра отъ него не видали, всегда привѣтливый

къ намъ былъ. А ужъ Наслѣдникъ такой хорошій, добрый, все съ мальчиками гулялъ, катался... Очень жаль, что больше не увидимъ его»...

Такіе и подобные разговоры я слышалъ самъ лично нѣсколько разъ. Очень занималъ всѣхъ вопросъ зачѣмъ прибыла Императрица-Мать и больше предполагали, что для совѣта съ Государемъ. Почему то не хотѣли вѣрить, что Царица-Мать прибыла только для прощанія съ Сыномъ. Высказывали мысль, что Государыня не позволитъ Сыну оставить престолъ. Все это конечно говорилось неопредѣленно съ боязнью, осторожно, но всетаки эти городскіе слухи указывали на то, что переворота не ждала провинція и этому перевороту не сочувствовали въ широкихъ кругахъ народа и гражданъ.

Среди солдатъ броженіе начиналось постепенно. Появились красные банты, предъявлялись разныя требованія, но все это очень осторожно съ оглядкой

Помню, когда я сказалъ своему шоферу: «зачѣмъ ты эту красную тряпку надѣлъ», и указалъ ему на бантъ, онъ смущенно отвѣтилъ: «говорятъ надо, у насъ писарь сказалъ: теперь свобода. Виноватъ, Ваше Превосходительство», и онъ весело снялъ бантъ.

Но въ Георгіевскомъ баталіонѣ, въ Сводномъ полку вся солдатская жизнь шла безъ измѣненія и люди были попрежнему молодцеваты, вѣжливы. Въ большинствѣ громадный составъ служащихъ въ Ставкѣ, во всѣхъ ея отдѣлахъ — у дежурнаго генерала, въ генералъ квартирмейстерской части, въ желѣзнодорожномъ отдѣлѣ, въ морскомъ штабѣ и прочихъ учрежденіяхъ несочувственно относился къ перевороту и оставленію командованія арміями Государемъ. За полтора года всѣ привыкли и полюбили Его Величество. Всѣ отлично понимали, что Верховный Главнокомандующій близко стоялъ къ дѣламъ, зналъ во всѣхъ деталяхъ условія, при которыхъ протекала великая война. Конечно были лица сейчасъ перекинувшіяся къ новымъ дѣятелямъ и начавшихъ крикливо увѣрять, что теперь «свободная» армія дастъ побѣды, но это были отдѣльные голоса; что касается начальствующихъ лицъ, то они не радостны. Генералъ-квартирмейстеръ А. С. Лукомскій мраченъ, молчаливъ и ясно, что онъ не одобряетъ всѣхъ неожиданныхъ событій. Тоже можно сказать и о дежурномъ генералѣ П. К. Кондзеровскомъ. Высокій, худой, съ рыжеватыми усами помощникъ генерала Алексѣева, генералъ В. Н. Клембовскій, очень сдержанный вообще, однако выражалъ сомнѣнія, чтобы армія могла остаться боеспособной послѣ приказа № I и оставленія Государемъ командованія.

Вечеромъ 4-го Марта я пошелъ къ Клембовскому; онъ только что вернулся отъ Алексъева, который по прямому проводу говорилъ съ военнымъ министромъ Гучковымъ. Онъ передавалъ мнѣ свои впечатлѣнія о нововведеніяхъ по арміи. «Я только что сказалъ своему денщику, что теперь приказано ему говорить Вы и онъ долженъ называть меня не Ваше Высокопревосходительство, а господинъ Генералъ. «Совсѣмъ это напрасно, отвѣтилъ солдатъ, позвольте В. В-ствс просить, чтобы по старому было». Гучковъ все убѣждаетъ насъ съ Михаилъ Васильевичемъ, что надо понять необходимость всѣхъ этихъ скороспѣлыхъ реформъ, а я убѣжденъ, что изъ всѣхъ этихъ революціонныхъ преобразованій выйдетъ развалъ арміи. Вотъ и сидимъ мы съ Вами», обратился онъ ко мнѣ, «и должны соображать, когда придутъ наши новые революціонные солдаты и переколятъ насъ штыками». Все это высказывалось генераломъ спокойно съ нѣкоторымъ юморомъ.

Да, не только радостей было мало въ Ставкѣ по поводу событій начала Марта, но и жизнь въ Могилевѣ стала тревожна. Невольно приходило въ голову, какъ преступна была рѣшимость нашихъ высшихъ командныхъ лицъ примкнуть къ революціоннымъ выступленіямъ Думы и просить и настаивать у Государя оставить тронъ. Каждый часъ, пребыванія въ ставкѣ и всѣ событія, происшедшія послѣ 2-го Марта, убѣждали всѣхъ о погибельности этого шага для Россіи.

Поздно вечеромъ скороходъ Климовъ пришелъ ко мнѣ и доложилъ, что завтра, 5-го Марта, въ воскресенье будетъ обѣдня въ присутствіи Ихъ Величествъ въ штабной церкви на берегу Днѣпра.

Воскресенье, 5-го Марта.
Въ Ставкѣ — Могилевъ.

Холодный вѣтеръ дулъ изъ за Днѣпра. Старая церковь Св. Троицы, построенная борцомъ за православіе, Бѣлорусскимъ епископомъ Георгіемъ Кониссскимъ, окруженная каменной оградой, была переполнена. Стояли рядами солдаты, а по серединѣ прохода и спереди, ближе къ алтарю, все заполнили генералы, офицеры и служебный персоналъ Ставки. Служилъ весь штабный причтъ съ превосходнымъ, хотя и небольшимъ, хоромъ пѣвчихъ. Служба проходила по обычаю благолѣпно и благочинно. Государь и Императрица прибыли къ началу службы и прошли на Царскія мѣста

за лѣвой колонной противъ сѣверныхъ дверей. Тутъ размѣщено много жертвованныхъ въ Ставку образовъ, поставлены два простыхъ деревянныхъ кресла, разостланы ковры, теплятся лампадки. Съ переѣзда Ставки въ Могилевъ храмъ Св. Троицы служилъ штабной церковью.

Въ храмѣ стояла удивительная тишина и глубоко молитвенное настроеніе охватило всѣхъ пришедшихъ сюда. Всѣ понимали, что въ церковь прибылъ послѣдній разъ Государь, еще два дня тому назадъ Самодержецъ величайшей Россійской Имперіи и Верховный Главнокомандующій великой Русской арміи, съ Матерью Своей Императрицей, пріѣхавшей проститься съ Сыномъ, бывшимъ Русскимъ Православнымъ Царемъ. А на эктеніяхъ поминали уже не Самодержавнѣйшаго Великаго Государя Нашего Императора Николая Александровича, а просто Государя Николая Александровича. Легкій едва замѣтный шумъ прошелъ по храму, когда услышана была измѣненная эктенія.

«Вы слышите уже не произносятъ «Самодержецъ», сказалъ стоявшій впереди меня генералъ Нарышкинъ.

Многіе плакали. Генералъ Алексѣевъ, вообще очень религіозный и вѣрующій человѣкъ, усердно молился и подолгу стоялъ на колѣняхъ. Я невольно смотрѣлъ на него и думалъ, какъ онъ въ своей молитвѣ объясняетъ свои поступки и дѣйствія по отношенію къ Государю, которому онъ не только присягалъ, но у котораго онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ и помощникомъ въ эту страшную войну за послѣдніе полтора года. Я не могъ рѣшить о чемъ молится Алексѣевъ.

Я не помню за всю мою жизнь такой обѣдни и такого отношенія къ службѣ у всѣхъ молящихся.

Когда Государь со своей Матушкой, приложившись къ кресту, вышли изъ церкви и сѣли въ автомобиль, то они были окружены густой стѣной солдатъ и офицеровъ, смотрѣвшихъ на нихъ особымъ преданнымъ и сочувственнымъ взглядомъ. Многіе изъ насъ не только отдавали честь, но снимали шапки. Царскій автомобиль тихо продвигался, а сидѣвшіе въ немъ Государь и Императрица кланялись народу и грустенъ былъ ихъ взглядъ.

«Неужели это автомобиль съ отрекшимся Царемъ», сказалъ кто-то сзади меня...

Тихо въ подавленномъ настроеніи расходилась Ставка изъ своего храма.

Всѣ дни пребыванія въ Могилевѣ съ 4 до 8 Марта Государь про-

водилъ въ такомъ порядкѣ. Послѣ утренняго чая, въ началѣ девятаго часа, Онъ начиналъ принимать разныхъ лицъ, что продолжалось до самаго завтрака, т. е. до половины перваго. Государь за эти четыре дня простился съ военными агентами и представителями союзныхъ державъ, съ своей свитой и съ цѣлымъ рядомъ лицъ служебнаго міра Ставки. Къ завтраку пріѣзжала Императрица со своимъ небольшимъ штатомъ и послѣ 2-хъ часовъ вмѣстѣ съ Государемъ уѣзжала къ себѣ въ поѣздъ. Здѣсь Его Величество оставался до поздняго вечера.

Разставаясь съ иностранными агентами, Государь подробно и долго бесѣдовалъ съ ними. Его Величество въ продолженім полутора лѣтъ постоянно видалъ представителей союзныхъ армій. Всѣ они бывали ежедневно на Высочайшихъ завтракахъ и обѣдахъ и кромѣ того Государь нерѣдко бесѣдовалъ съ ними о всѣхъ событіяхъ войны и въ силу этого Императоръ отлично зналъ всѣхъ иностранныхъ генераловъ и офицеровъ.

Военные агенты: англійскій генералъ Вильямсъ, французскій генералъ Жаненъ, бельгійскій генералъ баронъ де-Риккель, сербскій полковникъ Леонткевичъ, итальянскій полковникъ Марсенго, всѣ съ глубочайшимъ уваженіемъ относились къ Его Величеству и чтили въ Русскомъ Императорѣ ихъ вѣрнѣйшаго союзника. Въ то время, когда среди русскаго общества ходили дрянные слухи о какихъ-то мирныхъ переговорахъ съ Германіей, — военные агенты нашихъ союзныхъ державъ, да и сами союзныя державы вѣрили въ союзъ съ Императоромъ Николаемъ также, какъ въ себя. Сомнѣній не было. Всѣ прекрасно понимали, что разгромъ Фракціи предотвращенъ Россіей, что Англія, а затѣмъ Америка, имѣли время подготовиться къ войнѣ только благодаря намъ, а Италія спасена отъ окончательнаго разгрома Брусиловскимъ военнымъ наступленіемъ 1916 года. Сербія всегда искренно и открыто признавала, что она можетъ вести войну только при помоши Россіи, которая черезъ Рени давала ей все, начиная съ хлѣба и кончая аэропланами и автомобилями.

Самыя лучшія отношенія такимъ образомъ господствовали между Государемъ и всѣми представителями Антанты въ Ставкѣ. Мартовскій переворотъ упалъ для военныхъ агентовъ какъ снѣгъ на голову. Англійскій генералъ Вильямсъ, бесѣдуя съ нами по возвращеніи Его Величества въ Ставку изъ Пскова, сказалъ: «У насъ въ Англіи есть старая пословица: при переправѣ въ бродъ — лошадей не мѣняютъ. А вы русскіе рѣшились перемѣнить не только лошадей

но даже экипажъ. Можно бояться, что этотъ опытъ принесетъ губительные результаты».

«Но вѣдь Вашъ же посолъ Бьюкененъ принималъ близкое и живое участіе въ подготовкѣ переворота», отвѣтили Вильямсу.

«Я думаю, не всѣ одобряютъ дѣятельность г. Бьюкенена», сказалъ Вильямсъ.

Въ эти дни тревоги военные агенты горячо относились къ интересамъ Государя. Они говорили, что готовы лично защищать особу Императора, что они послали самыя обширныя сообщенія своимъ представителямъ въ Петроградѣ он еобходимости оградить жизнь всей Царской Семьи.

Государь простился со всѣми военными агентами очень сердечно и изъ словъ Его Величества, сказанныхъ при разставаніи, и изъ всѣхъ вѣстей, сосредоточенныхъ въ Ставкѣ, военныя миссіи составили ясное представленіе, что партія переворота, создавши всеобщее недовольство, лишила Царя всякаго довѣрія среди лицъ высшаго командованія. Начальникъ штаба Алексѣевъ, всѣ главнокомандующіе фронтами не только не оказали противодѣйствія революціоннымъ требованіямъ Государственной Думы съ предсѣдателемъ ея Родзянкой во главѣ, но въ телеграммахъ Государю просили оставить правленіе государствомъ, а если генералъ-адъютантъ Эвертъ и генералъ Сахаровъ и не одобряли переворота, то все же, дабы не вносить разногласія, не выступили открыто противъ. При такой обстановкѣ, при революціи сверху, едва ли можно было оставаться на тронѣ Императору Николаю II, говорили всѣ военные агенты.

Пущенный въ обществѣ и въ прессу слухъ о стремленіи Государя и Императрицы Александры Федоровны заключить сепаратный отъ союзниковъ миръ не встрѣчалъ конечно довѣрія среди военныхъ агентовъ, да и вообще среди штаба Ставки. Всѣ прекрасно понимали, что это просто злая сплетня.

Генералъ Алексѣевъ все время былъ поглощенъ разными распоряженіями, а главное онъ выяснялъ по прямому проводу съ Петроградомъ условія отъѣзда изъ Могилева и жизни затѣмъ Государя. Генералъ Алексѣевъ требовалъ отъ временнаго правительства: 1) обезпеченнаго и безопаснаго проѣзда Его Величества отъ Могилева до Царскаго Села, 2) безопаснаго и свободнаго пребыванія Государя въ Царскомъ на время болѣзни дѣтей Ихъ Величествъ, хворавшихъ въ это время корью, 3) свободнаго выѣзда всей Царской Семьи, послѣ выздоровленія дѣтей, черезъ Мурманскъ заграницу,

вѣроятно въ Англію. Кромѣ того, поднимался вопросъ о жизни Царской Семьи въ Крыму по окончаніи войны. Этотъ послѣдній вопросъ впрочемъ кажется былъ оставленъ и разсмотрѣнію не подвергался. Отвѣтъ отъ Временнаго правительства по этимъ вопросамъ ожидался каждый день и до полученія его Государь и Императрица оставались въ Могилевѣ.

Государь, свита и чины министерства двора, находившіеся въ Ставкѣ, всѣ эти дни готовились къ отъѣзду изъ Могилева. Убирались вещи, укладывался багажъ. Гофмаршалъ князь В. А. Долгорукій внимательно собиралъ все дворцовое имущество, находившееся въ домѣ, гдѣ жилъ Императоръ послѣдніе полтора года войны. Чудное старинное чайное серебро уже было отобрано отъ всѣхъ и упаковывалось для перевоза въ Петроградъ.

Грустно было покидать этотъ простой, провинціальный бывшій губернаторскій домъ, гдѣ протекала глубоко дѣловая, трудолюбивая и не парадная жизнь Государя — Верховнаго Главнокомандующаго Россійской арміей. Домъ небольшой и совершенно оставленный въ томъ же видѣ, какъ онъ былъ при Могилевскомъ губернаторѣ Пильцѣ; при немъ началась война. Наверху, во 2-мъ этажѣ, находилась зала въ 4 окна, рядомъ кабинетъ Его Величества въ 2 окна, съ обычной простой провинціальной мебелью, небольшимъ письменнымъ столомъ, диваномъ, на которомъ Государь помѣщалъ часть бумагъ, затѣмъ тоже въ 2 окна спальня Его Величества и Наслѣдника съ походными кроватями, умывальникомъ, туалетнымъ столикомъ, нѣсколькими стульями. Тутъ же обычно стояли сапоги въ колодкахъ и висѣло какое то платье въ чехлахъ. У кроватей, покрытыхъ пледами, на стѣнахъ развѣшаны были многочисленные образки, крестики. Все это благословленіе отъ Своей семьи и близкихъ лицъ и друзей.

Изъ залы налѣво расположена столовая, довольно обширная, но тоже съ простой обычной мебелью. Тутъ же наверху двѣ комнаты для графа Фредерикса и одна генерала Воейкова.

Въ I-мъ этажѣ находилась военно-походная канцелярія Его Величества и помѣщались генералъ-адъютантъ Ниловъ, князь Долгорукій, генералъ Нарышкинъ — начальникъ военно-походной канцеляріи, лейбъ-хирургъ С. П. Федоровъ.

Прислуги было немного: 5-6 лакеевъ, скороходъ, камердинеръ Государя, повара и проч... Всѣ они ютились по маленькимъ комнаткамъ дома. Повторяю, вся обстановка жизни Государя была скромна и проста до чрезвычайности.

Часть свиты Государя и чины министерства двора размѣщены были напротивъ дворца, въ бывшемъ зданіи окружнаго суда тамъ гдѣ было во время Ставки управленіе дежурнаго генерала. Тутъ помѣщались командиръ конвоя графъ Граббе-Никитинъ, генералъ Д. Н. Дубенскій и церемоніймейстеръ баронъ Штакельбергъ. Дежурные флигель-адъютанты имѣли квартиру въ гостиницѣ Франція, недалеко отъ дворца по Днѣпровскому проспекту.

Начиная съ 20 Августа 1915 года, когда Его Величество прибылъ въ Могилевъ и принялъ командованіе всѣми своими силами, свита Государя была всегда очень невелика. Постоянно сопровождали Его Величество: министръ двора графъ Фредериксъ, иногда вмѣсто него графъ Бенкендорфъ или генералъ-адъютантъ Максимовичъ, генералъ-адъютантъ Ниловъ, дворцовый комендантъ генералъ Воейковъ, гофмаршалъ князь Долгорукій, начальникъ военно-походной канцеляріи генералъ К. А. Нарышкинъ, командиръ конвоя графъ Граббе; до Ноября 1915 года постоянно бывалъ флигель-адъютантъ полковникъ А. А. Дрентельнъ; лейбъ-хирургъ профессоръ С. П. Федоровъ, генералъ Д. Н. Дубенскій, ведшій дневникъ пребыванія Его Величества на войнѣ, церемоніймейстеръ баронъ Штакельбергъ и по два очередныхъ дежурныхъ флигель-адъютанта, которые оставались въ Ставкѣ по двѣ недѣли; чаще другихъ флигель-адъютантъ капитанъ 1-го ранга Н. П. Саблинъ. Вотъ и все. Значитъ при Государѣ бывало постоянно не болѣе 10 человѣкъ, кромѣ того, конечно, имѣлся обычный, тоже небольшой, составъ служащихъ по охранѣ: генералъ Спиридовичъ, полковникъ Герарди, полковникъ Ратко и другіе, всего не болѣе 20-25 человѣкъ.

Трудовой день Государя начинался рано. Его Величество вставалъ около 8 часовъ утра, шелъ пить чай и уже въ началѣ 10-го часа отправлялся въ генералъ-квартирмейстерскую часть, находившуюся рядомъ съ дворцомъ, для принятія доклада отъ начальника штаба. Докладъ тянулся до самаго завтрака, который бывалъ всегда въ половинѣ перваго. Къ завтраку, кромѣ лицъ свиты, приглашались всѣ военные агенты, губернаторъ и по очередно служебный персоналъ Ставки.

Послѣ завтрака, около 2-хъ часовъ, Государь уѣзжалъ на автомобиляхъ съ лицами ближайшей свиты своей по шоссе лобо на Бобруйскъ, либо на Оршу верстъ за 20-25, оставлялъ моторъ и гулялъ въ полѣ, въ лѣсахъ, по берегу Днѣпра около часа. Затѣмъ возвращался въ Могилевъ. Это единственное время когда Государь отдыхалъ, совершая прогулку съ близкими людьми. Всѣ остальные

часы Его Величество былъ сплошь занятъ. Днемъ до 5 часового чая и послѣ него у Государя или бывали назначенные пріемы лицамъ или Онъ самъ все время до обѣда, т. е. 8 часовъ вечера, сидѣлъ за бумагами и прочитывалъ доклады, присланные изъ Петрограда отъ министровъ и по дѣламъ Ставки. Обѣдъ тянулся часъ и къ нему также, помимо постоянно присутствовавшихъ за Высочайшимъ столомъ, какъ на завтракъ, приглашались разныя лица. Послѣ обѣда Государь обходилъ нѣкоторыхъ лицъ, бесѣдовалъ съ ними и уже въ 10-мъ часу, сдѣлавъ общій поклонъ, удалялся въ кабинетъ, гдѣ работалъ до глубокой ночи. И такъ ежедневно, не давая себѣ ни отдыха, ни послабленія. А въ дни объѣздовъ фронтовъ Государь верхомъ на конѣ или въ автомобилѣ проводилъ съ утра до вечера среди войскъ, причемъ нерѣдко обѣдъ отлагался до поздняго часа.

О развлеченіяхъ въ Ставкѣ конечно никто не думалъ и трудовая жизнь у Царя и Его сотрудниковъ не прекращалась и праздниками, когда Его Величество бывалъ всегда у обѣдни, а наканунѣ у всенощной.

Государыня Александра Федоровна отлично понимала какъ тяжела для ея мужа жизнь въ Ставкѣ. Вотъ что она говорила мнѣ въ Царскосельскомъ дворцѣ въ Ноябрѣ 1916 года: «Вы постоянно съ Государемъ и сами видите, какъ Онъ одинокъ въ Ставкѣ. Все одинъ безъ семьи, къ которой Онъ такъ близокъ. Вотъ почему я не имѣю силы противодѣйствовать Ему держать около себя Наслѣдника, хотя понимаю, что Алешѣ необходимы регулярныя занятія, а въ Могилевѣ, хотя тамъ и Н. В. Петровъ, Жильяръ и Гибсъ, это дѣлать труднѣе, чѣмъ здѣсь въ Царскомъ. Кромѣ того, сынъ ужъ очень увлекается военными интересами, находясь въ Ставкѣ только среди всѣхъ васъ и видя только солдатъ. Однако хорошо то, что Алексѣя видятъ войска и что у Наслѣдника навсегда въ памяти останутся самыя сильныя впечатлѣнія зрѣлищъ дѣтскихъ лѣтъ объ этой страшной войнѣ, которую мы ведемъ и что Его Отецъ былъ главнымъ руководителемъ войны и горячо работалъ на благо Россіи съ глубокой вѣрой въ помощь Божію. Тяжелы Государю и эти постоянныя разочарованія въ людяхъ, которымъ Онъ всегда такъ вѣритъ въ началѣ и такъ надѣется на ихъ искреннюю помощь... А пройдетъ мѣсяцъ другой и невольно закрадывается у Государя сомнѣніе въ призванномъ человѣкѣ. Говорятъ всѣ, почему такая смѣна Министровъ, почему такая неустойчивость. Да вѣдь Государь желаетъ лучшаго, не можетъ же онъ оставить человѣка, которому Онъ пересталъ вѣрить. А эти интриги, происки, эта постоянная

клевета на всѣхъ насъ, на нашу семью! Все это тяжело отражается на Государѣ. Онъ перемѣнился, похудѣлъ, онъ сталъ нервенъ и только его сдержанность дѣлаетъ для посторонних малозамѣтной его перемѣну. Одинъ Петроградъ сколько даетъ нравственныхъ мукъ отъ всѣхъ непрошенныхъ совѣтовъ и родственниковъ и другихъ лицъ. Я лично больше вѣрю простому народу и ихъ простому отношенію къ намъ. Я Вамъ покажу, какъ нибудь, сотни, даже тысячи, писемь, которыя мнѣ прямо пишутъ изъ всѣхъ концовъ Россіи и изъ разныхъ полковъ. Пишутъ ничего не говоря, а заявляя только о своемъ чувствѣ къ намъ всѣмъ, къ Наслѣднику, Царю и мнѣ. Я не могу допустить, чтобы это было просто лесть и неправда. Мнѣ кажется, Россію лучше можно разгадать черезъ народъ и нашу православную вѣру, нежели черезъ высшія сословія и правящій класъ»... Долго еще говорила Императрица и невольно бросалось въ глаза ея особо религіозное, почти мистическое, настроеніе. Тяжело переживала она это время и я былъ удивленъ, какъ она хорошо освѣдомлена о всѣхъ явленіяхъ нашей бурной и тревожной жизни. Она между прочимъ сказала, что генералъ Алексѣевъ на нее производилъ хорошее впечатлѣніе. «Это, кажется, человѣкъ преданный Россіи и любящій Государя. Онъ простой, русскій человѣкъ. Они усердно работаютъ вмѣстѣ, а работа даетъ утѣшеніе Государю, безъ нея онъ не могъ бы долго выжить въ Ставкѣ одинъ безъ семьи. Объ этомъ онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ».

Я припомнилъ и возстановилъ въ памяти эту бесѣду съ Императрицей Александрой Федоровной, которая такъ хорошо знала душу своего мужа, имѣла на него вліяніе, они такъ любили другъ друга, что отзывъ Царицы долженъ дать вѣрную характеристику Государю въ это мрачное время готовившейся революціи и назрѣвавшаго переворота сверху при участіи первыхъ людей Имперіи. Но какъ мало вѣрила Россія, преимущественно интеллигентный классъ, своей Императрицѣ и не было того преступленія, которое не приписывалось бы супругѣ Царя.

Все это перебиралось въ памяти, вспоминалось и невольно напрашивался жгучій вопросъ — когда же и какъ это случилось, что давняя, освѣщенная преданіями, церковью, рушилась Русская Царская Власть. Какъ случилось, что Царь ушелъ и вся громадная Россія переходитъ во власть ничтожныхъ людей, ничѣмъ себя не заявившихъ, кромѣ упорной, безумной интриги противъ главы государства въ разгаръ войны, когда чувствовался уже переломъ въ нашу сторону. И вѣрилось мнѣ въ возможность такихъ рѣчей,

о которыхъ шелъ слухъ среди лицъ стремившихся къ перевороту»: «Только теперь возможно сверженіе Царя, а потомъ, послѣ побѣды надъ нѣмцами о переворотѣ въ Россіи не придется думать и власть Государя надолго упрочится у насъ».

Задумчиво сидѣли мы по своимъ комнатамъ, не хотѣлось говорить. Ставка, какъ то затихла. Всѣ чего то ждали и въ то же время не вѣрили въ какую либо возможность новыхъ перемѣнъ, могущихъ дать лучшія надежды.

Понедѣльникъ-Вторникъ, 6-7-го Марта.
Въ Ставкѣ — Могилевъ.

Шестого Марта Государь прощался со своей ставкой. Утромъ въ 11-мъ часу весь наличный персоналъ служащихъ во всѣхъ учрежденіяхъ и отдѣлахъ Ставки собрался въ управленіи дежурнаго генерала и здѣсь въ большомъ залѣ ожидали прибытія Его Величества. Тутъ были Великіе Князья: Сергѣй и Александръ Михайловичи, Борисъ Владимировичъ, свита, всѣ генералы, офицеры и гражданскіе чины съ генераломъ Алексѣевымъ во главѣ. Тутъ же построилась команда нижнихъ чиновъ разныхъ частей войскъ, находившихся въ Могилевѣ.

Весь залъ былъ переполненъ, стояли даже на лѣстницѣ и при входѣ. Шли тихіе разговоры и всѣ напряженно смотрѣли на двери, откуда долженъ былъ появиться Государь. Прошло минутъ десять и послышались легкіе, быстрые шаги по лѣстницѣ. Все зашевелилось и затѣмъ замолкло. Послышалась команда: «Смирно».

Государь въ Кубанской пластунской формѣ бодро, твердо и спокойно вошелъ въ середину зала. Его Величество былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Около него находился генералъ Алексѣевъ. Государь немного помолчалъ, затѣмъ при глубочайшей тишинѣ своимъ яснымъ, звучнымъ голосомъ началъ говорить. Его Величество сказалъ, что волею Божіей ему суждено оставить Ставку, что онъ ежедневно въ продолженіи полутора лѣтъ видѣлъ самоотверженную работу Ставки и знаетъ, сколько всѣ положили силъ на служеніе Россіи во время этой страшной войны съ упорнымъ и злымъ врагомъ. Затѣмъ сердечно поблагодарилъ всѣхъ за труды и высказалъ увѣренность что Россія вмѣстѣ съ нашими союзниками будетъ побѣдительницей и жертвы всѣ мы несли не напрасно.

Думаю, что возстановивъ рѣчь Государя по памяти, я не очень исказилъ слова Его Величества, да и суть рѣчи была не въ словахъ, а въ той сердечности, той особой душевности, съ которой Онъ послѣдній разъ говорилъ со своими сотрудниками. Вѣдь Государь оставлялъ свою работу со Ставкой наканунѣ наступленія, котораго ждали со дня на день и къ которому все уже было подготовлено. Всѣ это знали отъ Алексѣева до младшаго офицера и писаря. У всѣхъ были твердыя надежды на побѣду и даже разгромъ врага. И вдругъ все перемѣнилось и глава Имперіи, Верховный Вождь арміи оставляетъ Россію и свои войска. Все это было у всѣхъ на умѣ и на сердцѣ. А Государь смотрѣлъ на всѣхъ своими особыми удивительными глазами съ такой грустью, сердечностью и съ такимъ благородствомъ.

Ему сталъ отвѣчать генералъ Алексѣевъ взволнованнымъ какимъ-то надтреснутымъ голосомъ, но рѣчь его продолжалась очень недолго, такъ какъ отъ слезъ онъ не могъ ее продолжать. Генералъ Алексѣевъ успѣлъ сказать только, что Его Величество не по заслугамъ цѣнитъ труды Ставки, что они всѣ дѣлали только то, что могли, но что самъ Государь отдавалъ всю душу свою работѣ и тѣмъ давалъ всѣмъ силы работать для Россіи... Его Величество подошелъ къ генералу Алексѣеву и крѣпко обнялъ его. Я стоялъ очень близко отъ Государя и ясно видѣлъ, какъ у него скатилась крупная слеза, а у генерала Алексѣева все лицо было мокрое отъ слезъ. Уже при первыхъ звукахъ голоса Государя послышались рыданія и почти у всѣхъ были слезы на глазахъ, а затѣмъ нѣсколько офицеровъ упали въ обморокъ, начались истерики и весь залъ пришелъ въ полное волненіе, такое волненіе, которое охватываетъ близкихъ при прощаніи съ дорогимъ любимымъ, но уже не живымъ человѣкомъ. Около меня стояли генералъ Петрово-Соловой, Великій Князь Александръ Михайловичъ и цѣлый рядъ другихъ лицъ и всѣ они буквально рыдали.

Государь быстро овладѣлъ собою и направился къ нижнимъ чинамъ, поздоровался съ ними и солдаты отвѣтили: «Здравія желаемъ Вашему Императорскому Величеству». Государь началъ обходить команду, которая также какъ и офицерскій составъ Ставки съ глубокой грустью разставалась съ своимъ Царемъ, которому они служили вѣрой и правдой. Послышались всхлипыванія, рыданія, причитанія; я самъ лично слышалъ, какъ громаднаго роста вахмистръ, кажется карасирскаго Его Величества полка, весь украшенный Георгіями и медалями, сквозь рыданія сказалъ: «Не покидай

насъ, Батюшка». Все смѣшалось и Государь уходилъ изъ залы и спускался съ лѣстницы окруженный глубоко разстроенной толпой офицеровъ и солдатъ. Я не видалъ самъ, но мнѣ разсказывали, что какой-то казакъ-конвоецъ бросился въ ноги Царю и просилъ не покидать Россіи. Государь смутился и сказалъ: «встань, не надо, не надо этого»...

Настроеніе у всѣхъ было такое, что казалось выйди какой-либо человѣкъ изъ этой взволнованной, потрясенной толпы, скажи слова призыва и всѣ стали бы за Царя, за Его власть. Находившіеся здѣсь иностранцы поражены были состояніемъ офицеровъ Царской Ставки; они говорили, что не понимаютъ, какъ такой подъемъ, такое сочувствіе къ Императору не выразились во что либо реальное и не имѣли послѣдствій.

Какъ это случилось такъ, но это случилось и мы всѣ только слезами проводили нашего искренно любимаго Царя.

Одно надо сказать — мы всѣ знали, что Государь уже отрекся отъ престола и нарушать Его волю было трудно.

Я переживалъ все то, что переживали всѣ, разставаясь съ Царемъ, но я не былъ удивленъ этой картиной грусти, охватившей всѣхъ насъ. За два съ половиной года, находясь постоянно при Государѣ и объѣхавъ съ Его Величествомъ Европейскую Россію, Кавказъ, всѣ фронты съ сѣвера отъ Риги до Карса и Меджингерта, я видѣлъ русскій народъ въ Москвѣ, когда онъ на морозѣ простаивалъ часы, чтобы встрѣтить Царя и Его Семью; былъ въ Кіевѣ, Одессѣ и множествѣ другихъ городовъ нашего юга, когда толпы бѣжали за царскимъ автомобилемъ; находился въ казачьихъ городахъ Новочеркасскѣ, Владикавказѣ, Екатеринодарѣ и въ центрѣ Кавказа Тифлисѣ, когда пылкій азіатскій народъ такъ плотно окружалъ царскій поѣздъ, что онъ еле могъ идти. Всюду былъ открытый восторгъ, вѣра и глубочайшая надежда на Бѣлаго Царя. Въ арміяхъ, на позиціяхъ, въ госпиталяхъ я былъ свидѣтелемъ такихъ сценъ, о которыхъ раньше даже не читалъ. Раненые и умирающіе солдаты крестились, когда къ нимъ подходилъ Царь. Нѣкоторые изъ нихъ говорили: «Не можетъ быть, что это Государь и Наслѣдникъ», и цѣловали имъ руки. Это было въ Галиціи. Тяжело-раненые офицеры ожидая прибытія Государя въ госпиталь, боялись умереть до прибытія Царя и Царицы. Это было въ Москвѣ и Двинскѣ.

А войска? Пусть припомнятъ всѣ, что это былъ за восторгъ при видѣ Ихъ Величествъ.

Въ Галиціи, въ Хировѣ, когда царскій автомобиль застрялъ

въ пескахъ у Днѣстра и Апшеронцы стали его вытаскивать, они хватили руки Царя, цѣловали ихъ, молились и произносили: «Батюшка нашъ, Кормилецъ». А сидѣвшій рядомъ съ Царемъ Великій Князь Николай Николаевичъ не могъ при этомъ удержать слезъ. И то, что я видѣлъ въ Царской Ставкѣ при проводахъ Царя — это то, что я видѣлъ раньше и что всегда исповѣдывалъ и испытывалъ къ Нему русскій народъ и русскій солдатъ.

Вотъ какъ происходило прощаніе Государя со Своей Ставкой. Въ этомъ прощаніи, которое никто не подготовлялъ и не могъ создать умышленно ничего подобнаго, сказалось съ очевидностью, что переворотъ былъ неожиданный и армія была удивлена имъ и глубоко опечалена.

Прежде всего не вѣрили въ славное будущее революціоннаго переворота ни старшіе чины въ Ставкѣ, — Клембовскій, Лукомскій, Кондзеровскій и другіе, не ожидала отъ него ничего доблестнаго и хорошаго и вся армія, ея солдатская масса, которая безъ Царя просто стала постепенно расходиться по домамъ и по пути производить безпорядки подъ вліяніемъ погромной агитаціи революціонеровъ всѣхъ партій. Никому кромѣ Императора русскій солдатъ служить не захотѣлъ.

Однако были и лица, которыя отозвались сейчасъ же на переворотъ и примкнули къ программѣ временнаго правительства. Въ тотъ же день, когда Государь прощался со Ставкой или днемъ раньше черезъ Могилевъ проѣзжалъ генералъ Корниловъ, принявшій назначеніе уже послѣ переворота, т. е. отъ временнаго правительства, командующаго войсками Петроградскаго военнаго округа, силами котораго произведена была Февральская революція. Я встрѣтилъ генерала Корнилова въ управленіи дежурнаго генерала. Онъ, не снимая пальто, съ Георгіемъ на шеѣ, нетерпѣливо ходилъ по комнатѣ и разговаривалъ съ небольшой группой офицеровъ генеральнаго штаба, и когда кто то сказалъ: « теперь необходимо возстановить порядокъ въ запасныхъ баталіонахъ Петрограда и сократить по возможности засиліе солдатскихъ комитетовъ и оградить офицеровъ отъ произвола нижнихъ чиновъ», то генералъ Корниловъ отвѣтилъ:

«Надо относиться съ довѣріемъ къ нашему солдату, надо понять его восторгъ по случаю паденія «самодержавія и царизма», простить нѣкоторыя крайности и, повѣрьте, все уляжется и порядокъ можно будетъ держать и «свободная» армія Россіи покажетъ чудеса».

Генералъ Корниловъ, небольшого роста, сухой съ голымъ

калмыцкимъ лицомъ и съ быстрыми узкими глазами, говорилъ все это горячо, живо и видимо вѣрилъ тому, что онъ сообщилъ своимъ болѣе молодымъ собесѣдникамъ.

Я не ввязался въ эту бесѣду и мнѣ было странно слушать эти слова отъ Корнилова, котораго нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, кажется послѣ бѣгства его изъ плѣна, я встрѣтилъ въ той же Царской Ставкѣ и я зналъ навѣрное, что онъ хлопоталъ, чтобы его удостоили приглашенія на Высочайшій и завтракъ и обѣдъ, такъ какъ онъ видитъ Государя рѣдко и ему хотѣлось бы «имѣть счастье» побывать за Царскимъ столомъ дважды. Кажется желаніе Корнилова было удовлетворено.

Теперь, слушая эти пылкія слова генерала Корнилова, я не могъ понять, когда же онъ былъ искренній, а между тѣмъ о немъ отзывались, какъ о человѣкѣ правдивомъ и честномъ, боевомъ солдатѣ.

Послѣ завтрака 6-го Марта у Государя, на которомъ, какъ и въ первые дни, присутствовала Императрица-Мать и только ближайшіе изъ свиты, Ихъ Величества отправились въ поѣздъ Государыни Маріи Федоровны и Государь оставался тамъ опять до поздняго вечера.

Всѣхъ насъ уже начинало волновать неполученіе отвѣта отъ «временнаго правительства» объ отъѣздѣ Государя изъ Могилева. Мы недоумѣвали о чемъ можно такъ долго вести переговоры, когда Его Величество добровольно согласился отречься отъ престола, назначилъ Великаго Князя Николая Николаевича Верховнымъ Главнокомандующимъ и считалъ себя и Свою Семью, конечно, свободной въ томъ образѣ жизни, который изберетъ Его Величество. Послѣ того, какъ желанія партіи переворота были удовлетворены, казалось бы, слѣдовало ожидать немедленнаго исполненія желанія бывшаго Императора. А между тѣмъ все тянулось тяжелое кошмарное время. Обидно и горько было смотрѣть на Государя и Его Матушку, ожидающихъ рѣшенія своей участи.

Въ тѣ минуты, когда приходилось видѣть Его Величество въ эти дни, бросалось въ глаза его сосредоточенность, его углубленность внутрь себя. Говорилъ Онъ мало, но когда обращался къ кому либо изъ насъ, то сказывалась особенная задумчивость. О себѣ Онъ не думалъ, но страшно страдалъ за Россію и семью свою. Онъ уже понялъ, что будетъ совсѣмъ не то, о чемъ такъ претенціозно говорили лица совершившія переворотъ.

Императрица производила глубокое впечатлѣніе на всѣхъ.

Тяжело было ей переживать весь этотъ ужасъ, видѣть эту измѣну сыну, понимать, что Россія погибнетъ безъ Царя. Особенно это было ясно ей — Супругѣ Императора Александра III, того Монарха, который поставилъ Россію на необычайную высоту и голосъ Царя-Миротворца уважался всѣмъ міромъ. Но тѣмъ не менѣе Государыня Марія Федоровна поразительно твердо себя держала. У Ея Величества въ эти дни великой муки находились добрыя слова, привѣтливая улыбка ко всѣмъ, съ кѣмъ Императрица встрѣчалась въ это время. Ничего показного, ничего театральнаго никогда не являлось ни у Государя, ни у Его Матушки.

Это твердое поведеніе замѣтила вся Ставка и не разъ приходилось слышать: «Какая сила воли у людей, какое сознаніе своего Царскаго достоинства»...

Да, эта выдержка удивительна, но каковы тѣ минуты и часы, когда Сынъ — бывшій Царь и Мать Его оставались наединѣ. Что они переживали тогда, и какъ говорили другъ съ другомъ. Вѣдь для нихъ не было сомнѣній, что единственныя ихъ желанія были только счастье Россіи и ея народамъ. Вѣдь личныхъ цѣлей они не преслѣдовали и ихъ не было. Еще вчера Государь сказалъ: «если переворотъ дастъ успѣхъ родинѣ — мнѣ больше ничего не надо».

Вечеръ 6-го Марта я провелъ вмѣстѣ съ С. П. Федоровымъ и К. Д. Ниловымъ. Заходилъ къ намъ также князь Долгорукій. Разговоръ держался все время на отбытіи Государя въ Царское къ семьѣ и затѣмъ черезъ нѣкоторое время заграницу черезъ Мурманъ.

«Сегодня мнѣ иностранцы говорили», сказалъ С. П. Федоровъ, «что необходимо не задерживаться Государю и Семьѣ въ Россіи и какъ можно скорѣе уѣзжать заграницу. По ихъ предположеніямъ революція не остановится и Богъ знаетъ чѣмъ все это можетъ разразиться».

«Разъ допустили переворотъ, теперь можно ждать всего, чего угодно», сказалъ Ниловъ.

«А разрѣшатъ ли сопровождать Государя заграницу», сказалъ С. П. Федоровъ. «Если нѣтъ, то хоть бы до Мурмана пустили», добавилъ онъ.

«Чего же насъ держать, если мы хотимъ не разставаться съ Государемъ», сказалъ князь Долгорукій.

Начался оживленный разговоръ и всѣ мы обсуждали подробности переѣзда, жизни заграницей. Всѣ были увѣрены, что Царская Семья устроится въ Англіи и мы мечтали жить съ ними.

«Тяжело будетъ имъ всѣмъ разстаться съ Россіей. Государь, Императрица, всѣ дѣти, Наслѣдникъ, такъ привязаны къ родинѣ, къ своему Крыму, Царскому, къ Феодоровскому собору, ко всѣмъ обычаямъ русскимъ», замѣтилъ кто-то.

Разговоръ тянулся долго и мы разошлись уже поздно.

Вторникъ, 7-го Марта.

Въ Ставкѣ — Могилевъ.

Солдатская масса Ставки, спокойная въ первые часы революціи и совершенно не ожидавшая нагрянувшихъ событій, стала понемногу волноваться. Пріѣхали агитаторы, появились газеты, радостно сообщавшія о «безкровныхъ дняхъ» переворота, наконецъ ясный переходъ генерала Алексѣева на сторону временнаго правительства, все это сдѣлало то, что и войска Царской Ставки начали организовывать митинги и собранія, тѣмъ болѣе, что еврейскій Могилевъ, конечно, сталъ идти полнымъ ходомъ къ «свободѣ».

Утромъ стало извѣстно, что на базарѣ соберутся войска Ставки и будетъ какой-то митингъ. Генералъ Алексѣевъ, желая сдержать солдатъ, приказалъ, чтобы свои части сопровождали офицеры. На этомъ митингѣ должны были быть и роты собственнаго Его Величества желѣзнодорожнаго полка. Я сидѣлъ въ комнатѣ моего сосѣда барона Штакельберга и туда смущенный и растерянный пришелъ командиръ этого полка генералъ Цабель. Ему не хотѣлось быть на этомъ солдатскомъ митингѣ. Онъ не зналъ, какъ отнесутся къ нему солдаты, до сихъ поръ ведшіе себя очень хорошо и вполнѣ дисциплинированно. Полкъ этотъ былъ въ блестящемъ до переворота состояніи, въ рукахъ умнаго, толковаго командира и съ прекраснымъ составомъ офицеровъ. Къ тому же генералъ Цабель не зналъ надо ли быть въ погонахъ съ вензелями Государя, или ихъ надо снять, какъ этого хотѣлъ генералъ Алексѣевъ.

— «Не знаю какъ и быть», говорилъ Сергѣй Александровичъ Цабель, «пожалуй уже всѣ солдаты сняли вензеля и выйдетъ скандалъ, если придемъ съ «Н» на погонахъ. Надо снять». И онъ сталъ снимать вензеля съ пальто, но дѣло не ладилось и генералъ обратился къ стоявшему здѣсь же старому преображенцу, курьеру Михайлову:

«Михайловъ, помоги мнѣ, сними съ погонъ вензеля».

«Никакъ нѣтъ, не могу, увольте. Никогда это дѣлать не согласенъ, не дай Богъ и смотрѣть», и онъ потупившись отошелъ.

Вышло очень неловко и сцена эта произвела на всѣхъ крайне тягостное впечатлѣніе.

Генералъ Цабель замолчалъ, нахмурился и сталъ самъ ковырять что-то на погонахъ.

Но совершенно неожиданное вышло на самомъ митингѣ. Оказалось всѣ солдаты собственнаго Его Величества полка были въ вензеляхъ, кромѣ явившихся безъ вензелей командира полка генерала Цабеля и его адъютанта, поручика барона Нольде.

На улицахъ города стало болѣе людно. Появились кучки народа и что то оживленно толковали между собою. Невольно бросился въ глаза курьезный случай. Противъ дворца и садика обычно стоялъ городовой, котораго мы всѣ отлично знали. Это былъ уже пожилой, симпатичный солдатъ. И вотъ мы видимъ того же самаго городового, но безъ формы, а въ какомъ-то полушубкѣ. На нашъ вопросъ почему онъ безъ формы, онъ отвѣчалъ:

«Запретили, теперь, говорятъ, ты милиціонеръ и формы у тебя быть не можетъ».

Во всѣхъ учрежденіяхъ Ставки дѣла сразу остановились, всѣ суетились, чего то ждали. Говорили, что пріѣдетъ военный министръ Гучковъ, а пока появились новыя лица изъ Петрограда во главѣ съ молодымъ полковникомъ генеральнаго штаба княземъ Тумановымъ, который не обинуясь заявлялъ, что совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и солдатскіе комитеты необходимы и что они то и укрѣпятъ новый строй и внесутъ основы новой дисциплины. Помню какъ этому бойкому черноволосому маленькому армянскому человѣку отвѣтили:

«Запомните полковникъ начало Марта 1917 года, это тѣ дни, когда уничтожена была Русская армія»...

Полковникъ горячился, не соглашался, но мало кого убѣдилъ. Уже появился, слухъ, что однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ Гучкова является генералъ А. А. Поливановъ, котораго тоже ждутъ въ Могилевѣ послѣ отъѣзда Государя.

Вечеромъ ко мнѣ пришелъ Н. I. Ивановъ. Оказывается на вокзалѣ возникли безпорядки и ему пришлось оставить свой вагонъ, въ которомъ онъ постоянно жилъ, и переселиться въ одну изъ гостинницъ города. Николай Iудовичъ былъ очень печаленъ, разстроенъ и часто слезы навертывались у него на глазахъ, когда онъ говорилъ о происходящихъ событіяхъ. Онъ передалъ мнѣ, что по прибытіи

со своимъ отрядомъ въ Царское онъ явился къ Императрицѣ и доложилъ ей, что прибылъ для водворенія порядка въ столицѣ и принятія командованія надъ войсками по повелѣнію Государя. Ея Величество спокойно выслушала его, долго говорила съ нимъ, была хорошо освѣдомлена о состояніи столицы и Царскаго и высказала мысль, что генералу Иванову надо вернуться назадъ, ибо помочь дѣлу было уже поздно. Николай Іудовичъ недолго простоялъ въ Царскомъ со своимъ отрядомъ въ 800 человѣкъ и вернулся въ Могилевъ, кажется, одновременно съ прибытіемъ Государя изъ Пскова.

Когда генералъ Ивановъ сидѣлъ у меня, появилось извѣстіе отъ полевыхъ жандармовъ, находившихся у насъ на подъѣздѣ, что въ городѣ вечеромъ стали ходить толпы и одна изъ нихъ подошла къ гостинницѣ, гдѣ жилъ Николай Іудовичъ, и требовала, чтобы генералъ вышелъ къ ней. Слава Богу, что Николай Іудовичъ былъ у меня и этотъ инцидентъ обошелся благополучно.

Долго Николай Іудовичъ бесѣдовалъ со мной о томъ, что будетъ и я помню, что онъ опредѣленно высказывался: «все наше спасеніе въ скорѣйшемъ возстановленіи Царской власти въ Россіи; повѣрьте, чѣмъ дольше эта начавшаяся анархія продлится, тѣмъ труднѣе будетъ побороть развалъ. Я считаю, что Великій Князь Михаилъ Александровичъ не могъ не исполнить воли Государя и согласиться по уговору временнаго правительства отказаться отъ престола. А самое величайшее бѣдствіе — это отказъ Царя отъ царства. Алексѣева знаю хорошо, онъ вѣдь мой начальникъ штаба; Алексѣевъ человѣкъ съ малой волей и величайшее его преступленіе передъ Россіей — его участіе въ совершенномъ переворотѣ. Откажись Алексѣевъ осуществлять планы Государственной Думы-Родзянко, Гучкова и другихъ, я глубоко убѣжденъ, что побороть революцію было бы можно, тѣмъ болѣе, что войска на фронтахъ стояли и теперь стоятъ спокойно и никакихъ броженій не было. Да и Главнокомандующіе не могли и не рѣшились бы согласиться съ Думой безъ Алексѣева».

Этотъ разговоръ я записалъ немедленно по уходѣ Николая Іудовича. Ивановъ давно зналъ Алексѣева; въ первый годъ войны они вмѣстѣ работали на Южномъ фронтѣ. Всѣ побѣдоносныя наши операціи въ Галиціи въ 1914 году было дѣло генералъ-адъютанта Иванова и его начальника штаба Алексѣева.

Мнѣніе Николая Іудовича о виновности М. В. Алексѣева въ Мартовскомъ переворотѣ имѣетъ весьма серьезное значеніе.

Уже совсѣмъ поздно я узналъ, что завтра днемъ пріѣзжаютъ въ Могилевъ четыре члена Думы съ Бубликовымъ во главѣ для сопровожденія Государя отъ Могилева до Царскаго Села.

Почти всю ночь мы проговорили съ барономъ Штакельбергомъ, укладываясь, вспоминая нашу жизнь въ Ставкѣ и наши общія надежды на весну 1917 года, когда мы должны были быть свидѣтелями движенія нашей арміи впередъ и увидать наконецъ давно, давно подготовляемый и нынѣ ожидаемый успѣхъ.

Вечеромъ 7-го Марта Государь писалъ свой прощальный приказъ по войскамъ. Въ этомъ послѣднемъ словѣ русской арміи, а черезъ нее и всему народу, сказалась у Царя глубочайшая любовь и безграничная преданность Родинѣ. Только этими святыми чувствами можно объяснить и полное забвеніе собственныхъ интересовъ и рѣшимость отказаться отъ престола за Себя и Наслѣдника. Государю хотѣлось вѣрить, что разъ дѣло идетъ о судьбѣ родной страны, о ея будущемъ , разъ это требованіе всѣхъ начальниковъ Русской земли — надо жертвовать всѣмъ.

Послѣднее слово Государя.

Приказъ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго
8-го Марта 1917 года, № 371.

Отрекшійся отъ Престола Императоръ Николай II, передъ своимъ отъѣздомъ изъ района дѣйствующей арміи, обратился къ войскамъ со слѣдующимъ прощальнымъ словомъ:

«Въ послѣдній разъ обращаюсь къ Вамъ, горячо любимыя мною войска. Послѣ отреченія мною за себя и за сына моего отъ Престола Россійскаго, власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможетъ ему Богъ вести Россію по пути славы и благоденствія. Да поможетъ Богъ и Вамъ, доблестныя войска, отстоять нашу родину отъ злого врага. Въ продолженіи двухъ съ половиной лѣтъ Вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сдѣлано усилій и уже близокъ часъ. когда Россія

связанная со своими доблестными союзниками однимъ общимъ стремленіемъ къ побѣдѣ, сломитъ послѣднее усиліе противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной побѣды.

Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его — тотъ измѣнникъ Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воинъ такъ мыслитъ. Исполняйте же Вашъ долгъ, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь Вашихъ начальниковъ, помните, что всякое ослабленіе порядка службы только на руку врагу.

Твердо вѣрю, что не угасла въ Вашихъ сердцахъ безпредѣльная любовь къ нашей Великой Родинѣ. Да благословитъ Васъ Господь Богъ и да ведетъ Васъ къ побѣдѣ Святой Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій».

НИКОЛАЙ.

8-го Марта 1917 года.
Ставка.

Подписалъ: Начальникъ Штаба,
Генералъ Алексѣевъ.

Трудно встрѣтить болѣе благородное, болѣе сердечное и великое въ своей простотѣ прощальное слово Царя, который говоритъ только о счастьѣ своего, оставленнаго имъ, народа и благополучіи своей родины. Въ этомъ прощальномъ словѣ сказалась вся душа Государя и весь Его чистый образъ.

Но тѣ люди, которые по своему безумію и ради своихъ личныхъ интересовъ добивались переворота въ Россіи, боялись довести до народа это дивное обращеніе Русскаго Императора. Они страшились за себя и боялись взрыва народнаго негодованія за свои дѣянія.

Поразительныя по наглости и безцеремонности были распоряженія по поводу этого приказа со стороны Гучкова.

Немедленно послѣ того, какъ Государь подписалъ этотъ приказъ*), въ Ставкѣ была получена телеграмма отъ Гучкова, какъ

*) О чемъ генералъ Алексѣевъ по прямому проводу счелъ необходимымъ протелеграфировать въ Петроградъ.

Военнаго Министра, съ воспрещеніемъ распространять между солдатами этотъ приказъ и печатать его. Этому распоряженію подчинился сразу генералъ Алексѣевъ, не подчиненный вообще военному министру, и такимъ образомъ о существованіи прощальнаго слова Государя къ войскамъ не было извѣстно даже нѣкоторымъ командующимъ арміями.

И въ первые же дни «свободы слова» временное правительство запретило слово Верховнаго Главнокомандующаго Государя Императора въ моментъ оставленія Имъ добровольно русской арміи.

Въ величайшемъ секретѣ приказъ этотъ держался въ Ставкѣ и о немъ знали только нѣсколько лицъ. До Государя на другой день дошло извѣстіе о запрещеніи распубликовывать его прощальное слово войскамъ и Его Величество былъ глубоко опечаленъ и оскорбленъ этимъ непозволительнымъ распоряженіемъ. Каждый часъ и минута приносили Царю все новыя и новыя горести.

Среда, 8-го Марта.
Отъѣздъ Государя Императора изъ Ставки.

Утромъ въ среду 8-го Марта въ Ставкѣ было получено извѣстіе, что назначенный 2-го Марта Государемъ Императоромъ Верховный Главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ выѣхалъ изъ Тифлиса и прибудетъ въ Могилевъ послѣ 9-го Марта. Генералъ Алексѣевъ всѣ важные вопросы откладывалъ до вступленія въ командованіе новаго Верховнаго.

Штабъ и вся Ставка ждали съ нетерпѣніемъ прибытія Великаго Князя, который съ первыхъ дней войны сталъ вообще широко популяренъ по всей Россіи. Всѣмъ нравился видъ Николая Николаевича, его царственная наружность, высокій ростъ, стройная фигура и открытое, энергичное, красивое лицо. Народу нуженъ былъ національный герой, водитель русскихъ силъ противъ нѣмцевъ и онъ остановилъ свое сердечное влеченіе на Верховномъ, портреты котораго, въ то время, раскупались сотнями тысячъ. Народъ и общество стали создавать легенды о строгости Великаго Князя къ старшимъ начальникамъ и генераламъ и о любви къ простому солдату, сѣрому герою. Государственная Дума являлась поклонницей Верховнаго и очень цѣнила внимательное отношеніе къ ней со стороны Великаго Князя.

Въ арміи Николай Николаевичъ оставался всегда популяренъ

и смѣна его въ Августѣ 1915 года вызвала много неодобрительныхъ разговоровъ. Верховнаго войска цѣнили какъ хорошаго, справедливаго начальника, вѣрили въ его успѣхъ, въ его, такъ сказать, звѣзду и всѣмъ нравилась его нескрываемая ненависть къ Германіи и нѣмцамъ.

Въ самой Ставкѣ до сихъ поръ находились лица, вышедшія съ Великимъ Княземъ на войну, какъ напримѣръ дежурный генералъ П. К. Кондзеровскій, и привязавшіяся къ нему и полюбившія его.

Но, несмотря на все это всеобщее сочувствіе Николаю Николаевичу, сожалѣніе въ Ставкѣ объ отъѣздѣ Государя и о всѣхъ происшедшихъ событіяхъ въ Россіи было поголовное.

Все утро Среды до самаго переѣзда въ поѣздъ Его Величество прощался съ разными лицами, занимавшими болѣе замѣтныя мѣста. Тутъ сказалась рѣдкая черта въ Государѣ, черта глубочайшаго вниманія къ человѣку. Царь, прощаясь съ тѣмъ или инымъ лицомъ, всегда говорилъ ему то, что особенно было дорого этому лицу. Надо было подумать о человѣкѣ, вспомнить его интересы, чтобы прощальное слово упало на сердце тому, кто пришелъ послѣдній разъ взглянуть на своего Монарха. Одному Государь сказалъ: «Богъ дастъ Ваши дѣти будутъ счастливы, берегите ихъ»... другому: «Я надѣюсь, что Вы найдете утѣшеніе въ Вашей женѣ, кланяйтесь ей и передайте, что я прошу ее беречь Васъ», третьему: «Вамъ трудно будетъ теперь служить, всѣ эти новыя условія не по Васъ. Мнѣ такъ жаль оставлять Васъ и я такъ привыкъ цѣнить Вашу преданность и Вашу работу». Государь съ каждымъ цѣловался и такъ хорошо, добро смотрѣлъ на уходящаго отъ него, что никто не могъ оставить Его Величество безъ слезъ. Всѣ одинаково сознавали, что теряютъ не только Государя, но и человѣка рѣдкихъ душевныхъ качествъ: добраго, ласковаго, отзывчиваго, всегда вникавшаго въ ваше положеніе, человѣка широкаго ума, образованія и полнаго благородства.

Тяжелыя сцены приходилось постоянно наблюдать въ эти часы, когда кто либо выходилъ изъ кабинета Императора. Послѣ полудня Государь переѣхалъ въ поѣздъ своей Матушки и тамъ ожидалъ прибытія членовъ Думы въ Могилевъ для сопровожденія Его въ Царское.

Съ Государемъ должны были уѣхать изъ Ставки: генералъ-адъютантъ Ниловъ, генералъ князь Долгорукій, генералъ Нарышкинъ, лейбъ-хирургъ С. П. Федоровъ, генералъ Дубенскій, флигель-адъютантъ полковникъ герцогъ Н. Лейхтенбергскій, церемоніймейстеръ баронъ Штакельбергъ и служащіе въ канцеляріи министерства дво-

ра. Остальные: командиръ конвоя Его Величества графъ Граббе-Никитинъ, командиръ собственнаго Его Величества желѣзнодорожнаго полка генералъ Цабель и флигель-адьютантъ полковникъ Мордвиновъ оставались въ Ставкѣ.

Въ 3-мъ часу военная платформа стала наполняться провожающими Государя. Тутъ находились Великіе Князья Сергій и Александръ Михаиловичи, Борисъ Владиміровичъ и очень замѣтно выдѣлялась огромная фигура старика, принца Александра Петровича Ольденбургскаго съ краснымъ обвѣтреннымъ лицомъ, въ полушубкѣ; онъ стоялъ опираясь на палку. Весь высшій командный составъ Ставки былъ на лицо: генералы Алексѣевъ, Клембовскій, Лукомскій, Кондзеровскій, адмиралъ Русинъ и другіе генералы, офицеры и гражданскіе чины. Была и частная публика и простонародье, но такъ какъ неизвѣстенъ былъ часъ отъѣзда Государя, то сравнительно частной публики было немного — человѣкъ 150 не болѣе.

Стояла вѣтренная, холодная погода. Поѣздъ съ депутатами все не приходилъ и всѣ собравшіеся разбрелись по путямъ, находились около Государева поѣзда, въ который вносили багажъ и разныя вещи, подходили къ поѣзду Императрицы Маріи Федоровны, гдѣ пребывалъ Его Величество и тамъ протекали послѣднія минуты свиданія передъ тяжелой, неопредѣленной и страшной ихъ разлукой.

Генералъ Алексѣевъ все время распоряжался, говорилъ то съ тѣмъ, то съ другимъ и раза два входилъ въ вагонъ Императрицы къ Государю.

Какъ-то не ладились разговоры. Всѣ были молчаливы и коротко отвѣчали другъ другу. Всѣ понимали, что насталъ послѣдній моментъ разставанія и у всѣхъ сжималось сердце о судьбѣ Царя, о Россіи и о себѣ самомъ.

Около 4-хъ часовъ прибылъ поѣздъ съ депутатами Государственной Думы, съ Бубликовымъ во главѣ Они появились какъ-то неожиданно у Царскаго поѣзда и стали переговариваться съ генераломъ Алексѣевымъ. Это были люди опредѣленной окраски и, показалось мнѣ, непривѣтливыми, враждебно настроенными, только Бубликовъ чуть-чуть былъ по обходительнѣе. Всѣ эти депутаты принадлежали къ лѣвому крылу Государственной Думы; я не помню ихъ фамилій.

Сейчасъ по своемъ прибытіи Бубликовъ передалъ распоряженіе временнаго правительства о запрещеніи адмиралу Нилову слѣдовать съ Государемъ и приказаніе остаться въ Ставкѣ. «Что же» я аресто-

ванъ?», спросилъ мрачно Ниловъ. «Нѣтъ, но Вы должны остаться здѣсь» отвѣтилъ Бубликовъ.

Ниловъ гнѣвно отошелъ и я, стоявшій съ нимъ рядомъ, искренно ожидалъ, что адмиралъ какъ-либо оскорбитъ депутата.

Послѣ переговоровъ Бубликова съ генераломъ Алексѣевымъ оказалось, что Государь долженъ считать себя арестованнымъ и лишеннымъ уже свободы. Это распоряженіе произвело крайне тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ и вызвало большое волненіе и негодованіе среди свиты и нѣкоторыхъ другихъ лицъ Ставки.

«Какъ, почему, съ какой стати, какія основанія, неужели Алексѣевъ рѣшится передать это заявленіе Его Величеству», говорили многіе. Оказалось однако, что генералъ Алексѣевъ передалъ Государю: «Ваше Величество должны себя считать какъ бы арестованнымъ». Я не былъ при этомъ разговорѣ, но слышалъ, что Государь ничего не отвѣтилъ, поблѣднѣлъ и отвернулся отъ Алексѣева.

Государь былъ очень далекъ отъ мысли, что Онъ, согласившійся добровольно оставить Престолъ, можетъ быть арестованъ. Въ моментъ пріѣзда депутатовъ Думы для его сопровожденія, Онъ даже сказалъ гофмаршалу князю Долгорукому: «Всетаки надо ихъ пригласить къ обѣду». Князь Долгорукій немедленно передалъ Бубликову и его товарищамъ приглашеніе на обѣдъ къ Государю, но тѣ отказались. Князь Долгорукій былъ удивленъ и смущенъ этимъ недопустимымъ грубымъ отказомъ и дабы не волновать Государя доложилъ Его Величеству такъ: «Ихъ вагонъ не соединенъ переходомъ съ нашимъ поѣздомъ и потому они не могутъ придти». Государь ничего не отвѣтилъ.

Прошло еще минутъ 10-15. Мы всѣ напряженно стояли у вагоновъ при полной тишинѣ. Еще разъ прошелъ, почти пробѣжалъ, генералъ Алексѣевъ въ вагонъ Императрицы, пробылъ тамъ нѣсколько минутъ и вышелъ оттуда. Вслѣдъ за симъ отворилась вагонная дверь и Государь сталъ спускаться по ступенькамъ на рельсы. Тутъ плотнымъ кольцомъ окружили Его Величество провожавшіе. Государь шелъ очень тихо и протягивалъ руку подходившимъ къ нему лицамъ. Большинство со слезами цѣловали руки Царя. Я никогда не забуду глазъ Государя; они были неподвижны, стали свѣтлѣе, какъ-то расширены и тяжелъ безконечно былъ ихъ взглядъ. До Государева поѣзда было шаговъ 20-30 и Его Величество сейчасъ же дошелъ до своего вагона. Тутъ къ нему подошелъ адмиралъ Ниловъ и, схвативъ руку Государя, нѣсколько разъ ее поцѣловалъ. Его Величество крѣпко обнялъ своего флагъ-капитана и сказалъ:

«Какъ жаль Константинъ Дмитріевичъ, что Васъ не пускаютъ въ Царское со мною».

Затѣмъ Государь поднялся въ свой вагонъ и подошелъ къ окну, стараясь его протереть, такъ какъ оно было запотѣлое.

Императрица все это время стояла у окна своего вагона, крестила Его и платкомъ утирала слезы. Многіе изъ провожавшихъ, Великій Князь Александръ Михайловичъ, Принцъ Ольденбургскій, крестили Государя.

Наконецъ поѣздъ тронулся. Въ окнѣ вагона виднѣлось блѣдное лицо Императора съ его печальными глазами. Генералъ Алексѣевъ отдалъ честь Его Величеству.

Послѣдній вагонъ Царскаго поѣзда былъ съ думскими депутатами; когда онъ проходилъ мимо генерала Алексѣева, то тотъ снялъ шапку и низко поклонился. Помню этотъ поклонъ депутатамъ, которые увозили Царя «какъ бы арестованнымъ», тяжело легъ на сердцѣ и окончательно пошатнулъ мое мнѣніе объ Алексѣевѣ.

Начали разъѣзжаться по квартирамъ и мнѣ ясно стало: — въ Псковѣ была смерть Государя Императора, а здѣсь въ Могилевѣ похороны.

Одиноко, грустно, тяжело было возвратиться въ Могилевъ въ свои комнаты. Мы оставались съ Ниловымъ только двое въ Ставкѣ изъ тѣхъ, кто два съ половиной года находился при Государѣ, кто все время войны провелъ съ Его Величествомъ неразлучно. Долго мы бесѣдовали съ Константиномъ Дмитріевичемъ о предстоящей судьбѣ Государя и Его семьи. Какъ и многіе въ Ставкѣ мы полагали, что союзники Россіи оградятъ ихъ вѣрнаго друга Императора Николая II отъ опасныхъ явленій революціи и предоставятъ отказавшемуся отъ престола Русскому Царю возможность жить частнымъ человѣкомъ со своей семьей внѣ границъ бывшей своей Имперіи. Казалось, не было и не могло быть въ этомъ отношеніи сомнѣній и никто не предвидѣлъ тѣхъ ужасовъ, которые совершились съ Царской Семьей.

Къ глубочайшему сожалѣнію союзники не проявили особой заботы, настойчивости и желанія оградить бывшаго Русскаго Императора и Его Семью отъ злодѣйствъ бѣшеной русской революціи. Грядущая исторія вынесетъ свой безпристрастный приговоръ этому не только холодному, но мрачному поступку нашихъ «бывшихъ друзей и союзниковъ» и отмѣтитъ , что подобныхъ явленій не случалось въ всемірной исторіи до нашихъ дней. Грустно, но нельзя этого не сказать съ полнымъ горькимъ сознаніемъ и убѣжденіемъ.

Императрица Марія Федоровна отбыла въ Кіевъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда Государя. Къ глубокому сожалѣнію ни адмиралъ Ниловъ, ни я не имѣли возможности быть на станціи при отъѣздѣ Императрицы, такъ какъ намъ не удалось узнать время отъѣзда. Пожалуй это было лучше — тяжело было тревожить Ея Величество въ эти глубоко скорбные часы послѣ разставанія.

Четвергъ и Пятница, 9-10 Марта.

Сама Ставка послѣ отъѣзда Государя изъ Могилева во многомъ измѣнила свой видъ, тонъ и настроеніе. Весь командный составъ — въ ожиданіи пріѣзда Великаго Князя Николая Николаевича. Революціонное настроеніе отъ Петрограда расходится по всей Россіи, докатывается до Ставки и добирается до фронта. Революціонная агитація, новые дѣятели «временнаго правительства» продуктивно работаютъ въ своихъ цѣляхъ и вся надежда разумныхъ людей Ставки сосредоточена на новомъ Верховномъ Главнокомандующемъ, который можетъ еще своимъ именемъ, своей несомнѣнной популярностью, авторитетомъ сдержать развалъ въ войскахъ и тѣмъ предотвратить погибель Родины.

Однако уже начинали опасаться, что временное правительство Великаго Князя Николая Николаевича, какъ Романова, не допуститъ стать Верховнымъ Главнокомандующимъ.

9-го Марта утромъ я взялъ евангеліе и сталъ читать. Мнѣ бросился въ глаза стихъ (Іоаннъ, гл. 7, ст. 24): «*Не судите по наружности, но судите судомъ праведнымъ*». Какъ подходятъ эти святыя слова къ нашимъ событіямъ, къ тому, что совершилось съ Царемъ, котораго стали судить судомъ неправеднымъ. Сколько напраслины, клеветы давно падало на Его голову и на всю Семью. Поразительно то безуміе, которое охватило всѣхъ и та злоба, проповѣдуемая нынѣ «свободнымъ словомъ». Изъ газетъ, пришедшихъ сюда въ Ставку, бросается въ глаза ежедневная пасквиль, широкой рѣкой полившаяся на Царскую Семью и отвратительно сознавать, что временное правительство не имѣетъ даже внѣшняго такта запретить, по крайней мѣрѣ, ругательства надъ ними—бывшими Царемъ и Царицей. Лакейство и свободное нынѣ холопство восторженно твердитъ въ уличныхъ листкахъ и революціонныхъ газетахъ о выдуманныхъ преступленіяхъ Романовыхъ. Нѣтъ ни мыслей, ни сознанія достоинства, ни чести. Поразительны по своему недомыслію тѣ, кто ду-

маютъ, что до Марта этого года мы жили только ошибками и въ исторіи нашей нѣтъ и не было незыблемыхъ завѣтовъ народа, его вѣковыхъ привычекъ и несокрушимыхъ собенностей климата и пространства. Точно въ самомъ дѣлѣ это скороспѣлое временное правительство можетъ править великимъ государствомъ.

Высказывалось мнѣніе, что временное правительство проведетъ назначеніе Верховнымъ Алексѣева. Въ Ставкѣ уже начали появляться все больше и больше лицъ изъ Петрограда, приверженныхъ новому военно-морскому министру Гучкову и его сторонникамъ. На станціи въ эти дни уже стоялъ вагонъ генерала Поливанова, охраняемый юнкерами. Бывшій военный министръ прибылъ изъ Петрограда въ Ставку, дабы дать указанія о болѣе спокойномъ и гладкомъ проведеніи въ жизнь арміи новыхъ основаній ея строя, связанныхъ съ приказомъ № 1 и съ новосоздаваемыми солдатскими комитетами. Вмѣстѣ съ симъ тутъ же на вокзалѣ находилась группа офицеровъ Л. Гв. Преображенскаго полка — полковникъ Ознобишинъ, капитанъ, кажется, Старицкій, которые прибыли отъ полка къ Его Величеству, дабы заявить Государю, что полкъ не только глубоко преданъ Царю и скорбитъ объ Его отреченіи, но и готовъ исполнить все, что ему укажутъ. Эти доблестные и прекрасные офицеры перваго Петровскаго полка, къ сожалѣнію, прибыли въ Могилевъ уже по отбытіи Государя въ Царское Село и не могли дать утѣшенія Царю своими сердечными заявленіями о вѣрности полка. Я съ ними долго разговаривалъ и убѣдился изъ ихъ словъ, что Преображенцы охвачены не только грустью по поводу послѣднихъ событій, но они готовы были на самыя рѣшительныя мѣры, дабы помочь Государю. Преображенцы-солдаты также твердо держали себя и охотно грузились въ вагоны, когда первая гвардейская дивизія должна была идти въ Петроградъ въ концѣ Февраля для прекращенія безпорядковъ въ столицѣ. Потомъ, черезъ нѣсколько дней, распоряженіе о посылкѣ дивизіи было отмѣнено.*)

Въ штабѣ, въ столовой можно было видѣть иногда прибывшихъ изъ Петрограда офицеровъ, украшенныхъ красными бантами,

*) О готовности полка идти въ Петроградъ на усмиреніе народныхъ волненій я слышалъ потомъ въ маѣ 1917 года въ Москвѣ отъ командира Л. Гв. Преображенскаго полка генерала Дрентельна. Онъ говорилъ, что когда пришло распоряженіе, отмѣняющее эту экспедицію въ столицу, то нижніе чины выражали сожалѣніе. А. А. Дрентельнъ не сомнѣвался въ настроеніи людей и безусловной вѣрности Государю. Генералъ Дрентельнъ въ самомъ началѣ революціи ушелъ въ отставку.

которые однако они быстро снимали, такъ какъ никто въ Ставкѣ этой эмблемы революціи не надѣвалъ въ эти дни.

Адмиралъ Ниловъ жилъ рядомъ со мной, онъ переѣхалъ изъ дворца и помѣстился въ нашемъ домѣ. Домъ, гдѣ жилъ Государь, заперли; тамъ шелъ разборъ вещей и отправка нѣкотораго дворцоваго имущества въ Петроградъ. Странно и смѣшно было смотрѣть и сознавать какъ отъ насъ отняли бѣлье, посуду... Въ штабной столовой Ниловъ и я съ трудомъ находили себѣ мѣсто. Перемѣна въ отношеніяхъ къ намъ была значительная.

Начались уже собранія офицеровъ и какой-то военный чиновникъ читалъ лекціи объ основахъ всеобщаго голосованія (четыреххвосткѣ) необходимаго для учредительнаго собранія, а полковникъ генеральнаго шатаба Плющевскій-Плющикъ, одинъ изъ первыхъ предсѣдателей комитета офицерско-солдатскихъ депутатовъ, дѣлалъ всякія поясненія по этому вопросу.

Не помню точно, но кажется на второй день по отбытіи Государя въ Царское Село, т. е. должно быть 9-го Марта, состоялось приведеніе къ присягѣ Ставки Верховнаго Главнокомандующаго. Утромъ, часовъ около десяти, на площади Могилева передъ старой ратушей и зданіемъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ находилось, какъ я упоминалъ, управленіе генералъ-квартирмейстерской части и близъ дома, гдѣ жилъ Государь, собрали войска, все офицерство и весь генералитетъ Ставки. Духовенство въ зеленныхъ военныхъ ризахъ помѣстилось въ центрѣ шеренгъ солдатъ и группъ офицеровъ. Поставленъ аналой съ Св. Крестомъ и евангеліемъ. Среди присягавщихъ я замѣтилъ Великихъ Князей Бориса Владиміровича, Александра Михайловича, генераловъ Алексѣева, Кондзеровскаго, Борисова и многихъ другихъ. Сѣдой священникъ громко читалъ новосозданную присягу временному правительству взамѣнъ нашей старой, составленной Великимъ Петромъ, и вся площадь съ солдатами, офицерами и даже Великими Князьями, поднявши правыя руки, повторяла новыя во многомъ неясныя слова присяги и затѣмъ цѣловали Св. Крестъ и евангеліе.

Была оттепель. Шелъ мокрый снѣгъ. Настроеніе у всѣхъ было равнодушное, безразличное. Присяга закончилась быстро и ясно было, что соблюдали необходимую формальность и спѣшно разошлись по мѣстамъ.

Мы съ адмираломъ Ниловымъ стояли нѣсколько въ сторонѣ и наблюдали обрядъ присяги, не участвуя въ ней. Помню, что вмѣстѣ

съ нами находилось нѣсколько офицеровъ штаба, которые явились тоже, но только смотрѣли какъ присягали войска.

А такъ недавно на той же площади служились молебны по случаю полковыхъ праздниковъ конвоя Его Величества и другихъ частей въ Высочайшемъ присутствіи и Государь обходилъ войска, поздравлялъ людей и тѣ радостно и восторженно смотрѣли на него и гордились, что ихъ праздникъ посѣтилъ Царь.

Перемѣна событій невѣроятно быстрая, но худо вѣрилось, что уже не будетъ новыхъ явленій болѣе грозныхъ и неожиданныхъ и врядъ ли новая присяга русской арміи будетъ держаться также вѣрно, какъ Петровская клятва держалась болѣе 200 лѣтъ.

Кажется 10-го Марта поѣздъ Великаго Князя Николая Николаевича прибылъ въ Могилевъ. Съ нимъ прибыли Великій Князь Петръ Николаевичъ съ сыномъ Романомъ Петровичемъ, пасынокъ Николая Николаевича Герцогъ Лейхтенбергскій, князь В. Н. Орловъ, генералъ Крупенскій и нѣсколько адъютантовъ. Ихъ разсказы полны интереса. Весь путь отъ Тифлиса черезъ всю Россію былъ одинъ сплошной тріумфъ Великагó Князя Николая Николаевича. Тифлисъ разстался со своимъ намѣстникомъ сердечно и говорятъ неселеніе звало Великаго Князя обратно. По линіямъ желѣзныхъ дорогъ, по которымъ пролегалъ путь Великокняжескаго поѣзда, населеніе выходило всюду встрѣчать Верховнаго , и нерѣдко просило его не оставлять Россіи. Великій Князь, когда представлялась возможность, выходилъ на станціяхъ къ толпѣ и бесѣдовалъ съ народомъ. Гдѣ-то въ казачьихъ областяхъ казаки скакали за поѣздомъ и выражали восторгъ, что они видятъ Верховнаго. Народъ всюду уже зналъ, что Великій Князь ѣдетъ принимать командованіе русскими войсками для продолженія борьбы съ нѣмцами.

Во время этого разсказа о проѣздѣ Великаго Князя одинъ изъ молодыхъ офицеровъ, состоявшихъ при Его Высочествѣ, сказалъ: «Да пусть послѣ всего того, что намъ пришлось лично увидать о встрѣчѣ Верховнаго, будутъ говорить, что Николая Николаевича не хотѣла Россія. Всѣ мы, свидѣтели, скажемъ, что это клевета и ложь».

Въ Харьковѣ Великаго Князя ожидала не только сочувственная, но восторженная встрѣча народомъ. Николаю Николаевичу мѣстный совѣтъ рабочихъ депутатовъ поднесъ хлѣбъ-соль, привѣтствовалъ назначеніе его Верховнымъ Главнокомандующимъ и именовалъ въ рѣчахъ Его Императорскимъ Высочествомъ. Знаменательно, что Харьковскіе рабочіе убѣждали Великаго Князя не ѣхать въ

Могилевъ, гдѣ Его Высочеству не дадутъ вступить въ командованіе арміями, и совѣтъ депутатовъ указывалъ Верховному на необходимость прямо ѣхать къ войскамъ на фронтъ. Находившіеся въ Харьковѣ и тоже встрѣчавшіе, конечно отдѣльно отъ рабочихъ, Николая Николаевича генералъ-адъютантъ Ханъ Гуссейнъ-Нахичеванскій и князь Юсуповъ графъ Сумароковъ-Эльстонъ также убѣждали Великаго Князя не ѣхать въ Ставку, находящуюся всецѣло подъ давленіемъ временнаго правительства, которое опредѣленно стоитъ за устраненіе Николая Николаевича, какъ Романова, отъ командованія и противъ предоставленія ему власти. Великій Князь глубоко задумался, долго сидѣлъ одинъ, затѣмъ совѣтовался съ братомъ Петромъ Николаевичемъ, генераломъ Янушкевичемъ и другими лицами своей свиты и рѣшилъ въ концѣ концовъ не мѣнять маршрута и слѣдовать въ Могилевъ. Великій Князь не желалъ вносить разногласіе въ дѣйствія временнаго правительства и берегъ русскую кровь, которая неизбѣжно, по его мнѣнію, пролилась бы, еслибы онъ принялъ командованіе вопреки желанію лицъ новой власти.

Предсказанія рабочихъ Харькова оправдались. Великій Князь не могъ вступить въ командованіе, его поѣздъ сразу окружили часовыми, никто изъ свиты почти не выѣзжалъ въ городъ.

Кажется на второй день Великіе Князья Николай и Петръ Николаевичи и князь Романъ Петровичъ, Его Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій и пасынокъ Великаго Князя Николая Николаевича, Герцогъ Лейхтенбергскій и вся свита ихъ приняли присягу временному правительству въ вагонѣ поѣзда Его Высочества. Николай Николаевичъ очень нервно былъ настроенъ и его руки, подписывая присяжный листъ, тряслись. Приводилъ къ присягѣ священникъ ставки и присутствовалъ при этомъ, вмѣсто генерала Алексѣева, дежурный генералъ генералъ-лейтенантъ П. К. Кондзеровскій. Все это мнѣ передавали очевидцы присяги.

Въ Могилевѣ народныя массы, рабочіе радостно и радушно встрѣтили Великаго Князя. Цѣлая толпа подходила къ поѣзду Верховнаго и просила его взять командованіе въ свои руки.

Я лично и видѣлъ и слышалъ какъ населеніе Могилева симпатизировало Великому Князю Николаю Николаевичу.

Самое назначеніе Великаго Князя Верховнымъ Главнокомандующимъ и затѣмъ отношеніе Николая Николаевича къ послѣдующимъ событіямъ послѣ переворота, т. е. послѣ 2-го Марта мнѣ выясняются съ полной опредѣленностью изъ слѣдующихъ данныхъ,

сообщенныхъ мнѣ лицами, которыя были не только свидѣтелями событій, но и знали всѣ подробности отъ Его Высочества Намѣстника Кавказа.*) Вотъ какъ произошло назначеніе Николая Николаевича Верховнымъ и вотъ тѣ причины, почему Великій Князь оставилъ армію.

Послѣ полученія отъ Его Величества телеграммы о назначеніи Верховнымъ Главнокомандующимъ, Великій Князь немедленно рѣшилъ оставить Тифлисъ и направиться въ Ставку, въ Могилевъ. Въ это же время, т. е. въ первые дни Марта, доставлена была депеша Его Высочеству отъ генерала Алексѣева, въ которой начальникъ штаба Верховнаго сообщаетъ, что, учитывая создавшуюся обстановку всѣ главнокомандующіе и онъ самъ (генералъ Алексѣевъ) пришли къ убѣжденію въ необходимости для спасенія Россіи и побѣдоноснаго окончанія войны просить Государя Императора отречься отъ престола. Кромѣ того, въ виду изложенныхъ соображеній начальникъ штаба Верховнаго проситъ Великаго Князя присоединить свой голосъ къ остальнымъ голосамъ главнокомандующихъ въ обращеніи къ Его Величеству и въ свою очередь лично отъ себя телеграфировать объ оставленіи Престола Царемъ. Для Великаго Князя телеграмма генерала Алексѣева была совершенно неожиданна, такъ какъ на Кавказѣ симптомовъ крушенія государственной власти не было. Грозность обстановки, побудившая вѣроятно генерала Алексѣева телеграфировать Великому Князю, не дала возможности Его Высочеству успѣть провѣрить сообщенныя данныя и ему пришлось принять на вѣру всѣ эти извѣстія. На основаніи всѣхъ этихъ заявленій и событій Николай Николаевичъ присоединилъ свой голосъ къ голосамъ высщихъ представителей арміи и телеграфировалъ Государю.

Николай Николаевичъ, отправивъ указанную телеграмму, уже 4-го Марта отдалъ приказъ по войскамъ Кавказской арміи, въ которомъ онъ повелѣваетъ всѣмъ войсковымъ начальникамъ отъ старшаго до младшаго, что послѣ оповѣщенія двухъ актовъ (объ отреченіи Государя Императора Николая II и Великаго Князя Михаила Александровича) они должны спокойно ждать изъявленія воли народа и свято исполнять повелѣнія закона и по чести оберегать Родину отъ грознаго врага и своими подвигами поддержать нашихъ союзниковъ въ безпримѣрной борьбѣ.

---

*) Переданы генераломъ барономъ Стааль съ разрѣшенія Великаго Князя Николая Николаевича въ Римѣ въ маѣ 1920 года.

Въ это время Великій Князь обмѣнялся слѣдующими телеграммами съ главою правительства: 4-го Марта Николай Николаевичъ телеграфировалъ князю Львову о необходимости поддержки общаго порядка въ странѣ, что поддержитъ въ свою очередь порядокъ въ войскахъ. Черезъ день Его Высочество получилъ отъ князя Львова отвѣтъ, что Временное правительство вполнѣ увѣрено въ настроеніи арміи и что она дастъ побѣдоносный конецъ войнѣ. Вмѣстѣ съ симъ князь Львовъ спрашивалъ, когда Великій Князь будетъ въ Ставкѣ. На эту телеграмму Николай Николаевичъ отвѣтилъ, что будетъ на Ставкѣ 10-го Марта и радъ принять князя Львова.

Затѣмъ по прибытіи своемъ на Ставку въ Могилевъ Великій Князь Николай Николаевичъ немедленно вступилъ въ командованіе и, принявъ должность Верховнаго Главнокомандующаго, отдалъ о семъ приказъ, но онъ не былъ объявленъ, по крайней мѣрѣ ни самому Великому Князю, ни его свитѣ, не приходилось его встрѣчать. Мнѣ лично тоже не пришлось читать этотъ приказъ въ Ставкѣ, хотя я въ эти дни бывалъ постоянно въ штабѣ Верховнаго, ожидая распоряженій о себѣ и если бы приказъ былъ объявленъ нельзя было бы его пропустить, тѣмъ болѣе, что всѣ его ждали. Приходится отмѣтить, что «первый приказъ Верховнаго, Николая Николаевича», также какъ послѣдній приказъ «Верховнаго, Государя Императора», отъ 8-го Марта генералъ Алексѣевъ, по соглашенію съ временнымъ правительствомъ оповѣщать не рѣшился и русской арміи побоялись въ эти дни совершеннаго переворота передать прощальное слово Царя и вступительный приказъ Николая Николаевича.

11-го Марта Великій Князь получилъ письмо отъ Временнаго правительства, подписанное княземъ Львовымъ. Изъ этого письма видно, что оно должно было быть доставлено Николаю Николаевичу до прибытія Его Высочества въ Ставку. Въ этомъ документѣ сказано, что Временное правительство незадолго до отреченія Государя, обсудивъ народное мнѣніе, рѣшительно и настойчиво высказывающееся противъ Дома Романовыхъ, пришло къ заключенію, что оно не считаетъ себя въ правѣ оставаться безучастнымъ къ голосу народа и убѣждено, что Великій Князь во имя блага родины пойдетъ на встрѣчу требованіямъ положенія и сложитъ съ себя командованіе до прибытія въ Ставку.

На это письмо Великій Князь отвѣтилъ: «идя на встрѣчу высказаннымъ желаніямъ, чтобы я сложилъ съ себя Верховное командованіе во имя блага родины, я это дѣлаю и радъ, что могу вновь

высказать любовь къ родинѣ, въ чемъ Россія до сихъ поръ не сомнѣвалась, и поэтому отдаю приказъ о сдачѣ командованія генералу Алексѣеву, согласно Положенія о полевомъ управленіи войскъ».

Приводимыя мною высокаго и глубокаго историческаго значенія данныя, получены мною, какъ упомянуто выше, изъ несомнѣнныхъ источниковъ.*) Они ясно говорятъ, что «во имя блага родины» многострадальная родина наша ввергнута была въ революціонную смуту и анархію руководителями переворота, рискнувшими даже упоминать о «голосѣ народа», котораго никто не спрашивалъ и никто не слыхалъ.

Очень любопытно, что Временное правительство только въ самомъ концѣ Мая, т. е. почти черезъ три мѣсяца послѣ фактическаго ухода изъ арміи Великаго Князя, рѣшилось объявить объ отчисленіи отъ должности Верховнаго Николая Николаевича. Въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 27-го Мая 1917 года № 122 появился приказъ, помѣченный отъ 11-го Марта, въ которомъ говорится: Числящійся по гвардейской кавалеріи и состоящій по Уральскому и Кубанскому казачьимъ войскамъ, Верховный Главнокомандующій генералъ-отъ-кавалеріи Великій Князь Николай Николаевичъ отчисляется отъ должности вслѣдствіе его ходатайства объ освобожденіи отъ верховнаго командованія и освобождается отъ службы.

Въ этомъ приказѣ помѣщена неправда о «ходатайствѣ Его Высочества объ освобожденіи отъ верховнаго командованія». Такого ходатайства не было.

Сдача Великимъ Княземъ верховнаго командованія генералу Алексѣеву повергла всѣхъ въ полное уныніе и стало ясно, что революція теперь не остановится и скорая погибель арміи. а съ ней и Россіи, неизбѣжны. Ставка приэтомъ хорошо понимала, что генералъ Алексѣевъ Верховнымъ Главнокомандующимъ ни по своему характеру, ни по своимъ способностямъ, ни по системѣ своего труда, при которомъ онъ стремился одинаково внимательно разрѣшать и крупные и мелкіе вопросы, быть не можетъ.

Генералъ Алексѣевъ былъ цѣнный начальникъ штаба и не болѣе.

Приходится вновь отмѣтить, что разочарованіе въ эти моменты у всѣхъ было велико и горькое чувство сознанія грядущей гибели Родины охватывало все большее и большее число лицъ.

Отрекся Государь, принудили отказаться принять царство

---

*) Всѣ эти данныя получены мною 29 мая/11 іюня 1920 года въ Римѣ отъ генерала барона Стааля по приказанію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича.

Великаго Князя Михаила Александровича и не допустили стать Верховнымъ Великаго Князя Николая Николаевича. Романовы, которыхъ народъ поминалъ на эктеніяхъ, могуче жилъ съ ними 300 лѣтъ ушли, и трудно было допустить, что случайные дѣятели, выдвинутые революціей и толпой, смогутъ ихъ замѣнить и продолжать вести не только великую войну, но и перестраивать Россію на новый ладъ. Пропали всѣ надежды, стало нетерпимо тяжело. Генералъ Алексѣевъ не радовался своему назначенію Верховнымъ Главнокомандующимъ.

Великій Князь отбылъ въ Крымъ, гдѣ сталъ жить уединенно частнымъ человѣкомъ.

Черезъ нѣсколько дней генералъ Алексѣевъ, по моему ходатайству, разрѣшилъ мнѣ выѣхать изъ Ставки

Адмиралу Нилову разрѣшено было уѣхать изъ Ставки еще 11-го Марта. Константинъ Дмитріевичъ отправился въ Царское Село. Съ большой грустью разстался я съ этимъ прямымъ, честнымъ, глубоко преданнымъ Государю и Россіи человѣкомъ. За два съ половиной года, когда мы вмѣстѣ находились при Царѣ, я ни разу не замѣтилъ, чтобы К. Д. Ниловъ велъ себя не искренно. Положеніе его бывало нерѣдко весьма тяжелое, такъ какъ Императрица Александра Федоровна не благоволила къ нему и считала Нилова враждебно къ ней настроеннымъ, однако Константинъ Дмитріевичъ всегда прямо высказывалъ свои мнѣнія и былъ одинъ изъ тѣхъ, кто не только открыто, но и рѣзко отзывался о Распутинѣ; находя, что «старецъ» губитъ престижъ Царскаго Дома, онъ всегда убѣжденно говорилъ, что вѣра въ Распутина основана только на суевѣрномъ страхѣ Государыни къ нему. Ниловъ сердечно жалѣлъ Государя, понималъ какъ онъ одинокъ и какъ въ своемъ служеніи Россіи Царь никогда не преслѣдовалъ личныхъ и династическихъ интересовъ.

Д. Дубенскій.

Италія.

9-го Іюля 1920 года.

Телеграммы и разговоры по телеграфу между Псковомъ, Ставкою и Петроградомъ, относящіеся къ обстоятельствамъ, въ коихъ произошло отреченіе отъ престола Государя Императора, съ примѣчаніями къ нимъ генералъ-адъютанта Н. В. Рузскаго.

Настоящіе документы сообщены редакціи Н. П. Рузскимъ, въ копіи, полученной имъ отъ вдовы покойнаго генералъ-адъютанта Н. В. Рузскаго.

Значительная часть изъ нихъ была уже опубликована А. С. Лукомскимъ въ приложеніяхъ къ его воспоминаніямъ («Архивъ русской революціи» т. III). Текстъ документовъ тождественны, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, не имѣющихъ значенія, въ коихъ разница текста объясняется, очевидно, ошибками лицъ, снимавшихъ копіи.

Телеграммы за номерами: 18, 26, 32, 33, 41 и 42 написаны были Государемъ Императоромъ собственноручно.

№ 1. Телеграмма. 27 февраля 1917 г. Главнокомандующему Сѣвернаго фронта генералъ-адъютанту Рузскому.

Волненія, начавшіяся въ Петроградѣ, принимаютъ стихійный характеръ и угрожающіе размѣры. Основы ихъ-недостатокъ печенаго хлѣба и слабый подвозъ муки, внушающій панику, но главнымъ образомъ полное недовѣріе къ власти, неспособной вывести изъ тяжелаго положенія.

На этой почвѣ несомнѣнно разовьются событія, сдержать которыя можно временно цѣною пролитія крови мирныхъ гражданъ, но которыхъ, при повтореніи, сдержать будетъ невозможно. Движеніе можетъ переброситься на желѣзныя дороги и жизнь страны замретъ, въ самую тяжелую минуту. Заводы, работающіе на оборону въ Петроградѣ, останавливаются за недостаткомъ топлива и сырого матеріала, рабочіе остаются безъ дѣла, и голодная безработная толпа вступаетъ на путь анархіи стихійной и неудержимой. Желѣзнодорожное сообщеніе по всей Россіи въ полномъ разстройствѣ. На Югѣ изъ 63 доменныхъ печей работаютъ только 28, въ виду отсутствія подвоза топлива и необходимаго матеріала. На Уралѣ изъ 92 доменныхъ печей остановили 44, и производство чугуна, уменьшаясь изо дня въ день, грозитъ крупнымъ сокращеніемъ снарядовъ. Населеніе, опасаясь неумѣлыхъ распоряженій властей, не везетъ зерновыхъ продуктовъ на рынокъ, останавливая этимъ мельницы, и угроза недостатка муки встаетъ во весь ростъ передъ арміей и населеніемъ. Правительственная власть находится въ полномъ параличѣ и совершенно безсильна востановить нарушенный порядокъ. Россіи грозитъ униженіе и позоръ, ибо война при такихъ условіяхъ не можетъ быть побѣдоносно окончена. Считаю необходимымъ, единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія безотлагательное призваніе лица, которому можетъ вѣрить вся страна и которому будетъ поручено составить правительство, пользующееся довѣріемъ всего населенія. За такимъ правительствомъ пойдетъ вся Россія, одушевившись вновь вѣрою въ себя и въ своихъ руководителей. Въ этотъ небывалый по ужасающимъ послѣдствіямъ и страшный часъ иного выхода на свѣтлый путь нѣтъ, и я ходатайствую предъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ поддержать это мое глубокое убѣжденіе передъ Его Величествомъ, дабы предотвратить возможную катастрофу. Медлить больше нельзя, промедленіе смерти подобно.

Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко.

Замѣчаніе генерала Рузскаго:

Очень жаль, что съ 24 по 27 не удосужились сообщить о томъ, что дѣлается въ Петроградѣ. Надо думать, что и до 24 были признаки нарождавшагося недовольства, грозящаго волненіями, а также и объ агитаціи среди рабочихъ и гарнизона Петрограда. Объ этомъ тоже не потрудились, можетъ быть и съ цѣлью, сообщить на фронтъ.

Н. Рузскій. *Псковъ.*

№ 2. Телеграмма. 27 Февраля 1917 г. Ставка. Его Императорскому Величеству Государю Императору.

Почитаю долгомъ представить на благовоззрѣніе Вашего Величества полученную мною отъ предсѣдателя Государственной Думы телеграмму, указывающую на грозное положеніе въ столицѣ и внутри государства, вызывающее тревогу за судьбы родины. Хотя армія остается проникнутой сознаніемъ долга и желаніемъ довести войну до побѣднаго конца, тѣмъ не менѣе на ней непосредственно начинаютъ отражаться послѣдствія продовольственной и желѣзнодорожной неурядицы, а доходящія на фронтъ свѣдѣнія о тяжеломъ кризисѣ, переживаемомъ населеніемъ, и о волненіяхъ въ Петроградѣ могутъ въ будущемъ создать условія весьма неблагопріятныя. Нынѣ армія заключаетъ въ своихъ рядахъ представителей всѣхъ классовъ, профессій и убѣжденій, почему она не можетъ не отразить въ себѣ настроеніе страны. Поэтому дерзаю всеподданѣйше доложить Вашему Величеству о крайней необходимости принять срочныя мѣры, которыя могли бы успокоить населеніе, вселить въ него довѣріе и бодрость духа, вѣру въ себя и въ свое будущее. Эти мѣры, принятыя теперь, наканунѣ предстоящаго оживленія боевой дѣятельности на фронтѣ, вольютъ новыя силы въ армію и народъ для проявленія дальнѣйшаго упорства въ борьбѣ съ врагомъ; позволяю себѣ думать, что при существующихъ условіяхъ мѣры репрессіи могутъ скорѣе обострить положеніе, чѣмъ дать необходимое длительное удовлетвореніе.

Генералъ-Адъютантъ Рузскій.

№ 3. Телеграмма. 27 Февраля 1917 г. Ставка. Наштаверхъ. Копія Главкосѣвъ.

Положеніе въ Петроградѣ становится весьма серьезнымъ: военный мятежъ немногими оставшимися вѣрными долгу частями погасить пока не удается;напротивъ того,многія части постепенно присоединяются мятежникамъ. Начались пожары, бороться съ коими нѣтъ средствъ. Необходимо спѣшное прибытіе дѣйствительно надежныхъ частей, при томъ въ достаточномъ количествѣ для одновременныхъ дѣйствій въ различныхъ частяхъ города. *197.*

Военный Министръ Бѣляевъ.

№ 4. Запись съ ленты прямого провода: разговоръ Начальника

штаба Верховнаго Главнокомандующаго съ начальникомъ штаба Сѣвернаго фронта. 27-го Февраля, 21 часъ.

У аппарата Начальникъ штаба. Доложите объ этомъ ген. Данилову.

У аппарата ген. Даниловъ.

Здравствуйте Юрій Никифоровичъ. Ссылаюсь на телеграмму Главкосѣву Военнаго Министра отъ сегодняшняго числа № 197.

Государь Императоръ повелѣлъ: Генералъ-Адьютанта Иванова назначить Главнокомандующимъ Петроградскимъ военнымъ округомъ. Въ его распоряженіе, съ возможной поспѣшностью, отправить отъ войскъ Сѣвернаго фронта въ Петроградъ два кавалерійскихъ полка, по возможности изъ находящейся въ резервѣ 15 дивизіи, два пѣхотныхъ полка изъ самыхъ прочныхъ, надежныхъ, одну пулеметную команду Кольта для Георгіевскаго батальона, который ѣдетъ изъ Ставки. Нужно назначить прочныхъ генераловъ, такъ какъ повидимому ген. Хабаловъ растерялся, и въ распоряженіе ген. Иванова нужно дать надежныхъ, распорядительныхъ и смѣлыхъ помощниковъ. Войска нужно отправить съ ограниченнымъ обозомъ и организовать подвозъ хлѣба и припасовъ распоряженіемъ фронта, такъ какъ трудно сказать, что творится сейчасъ въ Петроградѣ, и возможно ли тамъ обезпечить войска заботами мѣстнаго гарнизона.Обстоятельства требуютъ скораго прибытія войскъ, поэтому прошу очень соотвѣтствующихъ распоряженій и сообщить мнѣ, какіе полки будутъ назначены, для увѣдомленія ген. Иванова, отъ котораго, быть можетъ, послѣдуютъ распоряженія, особенно для головныхъ частей прибывающихъ къ Петрограду, ранѣе самаго ген. Иванова, который ускоренно отправляется 28 Февраля съ Георгіевскимъ батальономъ. Такой же силы нарядъ послѣдуетъ съ Западнаго фронта, о чемъ иду говорить съ ген. Квѣцинскимъ. Минута грозная и нужно все для ускоренія прибытія прочныхъ войскъ. Въ этомъ заключается вопросъ нашего дальнѣйшаго будущаго. До свиданія.

Алексѣевъ.

Могу ли предложить одинъ вопросъ.

Даниловъ.

Если непродолжительный, то слушаю.

Сколько слѣдуетъ послать генераловъ, въ качествѣ помощниковъ ген. Иванова. Такъ какъ я понялъ, что во главѣ каждой бригады пѣхотной и кавалерійской нужно имѣть по одному генералу, то должны ли быть отправлены бригадные командиры дивизій, или же генералы мог-

ли бы быть посланы отъ другихъ частей: тогда былъ бы шире выборъ и можно было бы отправить особо смѣлыхъ и рѣшительныхъ.

Даниловъ.

Конечно, было бы лучше, еслибы оба генерала имѣли подъ командою свои полки, хорошо имъ извѣстные и на которые они могли бы имѣть нравственное вліяніе, но рѣшеніе этого вопроса я предоставляю Вамъ въ зависимости отъ того, кто командуетъ тѣми бригадами, которыя отправляются въ Петроградъ. Ничего не имѣю, если поѣдутъ начальники дивизій, такъ какъ имъ придется подчинить тѣ запасныя части Петроградскаго гарнизона,которыя остаются вѣрными своему долгу.

Алексѣевъ.

Слушаю, понялъ и будетъ исполнено. Желаю всего хорошаго. *Даниловъ.*

До свиданія, будьте здоровы.

Алексѣевъ.

№ 5. Телеграмма. 28 Февраля 1917 г. Генерала Алексѣева на имя Главнокомандующихъ фронтами.

Сообщаю для оріентировки: 26-го въ 13 часовъ 40 мин. получена телеграмма ген. Хабалова о томъ, что 25 Февраля толпы рабочихъ, собиравшіяся въ различныхъ частяхъ города, были неоднократно разгоняемы полиціей и воинскими частями. Около 17 часовъ у Гостиннаго двора демонстранты запѣли революціонныя пѣсни и выкинули красные флаги. На предупрежденіе, что противъ нихъ будетъ примѣнено оружіе, изъ толпы раздалось нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, и былъ раненъ одинъ рядовой. Взводъ драгунъ спѣшился и открылъ огонь по толпѣ, причемъ убито трое и ранено десять человѣкъ. Толпа мгновенно разсѣялась. Около 18 часовъ въ нарядъ конныхъ жандармовъ была брошена граната, которой раненъ одинъ жандармъ и лошадь. 25 Февраля бастовало двѣсти сорокъ тысячъ рабочихъ. Генераломъ Хабаловымъ было объявлено о воспрещеніи скопленія народа на улицахъ и подтверждено, что всякое проявленіе безпорядка будетъ подавлено силою оружія. По донесенію ген. Хабалова съ утра 26 Февраля въ городѣ спокойно. Отъ предсѣдателя Государственной Думы Родзянко получена 26 въ 22 часа телеграмма, сообщавшая, что волненія,начавшіяся въ Петроградѣ, принимаютъ стихійный характеръ и угрожающіе

размѣры и что начало безпорядковъ имѣло въ основанiи недостатокъ печенаго хлѣба и слабый подвозъ муки, внушающiй панику. 27 Военный Министръ всеподданѣйше доноситъ, что начавшiяся съ утра въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ волненiя, твердо и энергично подавляются оставшимися вѣрными своему долгу ротами и батальонами. Бунтъ еще не подавленъ, но Военный Министръ выражаетъ увѣренность въ скоромъ наступленiи спокойствiя, для достиженiя коего принимаются бзпощадныя мѣры.

Предсѣдатель Государственной Думы 27, около полудня, сообщаетъ, что начался военный бунтъ, что войска становятся на сторону населенiя и убиваютъ своихъ офицеровъ.

Ген. Хабаловъ 27, около полудня, всеподданѣйше доноситъ, что одна рота запаснаго батальона Павловскаго полка 26 Февраля заявила, что не будетъ стрѣлять въ народъ. Командиръ батальона этого полка раненъ изъ толпы. 27 Февраля учебная команда Волынскаго полка отказалась выходить противъ бунтовщиковъ и начальникъ ея застрѣлился. Затѣмъ эта команда, съ ротой того же полка, направилась въ расположенiе другихъ запасныхъ батальоновъ и къ нимъ начали присоединяться люди этихъ частей. Ген. Хабаловъ проситъ о присылкѣ надежныхъ частей съ фронта. Военный Министръ къ вечеру 27 Февраля сообщаетъ, что баттарея вызванная изъ Петергофа, отказалась грузиться па поѣздъ для слѣдованiя въ Петроградъ. 27 Февраля, между 21 часомъ и 22, дано указанiе Главнокомандующимъ Сѣвернаго и Западнаго фронтовъ отправить въ Петроградъ съ каждаго фронта по два кавалерiйскихъ и по два пѣхотныхъ полка съ энергичными генералами во главѣ бригадъ и по одной пулеметной командѣ Кольта для Георгiевскаго батальона, который приказано направить 28 Февраля въ Петроградъ изъ Ставки.

По Высочайшему повелѣнiю Главнокомандующимъ Петроградскимъ военнымъ округомъ съ чрезвычайными полномочiями и подчиненiемъ ему всѣхъ Министровъ назначенъ генералъ-адъютантъ Ивановъ.

27, около 24 часовъ, мною сообщено Главкосѣвъ, Главкоюзъ, и Поглавкорумъ о необходимости немедленно подготовить мѣры къ тому чтобы обезпечить во что бы то ни стало работу желѣзныхъ дорогъ.

27, послѣ 19 часовъ, Военный Министръ сообщаетъ, что положенiе въ Петроградѣ становится весьма серьезнымъ. Военный мятежъ немногими оставшимися вѣрными долгу частями погасить не удается, и войсковыя части постепенно присоединяются къ мятежникамъ. Начались пожары. Петроградъ объявленъ въ осадномъ положенiи. 28, въ два часа, послана телеграмма отъ меня Главкосѣвъ и Главкозапъ о направ-

ленiи въ Петроградъ, сверхъ уже назначенныхъ войскъ, еще по одной пѣшей и конной баттареѣ отъ каждаго фронта.

28 Февраля въ три часа мною послана телеграмма командующему войсками Московскаго военнаго округа о принятiи необходимыхъ предупредительныхъ мѣръ на случай, если безпорядки перекинутся въ Москву, и объ обезпеченiи работы желѣзнодорожнаго узла и прилива продовольствiя.

28 Февраля въ часъ отъ ген. Хабалова получена телеграмма на Высочайшее Имя, что онъ возстановить порядка въ столицѣ не могъ. Большинство частей измѣнили своему долгу и многiя перешли на сторону мятежниковъ. Войска, оставшiяся вѣрными долгу послѣ борьбы въ продолженiи всего дня, понесли большiя потери. Къ вечеру мятежники овладѣли большею частью столицы и оставшiяся вѣрными присягѣ небольшiя части разныхъ полковъ стянуты у Зимняго Дворца.

28 Февраля, въ два часа, Военный Министръ сообщаетъ, что мятежники заняли Марiинскiй Дворецъ и тамъ находятся члены революцiоннаго правительства. 28 Февраля, въ 8 часовъ 25 минутъ, ген. Хабаловъ доноситъ, что число оставшихся вѣрными долгу уменьшилось до шестисотъ человѣкъ пѣхоты и до пятисотъ всадниковъ, при пятнадцати пулеметахъ и двѣнадцати орудiяхъ, имѣющихъ всего восемьдесятъ патроновъ и что положенiе до чрезвычайности трудное.

Головной эшелонъ пѣхотнаго полка, отправляемый съ Сѣвернаго фронта, подойдетъ къ Петрограду примѣрно къ утру 1-го Марта.

Государь Императоръ въ ночь съ 27 на 28 Февраля изволилъ отбыть въ Царское Село. По частнымъ свѣдѣнiямъ,революцiонное правительство вступило въ управленiе Петроградомъ, объявивъ въ своемъ манифестѣ переходъ на его сторону четырехъ гвардейскихъ запасныхъ полковъ, о занятiи арсенала, Петропавловской крѣпости, главнаго Артиллерiйскаго управленiя.

Только что получена телеграмма Военнаго Министра, что мятежники завладѣли во всѣхъ частяхъ города важнѣйшими учрежденiями. Войска, подъ влiянiемъ утомленiя и пропаганды.бросаютъ оружiе, переходятъ на сторону мятежниковъ или становятся нейтральными. Все время на улицахъ идетъ безпорядочная стрѣльба, всякое движенiе прекращено, появляющихся офицеровъ и нижнихъ чиновъ на улицахъ разоружаютъ.

Министры всѣ цѣлы, но работа министерствъ, повидимому прекратилась.

По частнымъ свѣдѣнiямъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта Щегловитовъ арестованъ. Въ Государственной Думѣ образованъ со-

вѣтъ лидеровъ партій для сношенія революціоннаго правительства съ учрежденіями и лицами; назначены дополнительные выборы (въ Петроградскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ) отъ рабочихъ и мятежныхъ войскъ.

Только что получена отъ ген. Хабалова телеграмма, изъ которой видно, что фактически влiять на событія онъ больше не можетъ. Сообщая объ этомъ, прибавляю, что на всѣхъ насъ легъ священный долгъ передъ Государемъ и Родиной сохранить вѣрность долгу и присягѣ въ войскахъ дѣйствующихъ армій, обезпечить желѣзнодорожное движеніе и приливъ продовольственныхъ запасовъ. 28 Февраля 1917 г.

1813 Алексѣевъ.

№ 6. Телеграмма. По всей сѣти всѣмъ начальствующимъ. Военная.

По порученію Комитета Государственной Думы сего числа занялъ Министерство Путей Сообщенія и объявляю слѣдующій приказъ председателя Государственной Думы:

«Желѣзнодорожники! Старая власть, создавшая разруху всѣхъ отраслей государственнаго управленія, оказалась безсильной. Государственная Дума взяла въ свои руки созданіе новой власти. Обращаюсь къ Вамъ отъ имени отечества: отъ Васъ зависитъ теперь спасеніе родины; она ждетъ отъ Васъ больше чѣмъ исполненія долга, она ждетъ подвига. Движеніе поѣздовъ должно производиться непрерывно, съ удвоенной энергіей. Слабость и недостаточность техники на русской сѣти должны быть покрыты Вашей беззавѣтной энергіей, любовью къ родинѣ и сознаніемъ важности транспорта для войны и благоустройства тыла.

Председатель Государственной Думы Родзянко. 28 Февраля 1917 года».

Членъ Вашей семьи твердо вѣрю, что Вы сумѣете отвѣтить на этотъ призывъ и оправдать надежды на Васъ нашей родины. Всѣ служащіе должны остаться на своемъ посту.

Членъ Государственной Думы Бубликовъ.
28 Февраля 1917 года 13 час. 50 мин.

№ 7. Телеграмма. Главкосѣвъ, Главкозапъ, Главкорумъ, Тифлисъ генералу Янушкевичу.

Копія телеграммы ген. Алексѣева генералъ-адъютанту Иванову Царское Село.

Частныя свѣдѣнія говорятъ, что 28 Февраля Петроградѣ наступило полное спокойствіе, войска примкнули Временному Правительству полномъ составѣ, приводятся въ порядокъ. Временное Правительство подъ предсѣдательствомъ Родзянко засѣдаетъ въ Государственной Думѣ, пригласило командировъ воинскихъ частей для полученія приказаній по поддержанію порядка. Воззваніе къ населенію, выпущенное Временнымъ Правительствомъ, говоритъ о необходимости монархическаго начала Россіи и необходимости новыхъ выборовъ для выбора и назначенія правительства. Ждутъ съ нетерпѣніемъ пріѣзда Его Величества, чтобы представить Ему все изложенное и просьбу принять эти пожеланія народа. Если эти свѣдѣнія вѣрны, то измѣняются способы вашихъ дѣйствій: переговоры приведутъ умиротворенію, дабы избѣжать позорной междусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учрежденія, заводы и пустить въ ходъ работу.

Воззваніе новаго Министра Путей Бубликова къ желѣзнодорожникамъ, мною полученное кружнымъ путемъ, зоветъ къ усиленной работѣ всѣхъ, дабы наладить разстроенный транспортъ. Доложите Его Величеству все это и убѣжденіе, что дѣло можно привести мирно къ хорошему концу, который укрѣпитъ Россію.

28 Февраля 1917 г. 1833. Алексѣевъ.
1846. Клембовскій.

№ 8. Телеграмма. Главнокомандующему Сѣвернаго фронта.

Временный комитетъ членовъ Государственной Думы сообщаетъ Вашему Высокопревосходительству, что въ виду устраненія отъ управленія всего состава бывшаго Совѣта Министровъ, правительственная власть перешла въ настоящее время къ Временному комитету Государственной Думы.

Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко. 1 Марта 1917 г.

№ 9. Телеграмма. В. Срочная. Подана 1 Марта 13 часовъ 05 мин. Изъ Старой Руссы. Псковъ. Генералъ-адъютанту Рузскому.

Его Величество слѣдуетъ черезъ Дно въ Псковъ. Прошу распоряженія о безпрепятственномъ проѣздѣ. 95.

Дворцовый Комендантъ Воейковъ.

№ 10. Телеграмма. Петроградскаго телеграфнаго агенства Псковъ. Военный Вѣстникъ. 1 Марта 1917 г. 303.

Петроградъ. Отъ Временнаго комитета Государственной Думы: Временный комитетъ членовъ Государственной Думы при тяжелыхъ условіяхъ внутренней разрухи, вызванной мѣрами стараго правительства, нашелъ себя вынужденнымъ взять въ свои руки возстановленіе государственнаго и общественнаго порядка. Сознавая всю отвѣтственность принятаго имъ рѣшенія, комитетъ выражаетъ увѣренность, что населеніе и армія помогутъ ему въ трудной задачѣ созданія новаго правительства, соотвѣтствующаго желаніямъ населенія и могущаго пользоваться его довѣріемъ.

Предсѣдатель Государственной Думы Михаилъ Родзянко.

Подписано 27 Февраля 1917 года. Печается по распоряженію Временнаго комитета Государственной Думы.

Временное завѣдываніе Петроградскимъ телеграфнымъ агенствомъ, по порученію Временнаго комитета Государственной Думы, возложено на члена Государственной Думы Гронскаго.

№ 11. Телеграмма. Петроградскаго телеграфнаго агентства въ Псковъ 1 Марта 1917

Военный Вѣстникъ 1 Марта 1917 г. 3041. Петроградъ

27 Февраля ровно въ полночь окончательно организовался Исполнительный комитетъ Государственной Думы слѣдующаго состава: Родзянко, Керенскій, Чхеидзе, Шульгинъ, Милюковъ. Карауловъ, Коноваловъ, Дмитрюковъ, Ржевскій, Шидловскій, Некрасовъ, Львовъ.

№ 12. Телеграмма. Ставка. Генералъ-Квартирмейстеру.

Въ виду ожидающагося черезъ два часа прослѣдованія черезъ Псковъ поѣзда Литера А. Главкосѣвъ проситъ оріентировать его срочно, для возможности соотвѣтствующаго доклада, откуда у Наштаверха свѣдѣнія заключающіяся телеграммѣ 1833. 1 Марта 1917 г. 15 часовъ 45 минутъ.

1193. Даниловъ.

№ 13.Телеграмма. Псковъ. Начальнику штаба Сѣвернаго фронта.

По приказанія Наштаверха передаю для доклада Главкосѣву съ просьбою ген. адъют. Алексѣева доложить Государю.

Первое — въ Кронштадтѣ безпорядки. Части ходятъ по улицамъ съ музыкой. Вице-адмиралъ Курошъ доноситъ, что принять мѣры къ усмирѣнію съ тѣмъ составомъ, который имѣется въ гарнизонѣ, онъ не находитъ возможнымъ, такъ какъ не можетъ ручаться ни за одну часть.

Второе — ген. Мрозовскій сообщаетъ, что Москва охвачена возстаніемъ и войска переходятъ на сторону мятежниковъ.

Третье — адмиралъ Непенинъ доноситъ, что онъ не призналъ возможнымъ протестовать противъ призыва Временнаго Комитета Государственной Думы и такимъ образомъ Балтійскій Флотъ призналъ Временный Комитетъ. Свѣдѣнія, заключавшіяся въ телеграммѣ 1833, получены изъ Петрограда различныхъ источниковъ и считаются достовѣрными.

Если будетъ хоть малѣйшее сомнѣніе, что литерные поѣзда могутъ не дойти до Пскова, надлежитъ принять всѣ мѣры для доставленія доклада по принадлежности, пославъ хотя бы съ экстреннымъ поѣздомъ съ надежнымъ офицеромъ и командой нижнихъ чиновъ для исправленія пути, если бы это имѣло мѣсто.

Ген. Алексѣевъ нездоровъ и прилегъ отдохнуть, почему я и подписываю эту телеграмму. *Лукомскій.*

1848. под. 1 Марта 1917 г. 17 час. 15 мин.

№ 14. Запись съ ленты прямого провода. Разговоръ Помощника начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго съ генераломъ-квартирмейстеромъ штаба Сѣвернаго фронта.

Здѣсь у аппарата ген. Болдыревъ.

У аппарата ген. Клембовскій.

Наштаверхъ и Великій князь Сергѣй Михаиловичъ просятъ Главнокомандующаго всеподданѣйше доложить Его Величеству о безусловной необходимости принятія тѣхъ мѣръ, которыя указаны въ телеграммѣ ген. Алексѣева Его Величеству, такъ какъ имъ это представляется единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія.

Такъ какъ и Главнокомандующій, повидимому, держится тѣхъ же взглядовъ, какъ и Наштаверхъ, то исполненіе просьбы ихъ не представитъ затрудненій для него, и, быть можетъ, закончится успѣшно.

Великій князь Сергѣй Михаиловичъ съ своей стороны полагаетъ что наиболѣе подходящимъ лицомъ былъ бы Родзянко, пользующійся довѣріемъ.

Передайте пожалуйста все это на вокзалъ Главнокомандующему по возможности безотлагательно до прихода поѣзда.

Клембовскій.

Здравія желаю Ваше Высокопревосходительство. Приказаніе Ваше будетъ точно и беззамедлительно исполнено. Поѣздъ Его Величества пока еще не прибылъ. Не будутъ ли еще какія либо указанія съ Вашей стороны.

Болдыревъ.

Могу лишь прибавить одно — время не терпитъ, есть много вопросовъ, которые надлежитъ разрѣшить, между тѣмъ обращаться не къ кому. До свиданія.

Клембовскій.

Честь имѣю кланяться.

Болдыревъ.

1 Марта 1917 г. 17 час. 45 мин.

№ 15. Телеграмма. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ Псковъ.

Ежеминутно растущая опасность распространенія анархіи во всей странѣ, дальнѣйшаго разложенія арміи и невозможности продолженія войны при создавшейся обстановкѣ настоятельно требуютъ изданія Высочайшаго акта, могущаго еще успокоить умы, что возможно только путемъ признанія отвѣтственнаго Министерства и порученія составленія его Предсѣдателю Государственной Думы.

Поступающія свѣдѣнія даютъ основаніе надѣяться на то, что Думскіе дѣятели, руководимые Родзянко, еще могутъ остановить всеобщій развалъ и что работа съ ними можетъ пойти, но утрата всякаго часа уменьшаетъ послѣдніе шансы на сохраненіе и возстановленіе порядка и способствуетъ захвату власти крайними лѣвыми элементами. Въ виду этого усердно умоляю Ваше Императорское Величество соизволить на немедленное опубликованіе изъ Ставки нижеслѣдующаго Манифеста:

«Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

«Грозный и жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы для борьбы съ Нашей Родиной. Близокъ рѣшительный часъ. Судьба Россіи, честь геройской Нашей арміи, благополучіе народа, все будущее дорогого Намъ Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца.

«Стремясь сильнѣе сплотить всѣ силы народныя для скорѣйшаго

достиженія побѣды, Я призналъ необходимымъ призвать отвѣтственное передъ представителями народа Министерство, возложивъ образованіе его на предсѣдателя Государственной Думы Родзянко, изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ всей Россіи.

«Уповаю, что всѣ вѣрные сыны Россіи, тѣсно объединившись вокругъ Престола и народнаго представительства, дружно помогутъ доблестной арміи завершить ея великій подвигъ.

«Во имя Нашей возлюбленной Родины призываю всѣхъ русскихъ людей къ исполненію своего святаго долга передъ нею, дабы вновь явить, что Россія столь же несокрушима, какъ и всегда и что никакія козни враговъ не одолѣютъ ее. Да поможетъ Намъ Господь Богъ».

1865. Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ. 1 Марта 1917 г.

Примѣчаніе генерала Рузскаго:

Получена и доложена 1 Марта въ 11 час. вечера. *Н. Рузскій.*

№ 16. Телеграмма. Наштаверху. Ставка.

Для свѣдѣнія докладываю: оба литерныхъ поѣзда въ Псковѣ. Дальнѣйшій ихъ маршрутъ не выясненъ.

1 Марта 1917 г. 22 часа 30 мин. Даниловъ.

№ 17. Запись съ ленты прямого провода: разговоръ начальника штаба Сѣвернаго фронта съ штабомъ Петроградскаго военнаго округа. 1 Марта 1917 г. 22 часа 30 мин.

У аппарата начальникъ штаба армій Сѣвернаго фронта ген. отъ инфантеріи Даниловъ. Съ кѣмъ я говорю.

Съ помощникомъ начальника штаба округа полковникомъ Сиреліусомъ.

Я имѣю порученіе отъ Главнокомандующаго арміями Сѣвернаго фронта генерала Рузскаго къ предсѣдателю Государственной Думы, заключающееся въ томъ, что ген. Рузскій желалъ бы по крайне срочному и отвѣтственному дѣлу переговорить по прямому съ предсѣдателемъ Государственной Думы. Можетъ ли предсѣдатель Государственной Думы исполнить желаніе Главнокомандующаго и въ которомъ часу могъ бы состояться разговоръ по прямому проводу, по которому въ настоящее время говоримъ мы. Благоволите выяснить и меня поставить въ извѣстность, вызвавъ къ этому аппарату. Желалъ бы знать примѣрно

Генералъ-адъютантъ Ивановъ у себя въ вагонѣ

Генералъ-адъютантъ Рузскій у вагона Его Величества въ Псковѣ.

время, необходимое Вамъ для наведенія соотвѣтствующей справки.

Даниловъ.

Сейчасъ командирую телеграфнаго офицера къ предсѣдателю Думы. Предполагаю дать отвѣтъ предсѣдателя Государственной Думы черезъ часъ.

Полковникъ Сирелiусъ.

Не представляется ли возможность ускорить отвѣтъ путемъ телеграфнаго сношенія, дѣло очень срочное.

Даниловъ.

Сейчасъ звоню по телефону и отвѣчу.

Сирелiусъ.

Когда отвѣтъ будетъ, благоволите меня вызвать къ аппарату.

Даниловъ.

Слушаюсь.

Сирелiусъ.

Генералу Данилову.

Предсѣдатель Думы можетъ подойти къ аппарату около половины третьяго, т. е. не раньше половины третьяго часа ночи.

Сирелiусъ.

Это Главнокомандующаго фронтомъ не затрудняетъ и ген. Рузскій будетъ въ половинѣ третьяго вблизи аппарата. Не откажите поставить въ извѣстность предсѣдателя Государственной Думы и прикажите къ назначенному часу приготовить аппаратъ для разговора. Если Вы ничего не имѣете къ этому прибавить, то считаю разговоръ оконченнымъ.

Даниловъ.

№ 18. Высочайшая Телеграмма. Генералъ - адъютанту Иванову. Царское Село.

Надѣюсь прибыли благополучно. Прошу до Моего пріѣзда и доклада Мнѣ никакихъ мѣръ не предпринимать.

НИКОЛАЙ.

2 Марта. 1917 г. 0-20 мин.

№ 19. Телеграмма. Ставка. Генкварверхъ.

Начальникъ штаба поручилъ мнѣ сообщить для доклада Понаштаверху:

Первое — что въ два съ половиной часа сегодня 2 Марта Главкосѣвъ будетъ говорить по аппарату съ предсѣдателемъ Государственной Думы Родзянко по особому уполномочію Государя Императора. Есть надежда на благопріятное разрѣшеніе.

Второе — у насъ имѣются свѣдѣнія, что гарнизонъ Луги перешелъ на сторону Комитета. Эшелоны войскъ, предназначенные распоряженіе генералъ-адъютанта Иванова, задержались Царскимъ поѣздомъ между Двинскомъ и Псковомъ. Въ виду событій въ Лугѣ возникаетъ вопросъ о ихъ обратномъ возвращеніи, о чемъ Главкосѣвъ будетъ имѣть всеподданнѣйшій докладъ у Государя. Ген. Даниловъ уѣхалъ на вокзалъ доложить Главкосѣву о времени разговора его по аппарату съ предсѣдателемъ Государственной Думы.

Псковъ. 2 Марта 1917 г. 0-50 мин. 1215. Болдыревъ.

№ 20. Телеграмма. Командарму пять. Копіи Понаштаверху и Начвососѣву.

Въ виду невозможности продвигать эшелоны далѣе Луги и нежелательности скопленія ихъ на линіи, особенно въ Псковѣ, и разрѣшенія Государя Императора вступить Главкосѣву въ сношенія съ предсѣдателемъ Государственной Думы, послѣдовало Высочайшее соизволеніе вернуть войска, направлявшіяся на станцію Александровскую, обратно Двинскій раіонъ, гдѣ расположить ихъ распоряженіемъ Командарма пять.

1 часъ 2 Марта. 1917 г. 1216/б. Даниловъ.

№ 21. Телеграмма. Наштарму пять.

Сообщаю для свѣдѣнія и зависящихъ распоряженій копію телеграммы командира 68-го полка.

«Не доѣзжая до станціи Луги эшелонъ номеръ первый ввѣреннаго мнѣ полка, состоящій изъ батальона и пулеметной команды, былъ окруженъ частью Лужскаго гарнизона, какъ передалъ по телефону начальникъ эшелона, нижніе чины обезоружены. Второй эшелонъ находится на пути не доходя десять верстъ до станціи Луги. Слѣдующій эшелонъ на станціи Серебрянка. Жду распоряженій на станціи Серебрянка. Комондиръ 68 полка полковникъ *Федоровъ*.

Псковъ 2 Марта 1917 г. 1219. Болдыревъ.

№ 22. Телеграмма. Псковъ. Главкосѣвъ.

Наштаверхъ проситъ испросить Высочайшее указаніе относительно частей, направляемыхъ къ Петрограду изъ раіона Западнаго фронта. Не признано ли будетъ возможнымъ ихъ вернуть на фронтъ, а относительно частей, намѣченныхъ къ отправленію съ Юго-Западнаго фронта, указать Главкоюзу, что отправка ихъ отмѣняется.

Лукомскій. 2-го Марта. 1917. 1868.

№ 23. Полковнику Тихменеву. Ставка. 933/п.

Главкосѣвъ при существующей обстановкѣ не считаетъ возможнымъ сосредоточеніе желѣзнодорожныхъ батальоновъ въ Псковѣ, прибытіе коихъ можетъ лишь осложнить обстановку. Для обезпеченія движенія литерныхъ поѣздовъ будутъ приняты мѣры по выясненію ихъ маршрутовъ.

2 Марта 1917 г. 6106. Даниловъ.

№ 24. Телеграмма. Ставка. Генкварверху.

1868. Государь Императоръ отдыхаетъ и по этому испрошеніе въ отношеніи войскъ Западнаго и Югозападнаго фронта можетъ послѣдовать только утромъ. Предварительно испрошенія у Государя Императора разрѣшенія возвратить наши войска Главкосѣвомъ было отдано самостоятельное распоряженіе задержать войска на станціяхъ. Сообщается на случай, если ту же мѣру сочтено будетъ возможнымъ примѣнить въ отношеніи войскъ Западнаго фронта распоряженіемъ Ставки.

2 Марта. 1917. 2 час. 30 мин. 1220. Даниловъ.

На копіи надписано: «По повелѣнію Государя». Н. Рузскій.

№ 25. Запись съ ленты прямого провода: разговоръ генералъ-адъютанта Н. В. Рузскаго съ Предсѣдателемъ Государственной Думы М. В. Родзянко. Начало разговора 2-го Марта въ 3 часа 30 мин. утра.

Доложите генералу Рузскому, что подходитъ къ аппарату Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко.

У аппарата ген.-адъютантъ Рузскій.

Здравствуйте Михаилъ Владимировичъ, сегодня около 7 час. вечера прибылъ во Псковъ Государь Императоръ.

Его Величество при встрѣчѣ мнѣ высказалъ, что ожидаетъ Вашего пріѣзда. Къ сожалѣнію затѣмъ выяснилось, что Вашъ пріѣздъ не состоится, чѣмъ я глубоко опечаленъ. Прошу разрѣшенія говорить съ Вами съ полной откровенностью — этого требуетъ серьезность переживаемаго времени. Прежде всего я просилъ бы Васъ меня освѣдомить, сообщивъ истинную причину отмѣны Вашего прибытія въ Псковъ. Знаніе этой причины необходимо для дальнѣйшей бесѣды.

Рузскій.

Здравствуйте Николай Владимировичъ, очень сожалѣю, что не могу пріѣхать. Съ откровенностью скажу, что причины моего непріѣзда двѣ. Во-первыхъ эшелоны, высланные Вами въ Петроградъ, взбунтовались: вылѣзли въ Лугѣ изъ вагоновъ, объявили себя присоединившимися къ Государственной Думѣ,рѣшили отнимать оружіе и никого не пропускать, даже литерные поѣзда. Мною немедленно были приняты мѣры, чтобы путь для проѣзда Его Величества былъ свободенъ, не знаю, удастся ли это.

Вторая причина — полученныя мною свѣдѣнія, что мой пріѣздъ можетъ повлечь за собою нежелательныя послѣдствія; невозможность оставить разбушевавшіяся народныя страсти безъ личнаго присутствія, такъ какъ до сихъ поръ вѣрятъ только мнѣ и исполняютъ только мои приказанія.

Родзянко.

Изъ бесѣдъ, которыя Его Величество велъ со мною сегодня, выяснилось, что Государь Императоръ сначала предполагалъ предложить Вамъ составить Министерство, отвѣтственное передъ Его Величествомъ, но затѣмъ, идя на встрѣчу общему желанію законодательныхъ учрежденій и народа, отпуская меня Его Величество выразилъ окончательное рѣшеніе, и уполномочилъ меня довести до Вашего свѣдѣнія объ этомъ, — дать отвѣтственное передъ законодательными палатами Министерство, съ порученіемъ Вамъ образовать кабинетъ. Если желаніе Его Величества найдетъ въ Васъ откликъ, то проектированъ Манифестъ, который я сейчасъ передамъ Вамъ. Манифестъ этотъ могъ бы быть объявленъ сегодня, 2 Марта съ помѣткой «Псковъ». Не откажите въ Вашихъ соображеніяхъ по всему вышеизложенному.

Рузскій.

Я прошу Васъ проектъ Манифеста, если возможно, передать теперь же. Очевидно, что Его Величество и Вы не отдаете себѣ отчета,

что здѣсь происходитъ. Настала одна изъ страшнѣйшихъ революцій, побороть которую будетъ не такъ то легко. Въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, я неуклонно, при каждомъ моемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ предупреждалъ Государя Императора о надвигающейся грозѣ, если не будутъ немедленно сдѣланы уступки, которыя могли бы удовлетворить страну. Я долженъ Вамъ сообщить, что, въ самомъ началѣ движенія, власти, въ лицѣ Министровъ, стушевались и не принимали рѣшительно никакихъ мѣръ предупредительнаго характера. Немедленно же началось братаніе войскъ съ народными толпами, войска не стрѣляли, а ходили по улицамъ и имъ толпа кричала «ура». Перерывъ занятій законодательныхъ учрежденій подлилъ масла въ огонь и, мало по малу наступила такая анархія, что Государственной Думѣ вообще, а мнѣ въ частности, оставалось только попытаться взять въ свои руки движеніе и стать во главѣ, для того, чтобы избѣжать такой анархіи, при такомъ разслоеніи, которое грозило бы гибелью государству.

Къ сожалѣнію мнѣ это далеко не удалось, народныя страсти такъ разгорѣлись, что сдержать ихъ врядъ ли будетъ возможно. Войска окончательно деморализованы, не только не слушаются, но убиваютъ своихъ офицеровъ. Ненависть къ Государынѣ Императрицѣ дошла до крайнихъ предѣловъ. Вынужденъ былъ во избѣжаніе кровопролитія всѣхъ Министровъ—кромѣ Военнаго и Морского — заключить въ Петропавловскую крѣпость. Очень опасаюсь, что такая же участь постигнетъ и меня, такъ какъ агитація направлена на все, что болѣе умѣрено и ограничено въ своихъ требованіяхъ. Считаю нужнымъ Васъ освѣдомить, что то, что предполагается Вами, уже недостаточно и династическій вопросъ поставленъ ребромъ. Сомнѣваюсь, чтобы съ этимъ можно было справиться.

Родзянко.

Ваши сообщенія, Михаилъ Владиміровичъ, дѣйствительно рисуютъ обстановку въ другомъ видѣ, чѣмъ она рисовалась здѣсь, на фронтѣ. Если страсти не будутъ умиротворены, то вѣдь нашей родинѣ грозитъ анархія надолго и это, прежде всего отразиться на исходѣ войны. Между тѣмъ, затративъ столько жизней на борьбу съ непріятелемъ, нельзя теперь останавливаться на полдорогѣ и необходимо довести ее до конца, соотвѣтствующаго нашей великой родинѣ; надо найти средство для умиротворенія страны.

Прежде передачи текста Манифеста, не можете ли Вы мнѣ сказать въ какомъ видѣ намѣчается разрѣшеніе династическаго вопроса.

Рузскій.

Съ болью въ сердцѣ буду отвѣчать Вамъ, Николай Владимировичъ.

Еще разъ повторяю — ненависть къ династіи дошла до крайнихъ предѣловъ, но весь народъ, съ кѣмъ бы я ни говорилъ, выходя къ толпамъ и войскамъ — рѣшилъ твердо войну довести до побѣднаго конца и въ руки нѣмцамъ не даваться.

Къ Государственной Думѣ примкнулъ весь Петроградскій и Царскосельскій гарнизонъ; то же самое повторяется во всѣхъ городахъ, нигдѣ нѣтъ разногласій; вездѣ войска становятся на сторону Думы и народа, и грозныя требованія отреченія въ пользу сына при регентствѣ Михаила Александровича, становятся опредѣленнымъ требованіемъ.

Повторяю, со страшной болью передаю я Вамъ объ этомъ, но что же дѣлать. Въ то время, когда народъ въ лицѣ своей доблестной арміи проливалъ свою кровь и несъ неисчислимыя жертвы, Правительство положительно издѣвалось надъ нами; вспомните освобожденіе Сухомлинова, Распутина и всю его клику, вспомните Маклакова, Штюрмера и Протопопова; всѣ стѣсненія горячаго порыва народа помогать по мѣрѣ силъ войнѣ; назначеніе кн. Голицына, разстройство транспорта, денежнаго обращенія, непринятіе никакихъ мѣръ къ смягченія условій жизни, постоянные аресты, погоня и розыски несуществующей тогда еще революціи, измѣненіе состава Законодательной Палаты въ нежелательномъ смыслѣ, — вотъ тѣ причины, которыя привели къ этому нежелательному концу.

Тяжскій отвѣтъ взяла на себя передъ Богомъ Государыня Императрица, отвращая Его Величество отъ народа.

Его присылка ген. Иванова съ Георгіевскимъ батальономъ только подлила масла въ огонь и привела только къ междуусобному сраженію, такъ какъ сдержать войска, не слушающіяся своихъ офицеровъ нѣтъ никакой возможности. Кровью обливается сердце при видѣ того, что происходитъ. Прекратите присылку войскъ, такъ какъ они дѣйствовать противъ народа не будутъ, остановите ненужныя жертвы.

Родзянко.

Все, что Вы, Михаилъ Владимировичъ, сказали, тѣмъ печальнѣе что предполагавшійся пріѣздъ Вашъ какъ бы предвѣщалъ возможность соглашенія и быстраго умиротворенія родины. Ваши указанія на ошибки, конечно вѣрны, но вѣдь это ошибки прошлаго, которыя въ будущемъ повторяться не могутъ, при предполагаемомъ способѣ разрѣшенія переживаемаго тяжелаго кризиса. Подумайте, Михаилъ Владимировичъ, о будущемъ — необходимо найти такой выходъ, который далъ бы немедленное умиротвореніе. Войска на фронтѣ съ томительной тревогой и

тоской оглядываются на то, что дѣлается въ тылу, а начальники лишены авторитетнаго слова сдѣлать имъ надлежащее распоряженіе. Переживаемый кризисъ надо ликвидировать возможно скорѣе, чтобы вернуть арміи возможность смотрѣть только впередъ въ сторону непріятеля. Войска въ направленіи Петрограду съ фронтовъ были отправлены по общей директивѣ изъ Ставки, но теперь этотъ вопросъ ликвидируется. Генералъ-адъютанту Иванову нѣсколько часовъ тому назадъ Государь Императоръ далъ указаніе не предпринимать ничего, до личнаго свиданія; эта телеграмма послана черезъ Петроградъ и остается только пожелать, чтобы она скорѣе дошла до ген. Иванова.

Равнымъ образомъ Государь Императоръ изволилъ выразить согласіе, и уже послана телеграмма два часа тому назадъ, вернуть на фронтъ все то, что было въ пути. Вы видите, что со стороны Его Величества принимаются какія только возможно мѣры, и было бы въ интересахъ родины и той отечественной войны, которую мы ведемъ, желательнымъ, чтобы починъ Государя Императора нашелъ бы отзывъ въ сердцахъ тѣхъ, кои могутъ остановить пожаръ.

Сообщаю текстъ Манифеста: «Объявляемъ всѣмъ.. (см. телеграмму ген. Алексѣева).

Если будетъ признано необходимымъ внести какія либо частичныя поправки, — сообщите мнѣ, равно какъ и объ общей схемѣ такого. Въ заключеніе скажу Вамъ, Михаилъ Владимировичъ, я сегодня сдѣлалъ все, что подсказывало мнѣ сердце, и что могъ для того, чтобы найти выходъ для обезпеченія спокойствія теперь и въ будущемъ, а также для того, чтобы арміямъ обезпечить возможность спокойной работы; этого необходимо достигнуть въ кратчайшій срокъ. Приближается весна и намъ нужно сосредоточить всѣ наши условія на подготовкѣ къ активнымъ дѣйствіямъ и на согласованіи ихъ съ дѣйствіями нашихъ союзниковъ; мы обязаны думать также и о нихъ, каждый день, скажу больше каждый часъ въ дѣлѣ водворенія спокойствія крайне дорогъ.

Рузскій.

Вы, Николай Владимировичъ истерзали въ конецъ мое и такъ растерзанное сердце. По тому позднему часу, въ который мы ведемъ разговоръ, Вы можете себѣ представить, какая на мнѣ лежитъ огромная работа, но, повторяю Вамъ — я самъ вишу на волоскѣ и власть ускользаетъ у меня изъ рукъ. Анархія достигаетъ такихъ размѣровъ,что я вынужденъ былъ сегодня ночью назначить Временное Правительство. Къ сожалѣнію Манифестъ запоздалъ его надо было издать послѣ моей первой телеграммы немедленно, о чемъ я горячо просилъ Государя Им-

ператора. Время упущено и возврата нѣтъ. Повторяю Вамъ еще разъ: народныя страсти разгорѣлись въ области ненависти и негодованія.

Наша славная армія не будетъ ни въ чемъ нуждаться. Въ этомъ полное единеніе всѣхъ партій. Желѣзнодорожное сообщеніе не будетъ затруднено. Надѣемся также, что послѣ воззванія Временнаго Правительства крестьяне и всѣ жители повезутъ продовольствіе, снаряды и другіе предметы снаряжсній. Запасы весьма многочисленны, такъ какъ объ этомъ весьма заботились общественныя организаціи и особое совѣщаніе.

Молю Бога, чтобы онъ далъ силы удержаться хотя бы въ предѣлахъ теперешняго разстройства умовъ, мыслей и чувствъ, но боюсь,какъ бы не было еще хуже.

Больше ничего не могу Вамъ сказать. Помогай Вамъ Богъ, нашему славному вождю, въ битвѣ уничтожить проклятаго нѣмца, о чемъ въ обращеніи, посланномъ къ арміи отъ комитета Государственной Думы, говорится опредѣленно въ видѣ пожеланія успѣховъ и побѣдъ. Желаю Вамъ спокойной ночи, если только вообще въ эти времена кто либо можетъ спать спокойно.

Глубокоуважающій Васъ и душевнопреданный *Родзянко.*

Михаилъ Владимировичъ, еще нѣсколько словъ. Дай, конечно, Богъ, чтобы Ваши мысли въ отношеніи арміи оправдались, но имѣйте въ виду, что всякій насильственный переворотъ не можетъ пройти безслѣдно; что если анархія, о которой говорите Вы, перекинется въ армію и начальники потеряютъ авторитетъ власти, подумайте, что будетъ тогда съ родиной нашей.

Въ сущности конечная цѣль одна — отвѣтственное Министерство передъ народомъ и есть для сего нормальный путь для достиженія цѣли — въ перемѣнѣ порядка управленія государствомъ. Дай Вамъ Богъ здоровья и силъ для Вашей отвѣтственной работы.

Глубокоуважающій Васъ *Рузскій.*

Николай Владимировичъ, не забудьте, что переворотъ можетъ быть добровольный и вполнѣ безболѣзненный для всѣхъ, и тогда все кончится въ нѣсколько дней. Одно могу сказать: ни кровопролитія ни ненужныхъ жертвъ не будетъ. Я этого не допущу. Желаю Вамъ всего лучшаго.

Родзянко.

Дай Богъ, чтобы все было такъ, какъ Вы говорите. Послѣднее слово: скажите Ваше мнѣніе, нужно ли ыпускать Манифестъ.

Рузскій.

Я право не знаю, какъ Вамъ отвѣтить. Все зависитъ отъ событій, которыя летятъ съ головокружительной быстротой.

Родзянко.

Я получилъ указаніе передать въ Ставку объ его напечатаніи, а посему это и сдѣлаю,а затѣмъ пусть,что будетъ. Разговоръ нашъ доложите Государю, если Вы противъ этого ничего не имѣете.

Рузскій.

Ничего противъ этого не имѣю и даже прошу объ этомъ.

Родзянко.

До свиданія и да поможетъ Вамъ Богъ.

Примѣчаніе генерала Рузскаго:

Разговоръ оконченъ въ семь съ половиною часовъ 2 Марта и переданъ Наштаверху въ Ставку въ ночь съ 1-го на 2-ое Марта одновременно съ веденіемъ разговора.

Рузскій.

№ 26. Высочайшая телеграмма. Начальнику штаба. Ставка.

Можно объявить представленный Манифестъ, помѣтивъ его Псковомъ.

НИКОЛАЙ.

1223. перед. 2 Марта 1917. 5 час. 15 мин.

Примѣчаніе:

Это относится до объявленія отвѣтственнаго Министерства.

Рузскій.

№ 27. Запись съ ленты прямого провода: разговоръ генералъ-квартирмейстера штаба Верховнаго Главнокомандующаго съ начальника штаба Сѣверная фронта. Начало разговора 9 часовъ утра 2-го Марта.

У аппарата ген. Даниловъ.

Здравствуй Юрій Никифоровичъ, у аппарата Лукомскій.

Ген. Алексѣевъ проситъ сейчасъ же доложить Главкосѣву, что необходимо разбудить Государя и сейчасъ же доложить Ему о разговорѣ ген. Рузскаго съ Родзянко.

Переживаемъ слишкомъ тяжелый моментъ, когда рѣшается вопросъ

не одного Государя, а всего Царствующаго Дома и Россіи. Генералъ Алексѣевъ убѣдительно проситъ безотлагательно это сдѣлать,такъ какъ теперь важна всякая минута и всѣ этикеты должны быть отброшены.

Ген. Алексѣевъ проситъ, по выясненіи вопроса, немедленно сообщить, дабы оффиціально и со стороны высшихъ военныхъ властей сдѣлать необходимое сообщеніе въ арміи, ибо неизвѣстность хуже всего и грозитъ тѣмъ, что начнется анархія въ арміи.

Это оффиціально, а теперь прошу тебя доложить отъ меня генералу Рузскому, что, по моему глубокому убѣжденію, выбора нѣтъ и отреченіе должно состояться. Надо помнить, что вся Царская Семья находится въ рукахъ мятежныхъ войскъ, ибо, по полученнымъ свѣдѣніямъ, дворецъ въ Царскомъ Селѣ занятъ войсками, какъ объ этомъ вчера уже сообщалъ Вамъ генералъ Клембовскій. Если не согласится, то, вѣроятно произойдутъ дальнѣйшіе эксцессы, которые будутъ угрожать Царскимъ Дѣтямъ, а затѣмъ начнется междуусобная война и Россія погибнетъ подъ ударами Германіи, и погибнетъ вся династія. Мнѣ больно это говорить, но другого выхода нѣтъ. Я буду ждать твоего отвѣта.

Лукомскій.

Ген. Рузскій черезъ часъ будетъ съ докладомъ у Государя и потому я не вижу надобности будить Главнокомандующаго, который только что, сію минуту, заснулъ и черезъ полъ часа встанетъ. Выигрыша во времени не будетъ никакого. Что касается неизвѣстности, то она не только тяжка, но и грозна. Однако и ты и генералъ Алексѣевъ отлично знаете характеръ Государя и трудность получить отъ него опредѣленное рѣшеніе. Вчера же весь вечеръ до глубокой ночи прошелъ въ убѣжденіяхъ поступиться въ пользу отвѣтственнаго Министерства. Согласіе было дано только къ двумъ часамъ ночи, но, къ глубокому сожалѣнію, оно, какъ это въ сущности и предвидѣлъ Главнокомандующій, явилось запоздалымъ.Очень осложнило дѣло посылка войскъ ген. адъютанта Иванова. Я убѣжденъ, къ сожалѣнію, почти въ томъ, что несмотря на убѣдительность рѣчей Николая Владимировича и прямоту его, едва ли возможно будетъ получить опредѣленное рѣшеніе; время безнадежно будетъ тянутся. Вотъ та тяжкая картина и та драма, которая происходитъ здѣсь.

Между тѣмъ Исполнительный комитетъ Государственной Думы шлетъ рядъ извѣщеній, что остановить потокъ нѣтъ никакой возможности. Два часа тому назадъ Главнокомандующій вынужденъ былъ отдать распоряженіе о томъ, чтобы не препятствовать распространенію заяв-

леній, которыя клонятся къ сохраненію спокойствія среди населенія и къ приливу продовольственныхъ средствъ. Другаго исхода не было.

Много горячихъ доводовъ высказалъ генералъ Рузскій въ разговорѣ съ Родзянко въ пользу оставленія во главѣ Государя съ отвѣтственнымъ передъ народомъ Министерствомъ, но видимо время упущено и едва ли возможно разсчитывать на такое сохраненіе.

Вотъ пока все, что я могу сказать.

Повторяю — отъ доклада ген. Рузскаго я не жду опредѣленныхъ рѣшеній.

Даниловъ.

Дай Богъ, чтобы генералу Рузскому удалось убѣдить Государя. Въ его рукахъ теперь судьба Россіи и Царской Семьи.

Лукомскій.

№ 28 Телеграмма. Генкварсѣвъ для доклада Главкосѣву. Копія телеграммы, посланной ген. Алексѣевымъ Главнокомандующимъ.

Его Величество находится въ Псковѣ, гдѣ изъявилъ свое согласіе объявить Манифестъ, идя навстрѣчу народному желанію учредить отвѣтственное передъ палатами Министерство, поручивъ предсѣдателю Государственной Думы образовать кабинетъ.

По сообщеніи этого рѣшенія Главнокомандующимъ Сѣвернаго фронта предсѣдателю Государственной Думы, послѣдній, въ разговорѣ по аппарату, въ три съ половиной часа 2-го сего Марта отвѣтилъ, что появленіе такого Манифеста было-бы своевременно 27 Февраля. Въ настоящее-же время этотъ актъ является запоздалымъ, что наступила одна изъ страшнѣйшихъ революцій, сдерживать народныя массы трудно, войска деморализованы. Предсѣдателю Государственной Думы, хотя пока и вѣрятъ, но онъ опасается, что сдерживать народныя страсти будетъ невозможно. Что теперь династическій вопросъ поставленъ ребромъ и войну можно продолжить лишь при исполненіи предъявленныхъ требованій относительно отреченія отъ Престола въ пользу сына при регентствѣ Михаила Александровича.

Обстановка, повидимому, не допускаетъ иного рѣшенія, и каждая минута дальнѣйшихъ колебаній повыситъ только притязанія основанныя на томъ, что существованіе арміи и работа желѣзныхъ дорогъ находится фактически въ рукахъ Петроградскаго Временнаго Прави-

тельства. Необходимо спасти дѣйствующую армію отъ развала, продолжить до конца борьбу съ внѣшнимъ врагомъ, спасти независимость Россіи и судьбу Династіи. Это нужно поставить на первомъ планѣ, хотя-бы и цѣною дорогихъ уступокъ. Если Вы раздѣляете этотъ взглядъ, то не благоволите-ли телеграфировать весьма спѣшно свою вѣрноподданническую просьбу Его Величеству черезъ Главкосѣва, извѣстивъ меня.

Повторяю, что потеря каждой минуты можетъ стать роковою для существованія Россіи и что между высшими начальниками дѣйствующей арміи нужно установить единство мыслей и цѣлей и спасти арміи отъ колебаній и возможныхъ случаевъ измѣны долгу. Армія должна всѣми силами бороться съ внѣшнимъ врагомъ, а рѣшеніе относительно внутреннихъ дѣлъ должно избавить ее отъ искушенія принять участіе въ переворотѣ, который болѣе безболѣзненно совершится при рѣшеніи сверху.

Алексѣевъ.

2 Марта 1917 года 10 час. 15 мин. 1872.

№ 29. Запись съ ленты прямого провода: разговоръ помощника начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго съ генералъ-квартирмейстеромъ штаба Сѣвернаго фронта. (утромъ 2 Марта).

Извѣстно-ли Вамъ о прибытіи сегодня конвоя Его Величества въ полномъ составѣ въ Государственную Думу съ разрѣшенія своихъ офицеровъ и о просьбѣ депутатовъ коньоя арестовать тѣхъ офицеровъ, которые отказались принять участіе въ возстаніи? Извѣстно-ли также о желаніи Государыни Императрицы переговорить съ предсѣдателемъ исполнительнаго комитета Государственной Думы, и, наконецъ, о желаніи Великаго Князя Кирилла Владиміровича прибыть лично въ Государственную Думу, чтобы вступить въ переговоры съ исполнительнымъ комитетомъ.

Клембовскій.

Нѣтъ, эти извѣстія намъ неизвѣстны.

Болдыревъ.

Въ Москвѣ по всему городу происходятъ митинги, но стрѣльбы нѣтъ. Генералу Мрозовскому предложено подчиниться Временному правительству.

Арестованы: Штюрмеръ, Добровольскій, Бѣляевъ, Войновскій-

Кригеръ, Горемыкинъ, Дубровинъ, два помощника градоначальника и Климовичъ.

Исполнительный комитетъ Государственной Думы обратился къ населенію съ воззваніемъ возить хлѣбъ, всѣ продукты на станціи желѣзныхъ дорогъ для провольствія арміи и крупныхъ городовъ. Петроградъ раздѣленъ на раіоны, въ которые назначены раіонные комиссары. Представители арміи и флота постановили признать власть исполнительнаго комитета Государственной Думы впредь до образованія постояннаго правительства. Все изложенное надо доложить Главнокомандующему для всеподданнѣйшаго доклада.

Клембовскій.

Примѣчаніе генерала Рузскаго: Доложено Государю Императору въ два часа дня 2-го Марта.

Рузскій.

№ 30. Телеграмма. Государю Императору.

Всеподданнѣйше представляю Вашему Императорскому Величеству полученныя мною на имя Вашего Императорскаго Величества телеграммы:

1.) Отъ Великаго Князя Николая Николаевича:

Генералъ адъютантъ Алексѣевъ сообщаетъ мнѣ создавшуюся небывало роковую обстановку и проситъ меня поддержать его мнѣніе, что побѣдоносный конецъ войны, столь необходимый для блага и будущности Россіи, и спасенія Династіи, вызываетъ принятіе сверхмѣры.

Я, какъ вѣрноподданный, считаю по долгу присяги и по духу присяги, необходимымъ колѣнопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россію и Вашего Наслѣдника, зная чувство святой любви Вашей къ Россіи и къ Нему.

Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ передайте ему — Ваше наслѣдіе. Другого выхода нѣтъ.

Какъ никогда въ жизни, съ особо горячей молитвой молю Бога подкрѣпить и направить Васъ.

Генералъ-адъютантъ НИКОЛАЙ.

2.) Отъ Генералъ-адъютанта Брусилова.

Прошу Васъ доложить Государю Императору мою всеподданнѣйшую просьбу, основанную на моей преданности и любви къ родинѣ и Царскому престолу, что, въ данную минуту, единственный исходъ, мо-

гущій спасти положеніе и дать возможность дальше бороться съ внѣшнимъ врагомъ, безъ чего Россія пропадетъ, — отказаться отъ Престола въ пользу Государя Наслѣдника Цесаревича при регентствѣ Великаго Князя Михаила Александровича. Другого исхода нѣтъ; необходимо спѣшить, дабы разгорѣвшійся и принявшій большіе размѣры народный пожаръ былъ скорѣе потушенъ, иначе повлечетъ за собою неисчислимыя катастрофическія послѣдствія. Этимъ актомъ будетъ спасена и сама Династія въ лицѣ законнаго Наслѣдника.

Генералъ-адъютантъ Брусиловъ.

3.) Отъ Генералъ-адъютанта Эверта.

Ваше Императорское Величество, начальникъ штаба Вашего Величества передалъ мнѣ обстановку, создавшуюся въ Петроградѣ, Царскомъ Селѣ, Балтійскомъ морѣ и Москвѣ и результатъ переговоровъ ген.-адъютанта Рузскаго съ Предсѣдателемъ Государственной Думы

Ваше Величество, на армію въ настоящемъ ея составѣ разсчитывать при подавленіи внутреннихъ безпорядковъ — нельзя. Ее можно удержать лишь именемъ спасенія Россіи отъ несомнѣннаго порабощенія злѣйшимъ врагомъ родины при невозможности вести дальнѣйшую борьбу. Я принимаю всѣ мѣры къ тому, дабы свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣлъ въ столицѣ не проникали въ армію, дабы оберечь ее отъ несомнѣнныхъ волненій. Средствъ прекратить революцію въ столицахъ нѣтъ никакихъ.

Необходимо немедленное рѣшеніе, которое могло-бы привести къ прекращенію безпорядковъ и сохраненію арміи для борьбы противъ врага.

При создавшейся обстановкѣ, не находя иного исхода, безгранично преданный Вашему Величеству вѣрноподданный умоляетъ Ваше Величество, во имя спасенія родины и Династіи, принять рѣшеніе, согласованное съ заявленіемъ предсѣдателя Государственной Думы, выраженнымъ имъ ген.-адъютанту Рузскому, какъ единственно видимо способное прекратить революцію и спасти Россію отъ ужасовъ анархіи.

Генералъ-адъютантъ Эвертъ.

Всеподданнѣйше докладывая эти телеграммы Вашему Императорскому Величеству, умоляю безотлагательно принять рѣшеніе, которе Господь Богъ внушитъ Вамъ. Промедленіе грозитъ гибелью Россіи. Пока армію удается спасти отъ проникновенія болѣзни, охватившей Петроградъ, Москву, Кронштадтъ и другіе города, но ручаться за дальнѣйшее сохраненіе воинской дисциплины нельзя. Прикосновеніе-же

арміи къ дѣлу внутренней политики будетъ знаменовать неизбѣжный конецъ войны, позоръ Россіи и развалъ ея.

Ваше Императорское Величество горячо любите родину и ради ея цѣлости, независимости, ради достиженія побѣды соизволите принять рѣшеніе, которое можетъ дать мирный и благополучный исходъ изъ создавшагося болѣе чѣмъ тяжкаго положенія.

Ожидаю повелѣній.

Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ. 2 Марта 1917 г.

1818. Получена въ Псковѣ въ 14 час. 30 мин.

№ 31. Телеграмма. Псковъ. Главкосѣвъ, копія Наштаверхъ.

Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ передалъ мнѣ преступный и возмутительный отвѣтъ предсѣдателя Государственной Думы Вамъ на высокомилостивое рѣшеніе Государя Императора даровать странѣ отвѣтственное Министерство и пригласилъ Главнокомандующихъ доложить Его Величеству черезъ Васъ о рѣшеніи даннаго вопроса въ зависимости отъ создавшагося положенія. Горячая любовь моя къ Его Величеству не допускаетъ душѣ моей мириться съ возможностью осуществленія гнуснаго предложенія, переданнаго Вамъ предсѣдателемъ Государственной Думы. Я увѣренъ что не русскій народъ, никогда не касавшійся Царя своего, задумалъ это злодѣйство, а разбойничья кучка людей, именуемая Государственной Думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведенія своихъ преступныхъ цѣлей. Я увѣренъ, что арміи фронта непоколебимо стали-бы за своего Державнаго Вождя, если-бы не были призваны къ защитѣ родины отъ врага внѣшняго и если-бы не были въ рукахъ тѣхъ-же государственныхъ преступниковъ, захватившихъ въ свои руки источники жизни арміи.

Таковы движенія сердца и души. Переходя-же къ логикѣ разума и учтя создавшуюся безвыходность положенія, я, непоколебимо вѣрноподданный Его Величества, рыдая, вынужденъ сказать что, пожалуй, наиболѣе безболѣзненнымъ выходомъ для страны и для сохраненія возможности биться съ внѣшнимъ врагомъ является рѣшеніе пойти навстрѣчу уже высказаннымъ условіямъ, дабы промедленіе не дало пищу къ предъявленію дальнѣйшихъ, еще гнуснѣйшихъ притязаній.

Генералъ Сахаровъ.

Яссы, 2 Марта 1917 г. 13.317.
Получена въ Псковѣ въ 14 час. 50 мин.

№ 32. Высочайшая телеграмма. Предсѣдателю Государственной Думы. Петроградъ.

Нѣтъ той жертвы, которой Я не принесъ-бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія родимой матушки Россіи. Посему Я готовъ отречься отъ престола въ пользу Моего Сына съ тѣмъ, чтобы Онъ оставался при Мнѣ до совершеннолѣтія, при регентствѣ брата Моего Михаила Александровича.

НИКОЛАЙ.

Примѣчаніе генерала Рузскаго (1.)

Составлена и написана собственноручно 2 Марта 1917 г. въ три часа дня, въ Императорскомъ поѣздѣ въ Псковѣ.

Дана послѣ доклада Его Величеству телеграммы Алексѣева и Главнокомандующихъ всѣхъ фронтовъ.

Рузскій.

Примѣчаніе генерала Рузскаго (2.)

Вслѣдствіе телеграммы, отправленной съ Варшавскаго вокзала о выѣздѣ въ Псковъ депутатовъ Государственной Думы, полученной въ 3 часа 10 мин. при выходѣ изъ вагона Государя и сейчасъ-же доложенной Его Величеству, Государь телеграмму объ отреченіи предсѣдателю Государственной Думы повелѣлъ задержать до прибытія депутатовъ Думы въ Псковъ а телеграмму Наштаверху, измѣненную по содержанію телеграммы Родзянкѣ, Его Величество взялъ обратно.

Въ 3 часа 45 мин. дня 2-го Марта Государь потребовалъ возвратить Ему телеграмму Родзянкѣ объ отреченіи въ пользу сына. Послѣ личнаго доклада она была оставлена до прибытія депутатовъ.

Ген.-адъютантъ Рузскій.

№ 33. Высочайшая телеграмма. Наштаверхъ. Ставка.

Во имя блага, спокойствія и спасенія горячо любимой Россіи Я готовъ отречься отъ Престола въ пользу Моего Сына. Прошу всѣхъ служить ему вѣрно и нелицемѣрно.

НИКОЛАЙ.

Примѣчаніе генерала Рузскаго:

Саставлена, написана и подписана собственноручно 2 Марта въ 15 час. въ вагонѣ Императорскаго поѣзда въ Псковѣ. Дана по-

слѣ доклада Его Величеству телеграммъ Алексѣева и всѣхъ Главнокомандующихъ.

Рузскій.

№ 34. Телеграмма. Наштасѣвъ. Псковъ.

Телеграмма 1223 объ объявленіи Манифеста не приводится въ исполненіе въ ожиданіе дальнѣйшихъ указаній послѣ доклада Главнокомандующаго Сѣвернаго фронта.

Очень прошу оріентировать начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, въ какомъ положеніи находится вопросъ. Изъ Вашего штаба сообщили, что литерные поѣзда стоятъ въ Псковѣ и нѣтъ никакихъ распоряженій относительно отправленія. Между тѣмъ получены извѣстія, что начальникъ штаба эксплоатаціоннаго отдѣла Сѣверозападныхъ дорогъ инженеръ Гаваловъ отдалъ распоряженіе по линіи объ отправленіи литерныхъ поѣздовъ къ Двинску. Прошу сообщить, что извѣстно.

Клембовскій.

2 Марта 1917 г. 1886.

№ 35. Телеграмма. Ставка. Наштаверхъ.

Около 19 часовъ Его Величество приметъ члена Государственнаго Совѣта Гучкова и члена Государственной Думы Шульгина, выѣхавшихъ экстреннымъ изъ Петрограда.

Государь Императоръ въ длительной бесѣдѣ съ генерал.-адъютантомъ Рузскимъ въ присутствіи моемъ и ген. Саввича выразилъ, что нѣтъ той жертвы,которую Его Величество не принесъ-бы для истиннаго блага родины. Телеграммы Ваши и Главнокомандующихъ были всѣ доложены.

2 Марта 1917 г. 16 час. 30 мин. 1230. б.

Даниловъ.

№ 36. Телеграмма. Ставка. Наштаверхъ.

Литерные поѣзда стоятъ въ Псковѣ. Дѣйствительно одно время возникло предположеніе у Государя проѣхать черезъ Двинскъ въ Ставку, но вскорѣ эта мысль была оставлена въ виду вторичной бесѣды съ Его

Величествомъ генерала Рузскаго, о которой я уже донесъ начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго а также въ виду выяснившагося прибытія изъ Петрограда депутатовъ. Чтобы не загромождать Ставку противорѣчивыми свѣдѣніями сообщаю только достовѣрно выяснившіяся и въ этомъ отношеніи прошу мнѣ оказать довѣріе, что ничего важнаго не пропущу сообщить.

По поводу Манифеста не послѣдовало еще указаній Главнокомандующимъ, потому что вторичная бесѣда съ Государемъ обстановку видоизмѣнила, а пріѣздъ депутатовъ заставляетъ быть осторожнымъ съ выпускомъ Манифеста. Необходимо лишь подготовиться къ скорѣйшему выпуску его, если потребуется. Вѣрнѣе думать, что Государь Императоръ прослѣдуетъ изъ Пскова въ Царское Село, но окончательное рѣшеніе будетъ принято только послѣ выясненія результатовъ пріѣзда Гучкова и Шульгина.

2 Марта 1917 г. 18 час. 1237.

Даниловъ.

№ 37. Телеграмма. Псковъ. Государю Императору.

Получена слѣдующая телеграмма:

Ставка генералу-адъютанту Алексѣеву, копія Главкоюз ген.-адъютанту Брусилову, командармъ особой, ген. отъ инфантеріи Гурко.

Временный комитетъ Государственной Думы, образовавшійся для возстановленія порядка въ столицѣ, принужденъ былъ взять въ свои руки власть, въ виду того, что подъ давленіемъ войска и народа старая власть никакихъ мѣръ для успокоенія населенія не предприняла и совершенно устранена. Въ настоящее время власть будетъ передана Временнымъ комитетомъ Государственной Думы Временному Правительству, образованному подъ предсѣдательствомъ князя Г. Е. Львова.

Войска подчинились новому правительству, не исключая состоящихъ войскѣ, а также находящихся въ Петроградѣ лицъ Императорской Фамиліи, и всѣ слои населенія признаютъ только новую власть.

Необходимо для возстановленія полнаго порядка, для спасенія столицы отъ анархіи, командировать сюда на должность главнокомандующаго Петроградскимъ военнымъ округомъ доблестнаго боевого генерала, имя котораго было-бы популярно и авторитетно глазахъ населенія. Комитетъ Государственной Думы признаетъ такимъ лицомъ доблестнаго, извѣстнаго всей Россіи героя, командира 25-го армейскаго корпуса ген.-лейтенанта Корнилова. Во имя спасенія родины, во имя побѣды

надъ врагомъ, во имя того, чтобы неисчислимыя жертвы этой долгой войны не пропали даромъ наканунѣ побѣды, необходимо срочно командировать ген. Корнилова въ Петроградъ. Благоволите срочно снестись съ нимъ и телеграфировать срокъ прiѣзда ген. Корнилова въ Петроградъ.

Предсѣдатель Временнаго Комитета Государственной Думы *М. Родзянко.* 2 Марта 1917 г. 1582.

Всеподданнѣйше докладываю эту телеграмму и испрашиваю разрѣшенiе Вашего Императорскаго Величества исполнить ее во имя того, что въ исполненiи этого пожеланiя можетъ заключаться начало успокоенiя столицъ и водворенiе порядка въ частяхъ войскъ, составляющихъ гарнизонъ Петрограда и окрестныхъ пунктовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу отозвать генералъ-адъютанта Иванова въ Могилевъ.

2 Марта 1917 г. 1890. Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ.

На телеграммѣ, рукою Его Величества начертано «*Исполнить*» *Н.*

№ 38. Телеграмма. Ставка. Понаштаверху.

Поѣздъ съ депутатами Гучковымъ и Шульгинымъ запаздываетъ и ожидается не ранѣе 22 часовъ. Такимъ образомъ окончательное рѣшенiе вновь откладывается на нѣсколько часовъ. Какъ только все выяснится, немедленно будетъ сообщено для доклада начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Телеграмма ген.-адъютанта Алексѣева о генералѣ Корниловѣ въ 20 час. 20 мин. отправлена для врученiя Государю Императору. Проектъ Манифеста отправленъ въ вагонъ Главнокомандующаго.

Есть опасенiе, не оказался-бы онъ запоздалымъ, такъ какъ имѣются частныя свѣдѣнiя, что такой Манифестъ, будто-бы опубликованъ въ Петроградѣ распоряженiемъ Временнаго Правительства. Повторяю — послѣднiя свѣдѣнiя частнаго характера.

Псковъ. 2 Марта 1917 г., 20 час. 35 мин. 1231. Даниловъ.

№ 39. Телеграмма. Ставка. Наморштаверху для доклада Государю Императору. Копiя Псковъ генералъ-адъютанту Рузскому для доклада Государю Императору.

Съ огромнымъ трудомъ удерживаю въ повиновенiи флотъ и ввѣрен-

ныя мнѣ войска. Въ Ревелѣ положеніе критическое, но не теряю надежды его удержать.

Всеподданнѣйше присоединяюсь къ ходатайствамъ Великаго Князя Николая Николаевича и Главнокомандующихъ фронтами о немедленномъ принятіи рѣшенія, формулированнаго председателемъ Государственной Думы. Если рѣшеніе не будетъ принято въ теченіе ближайшихъ-же часовъ, то это повлечетъ за собою катастрофу съ неисчислимыми бѣдствіями для нашей родины.

Вице-адмиралъ Непенинъ.

№ 40. Высочайшая телеграмма. Ставка. Наштаверхъ. Копія Комфлоту Балтійскаго моря, Комфлоту Чернаго моря, Главкозап, Главкоюз, Поглавкорум, Августѣйшему Главнокомандующему Кавказской арміи.

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе.

Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны.

Судьба Россіи, честь геройской Нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого Намъ отечества требуютъ доведенія войны во что-бы то ни стало до побѣднаго конца.

Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія Наша совмѣстно со славными Нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага.

Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли Мы долгомъ совѣсти облегчить народу Нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою, признали Мы за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ Себя Верховную власть.

Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ Нашимъ, Мы передаемъ наслѣдіе Наше Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляемъ Его на вступленіе на престолъ государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату Нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу.

Во имя горячо любимой родины, призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ, пови-

новеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь Ему вмѣстѣ съ представителями народа вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

НИКОЛАЙ.

Псковъ. 2 Марта 1917 года 15 часовъ.

Министръ Императорскаго Двора Генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ.

Примѣчаніе генерала Рузскаго:

Манифестъ этотъ и указы Сенату составлены 2 Марта 1917 г. въ 24 часа (12 час. ночи со 2-го на 3-ье Марта) лишь помѣчены 15 часовъ 2 Марта, такъ какъ первоначальное рѣшеніе объ отреченіи было принято въ это время.

Рузскій.

№ 41. Указъ Правительствующему Сенату.

Князю Георгію Евгеніевичу Львову повелѣваемъ быть предсѣдателемъ Совѣта Министровъ.

НИКОЛАЙ.

Псковъ. 2 Марта 1917 года, 15 часовъ.

Министръ Императорскаго Двора Генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ.

№ 42. Указъ Правительствующему Сенату.

Намѣстнику Нашему на Кавказѣ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу повелѣваемъ быть Верховнымъ Главнокомандующимъ.

НИКОЛАЙ.

Псковъ. 2 Марта 1917 года. 15 часовъ.

Министръ Императорскаго Двора Генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ.

№ 43. Расписка.

Высочайшій Манифестъ отъ 2-го Марта 1917 г. получилъ.

Александръ Гучковъ.

Шульгинъ.

2 Марта 1917 г. (24 часа).

№ 44. Телеграмма. Петроградъ. Начальнику Главнаго Штаба.

Просимъ передать предсѣдателю Думы Родзянко: Государь далъ согласіе на отреченіе отъ Престола въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича съ обязательствомъ для него принести присягу конституціи.

Порученіе образовать новое правительство дается князю Львову. Одновременно Верховнымъ Главнокомандующимъ назначается Великій Князь Николай Николаевичъ. Манифестъ послѣдуетъ немедленно. Сообщите немедленно Псковъ положеніе дѣлъ въ Петроградѣ.

Гучковъ, Шульгинъ. 3 Марта 1917 г.

№ 45. Телеграмма. Ставка. Наштаверх. Копія Главнокомандующимъ фронтами и командующимъ арміями Сѣвернаго фронта.

Его Величествомъ подписаны указы Правительствующему Сенату о бытіи предсѣдателемъ Совѣта Министровъ князю Георгію Евгеніевичу Львову и Верховнымъ Главнокомандующимъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу. Государь Императоръ изволилъ затѣмъ подписать актъ отреченія отъ Престола съ передачей таковаго Великому Князю Михаилу Александровичу. Его Величество выѣзжаетъ сегодня примѣрно въ два часа, на нѣсколько дней въ Ставку черезъ Двинскъ.

Манифестъ и Указы передаются по телеграфу дополнительно.

3 Марта 1917 г. 1224. Даниловъ.

№ 46. Запись съ ленты прямого провода: разговоръ генералъ-адъютанта Н. В. Рузскаго съ М.В.Родзянко и княземъ Г.Е.Львовымъ.

Начало разговора въ 5 час. утра 3-го Марта.

У аппарата генералъ Рузскій.

Здравствуйте Ваше Высокопревосходительство, чрезвычайно важно, чтобы Манифестъ объ отреченiи и передачѣ власти Великому Князю Михаилу Александровичу не былъ опубликованъ до тѣхъ поръ, пока я не сообщу Вамъ объ этомъ. Дѣло въ томъ, что съ великимъ трудомъ удалось удержать болѣе и менѣе въ приличныхъ рамкахъ революцiонное движенiе, но положенiе еще не пришло въ себя и весьма возможна гражданская война. Съ регентствомъ Великаго Князя и воцаренiемъ Наслѣдника Цесаревича примирились-бы можетъ быть, но воцаренiе его, какъ Императора абсолютно непрiемлемо. Прошу Васъ принять всѣ зависящiя отъ Васъ мѣры, чтобы достигнуть отсрочки.

Родзянко.

Родзянко отошелъ, у аппарата князь Львовъ.

Говоритъ генералъ Рузскiй.

Хорошо. Распоряженiе будетъ сдѣлано, но насколько удастся прiостановить распоряженiе, сказать не берусь, въ виду того, что прошло слишкомъ много времени.

Очень сожалѣю, что депутаты, присланные вчера, не были въ достаточной степени освѣдомлены о той роли, и вообще съ тѣмъ, для чего прiѣзжали. Во всякомъ случаѣ будетъ сдѣлано все, что въ человѣческихъ силахъ въ данную минуту. Прошу вполнѣ ясно освѣтить мнѣ теперь-же все дѣло, которое вчера произошло, и послѣдствiя, могущiя быть отъ этого въ Петроградѣ.

Рузскiй.

У аппарата Родзянко, опять.

Дѣло въ томъ, что депутатовъ винить нельзя. Вспыхнулъ неожиданно для всѣхъ насъ такой солдатскiй бунтъ, которому подобныхъ я еще не видѣлъ и которые, конечно не солдаты, а просто взятые отъ сохи мужики и которые всѣ свои мужицкiя требованiя нашли полезнымъ теперь-же заявить. Только слышно было въ толпѣ: — «Земли и воли», «Долой династiю», «Долой Романовыхъ», «Долой офицеровъ» и началось во многихъ частяхъ избiенiе офицеровъ. Къ этому присоединились рабочiе и анархiя дошла до своего апогея.

Послѣ долгихъ переговоровъ съ депутатами отъ рабочихъ удалось придти только къ ночи сегодня къ нѣкоторому соглашенiю, которое заключалось въ томъ, чтобы созвано было черезъ нѣкоторое время Учредительное собранiе для того, чтобы народъ могъ высказать свой взглядъ на форму правленiя и только тогда Петроградъ вздохнулъ свободно, и ночь прошла сравнительно спокойно.

Войска, мало по малу, въ теченіи ночи приводятся въ порядокъ, но провозглашеніе Императоромъ Великаго Князя Михаила Александровича подольетъ масла въ огонь, и начнется безпощадное истребленіе всего, что можно истребить.

Мы потеряемъ и упустимъ изъ рукъ всякую власть и, усмирить народное волненіе будетъ некому.

При предложенной формѣ — возвращеніе династіи не исключено, и желательно, чтобы, примѣрно до окончанія войны продолжалъ дѣйствовать Верховный Совѣтъ и нынѣ дѣйствующее Временное Правительство. Я вполнѣ увѣренъ, что при такихъ условіяхъ возможно быстрое успокоеніе, и рѣшительная побѣда будетъ обезпечена, такъ какъ немедленно произойдетъ подъемъ патріотическаго чувства, все заработаетъ въ усиленномъ темпѣ и побѣда, повторяю, можетъ быть обезпечена.

Родзянко.

Я распоряженія всѣ сдѣлалъ, но крайне трудно ручаться, что удастся не допустить распространенія, такъ какъ имѣлось въ виду этой мѣрой поскорѣе дать возможность арміи перейти къ спокойному состоянію въ отношеніи тыла. Вчера Императорскій поѣздъ, или вѣрнѣе уже сегодня, такъ какъ событія протекли ночью, ушелъ черезъ Двинскъ въ Ставку, и такимъ образомъ центръ дальнѣйшихъ переговоровъ по этому важному дѣлу долженъ быть перенесенъ туда, какъ какъ, по закону, начальникъ штаба, въ случаѣ отсутствія Верховнаго Главнокомандующаго, замѣщаетъ его должность и дѣйствуетъ его именемъ. Кромѣ того необходимо установить аппаратъ Юза на томъ мѣстѣ, гдѣ засѣдаетъ новое правительство въ Петроградѣ, дабы обезпечить Вамъ удобство сношеній со Ставкою и мною. Прошу также, два раза въ день, въ опредѣленное время собщать мнѣ о ходѣ дѣлъ лично, или черезъ довѣренныхъ лицъ, имена которыхъ желалъ-бы знать.

Рузскій.

Я въ точности выполню Ваше желаніе и аппаратъ Юза будетъ поставленъ, но прошу Васъ, въ случаѣ прорыва свѣдѣній о Манифестѣ въ публику и въ армію, по крайней мѣрѣ, не торопиться съ приведеніемъ войскъ къ присягѣ. Къ вечеру сегодня дамъ Вамъ и всѣмъ Главнокомандующимъ дополнительныя свѣдѣнія о ходѣ дѣла. Скажите мнѣ пожалуйста, когда выѣхалъ Гучковъ.

Родзянко.

Гучковъ выѣхалъ сегодня ночью изъ Пскова около трехъ часовъ.

О воздержаніи приведенія къ присягѣ въ Псковѣ я сдѣлалъ еще вчера распоряженіе; немедленно сообщу о томъ арміи моего фронта и въ Ставку.

У аппарата былъ кажется князь Львовъ. Желаетъ-ли онъ со мною говорить.

Рузскій.

Николай Владиміровичъ, все сказано. Князь Львовъ ничего добавить не можетъ. Оба мы твердо надѣемся на Божью помощь, на величіе и мощь Россіи и на доблесть и стойкость арміи и, не взирая ни на какія препятствія, на побѣдный конецъ войны. До свиданія.

Родзянко.

Михаилъ Владиміровичъ, скажите для вѣрности, такъ-ли я Васъ понялъ: значитъ, пока все остается по старому, какъ-бы Манифеста не было, а равно и о порученіи князю Львову сформировать Министерство. Что касается Великаго Князя Николая Николаевича, назначеннаго Верховнымъ Главнокомандующимъ повелѣніемъ Его Величества, отданнымъ вчера отдѣльнымъ Указомъ Государемъ Императоромъ, то объ этомъ желалъ-бы знать также Ваше мнѣніе. Объ этихъ Указахъ сообщено было вчера очень широко по просьбѣ депутатовъ, даже въ Москву и конечно на Кавказъ.

Рузскій.

Сегодня нами сформировано правительство съ княземъ Львовымъ во главѣ, о чемъ всѣмъ командующимъ фронтами посланы телеграммы. Все остается въ такомъ видѣ: Верховный Совѣтъ, отвѣтственное Министерство и дѣйствія законодательныхъ палатъ до разрѣшенія вопроса о конституціи Учредительнымъ Собраніемъ.

Противъ распространенія указовъ о назначеніи Великаго Князя Николая Николаевича Верховнымъ Главнокомандующимъ ничего не возражаемъ. До свиданія.

Родзянко.

Скажите, кто во главѣ Верховнаго Совѣта.

Рузскій.

Я ошибся, не Верховный Совѣтъ, а Временный комитетъ Государственной Думы подъ моимъ предсѣдательствомъ.

Родзянко.

Хорошо, до свиданія, не забудьте сообщить въ Ставку, ибо даль-

нѣйшіе переговоры должны вестись въ Ставкѣ, а мнѣ надо сообщать только о ходѣ и положеніи дѣлъ.

Рузскій.

3 Марта 1917 г. 6 час.

Примѣчанія ген. Н. П. Рузскаго.

а) А кто хуже видѣлъ? Когда Петроградъ былъ въ моемъ вѣдѣніи я зналъ настроеніе города. Можно было знать, кому слѣдовало. А наоборотъ, послѣ изъятія Петроградскаго округа отъ меня, до сегодняшняго дня этого не было сдѣлано. А нѣкоторые члены Государственной Думы и общественные дѣятели преступно закрывали глаза, потомъ вели рискованную игру, а затѣмъ, по слабости выпустили изъ рукъ, что само къ нимъ попало.

б) Нельзя смѣшивать кругъ дѣятельности этихъ учрежденій. По истинѣ, если Богъ захочетъ наказать, то прежде всего разумъ отниметъ.

Н. Рузскій. Псковъ.

№ 47. Телеграмма. Главнокомандующимъ фронтами.

Предсѣдатель Государственной Думы, Родзянко, убѣдительно проситъ задержать всѣми мѣрами и способами объявленіе того Манифеста, который сообщенъ этой ночью, въ виду особыхъ условій, которыя я Вамъ сообщу дополнительно. Прошу сдѣлать распоряженіе, ознакомивъ съ Манифестомъ только старшихъ начальствующихъ лицъ. Прошу отвѣта.

3 Марта. 1917 г. 6 час. 45 мин. 1913.

Алексѣевъ.

№ 48. Телеграмма. Командующимъ 1, 5, 12 арміями, Командиру 42 корпуса. Копія Снабсѣву, Комфлоту Балтійскаго моря, Генкварверх.

Приказываю, во что-бы то ни стало пріостановить распространеніе разосланнаго ночью Манифеста и во всякомъ случаѣ не выполнять приведенія къ присягѣ.

3 Марта 1917 г. 8 час. 15 мин.

Рузскій.

№ 49. Телеграмма. Главкосѣв, Главкозап, Главкоюз, Поглавкорум. Дополненіе 1913. 3 Марта 1917 г. 6 часовъ.

Предсѣдатель Государственной Думы, вызвавъ меня по аппарату, сообщилъ, что событія Петроградѣ далеко не улеглись, положеніе тревожно, неясно, почему настойчиво проситъ не пускать въ обращеніе Манифеста, подписаннаго 2 Марта, сообщеннаго уже Главнокомандующимъ, или задержать обнародованіе этого Манифеста.

Причина такого настоянія болѣе ясно и опредѣленно изложена предсѣдателемъ Думы разговорѣ по аппарату съ Главкосѣвомъ; копія этого разговора только что сообщена мнѣ. Съ регентствомъ Великаго Князя и воцареніемъ Наслѣдника Цесаревича, говоритъ Родзянко, быть можетъ помирились-бы, но кандидатура Великаго Князя, какъ Императора, ни для кого непріемлема и возможна гражданская война.

На запросъ, почему депутаты, присланные въ Псковъ для рѣшенія этого именно вопроса, не были достаточно инструктированы, Родзянко отвѣтилъ Главкосѣву, что неожиданно, послѣ, повидимому, отъѣзда депутатовъ, въ Петроградѣ вспыхнулъ новый солдатскій бунтъ; къ солдатамъ присоединились рабочіе, анархія дошла до своего апогея. Послѣ долгихъ переговоровъ съ депутатами отъ рабочихъ, удалось къ ночи 2 Марта придти къ нѣкоторому соглашенію, суть коего: черезъ нѣкоторое время, не ранѣе полугода, собрать Учредительное Собраніе для опредѣленія формы правленія. До того времени власть сосредоточивается въ рукахъ Временнаго комитета Государственной Думы, отвѣтственнаго Министерства, уже сформированнаго, при дѣйствіи обѣихъ законодательныхъ палатъ. Родзянко мечтаетъ и старается убѣдить, что при такой комбинаціи возможно успокоеніе, рѣшительная побѣда обезпечена, произойдетъ подъемъ патріотическаго чувства, все заработаетъ усиленнымъ темпомъ.

Нѣкоторыя полученныя свѣдѣнія указываютъ, что Манифестъ уже получилъ извѣстность, мѣстами распубликованъ, вообще немыслимо удержать въ секретѣ высокой важности актъ, предназначенный для общаго свѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что между подписаніемъ акта и обращеніемъ Родзянко ко мнѣ прошла цѣлая ночь.

Изъ совокупности разговоровъ предсѣдателя Думы съ Главкосѣвомъ и мною позволительно придти къ выводамъ:

Первое — Государственной Думѣ и ея Временномъ комитетѣ нѣтъ единодушія. Лѣвыя партіи, усиленныя Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, пріобрѣли сильное вліяніе.

Второе — на предсѣдателя Думы и Временнаго комитета, Родзянко,

лѣвыя партіи и рабочіе депутаты оказываютъ сильное давленіе, и въ сообщеніяхъ Родзянко нѣтъ искренности и откровенности.

Третье — цѣли господствующихъ надъ предсѣдателемъ партій ясно опредѣлились изъ вышеприведенныхъ пожеланій Родзянко.

Четвертое — войска Петроградскаго гарнизона окончательно распропагандированы рабочими депутатами и являются вредными и опасными для всѣхъ, не исключая умѣренныхъ элементовъ Временнаго комитета.

Очерченное положеніе создаетъ грозную опасность болѣе всего для дѣйствующей арміи, ибо неизвѣстность, колебанія, отмѣна уже объявленнаго Манифеста могутъ повлечь шатаніе умовъ въ войсковыхъ частяхъ и тѣмъ разстроить способность борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, а это ввергнетъ Россію безнадежно въ пучину крайнихъ бѣдствій, повлечетъ потерю значительной части территоріи и полное разложеніе порядка въ тѣхъ губерніяхъ, которыя останутся за Россіей, попавшей въ руки крайнихъ лѣвыхъ элементовъ.

Получивъ отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича повелѣніе въ серьезныхъ случаяхъ обращаться къ Нему срочными телеграммами, доношу Ему все это, и спрашиваю указаній, присовокупляя:

Первое — суть настоящаго заключенія сообщить предсѣдателю Думы и потребовать осуществленіе Манифеста во имя Родины и дѣйствующей арміи.

Второе — для установленія единства во всѣхъ случаяхъ и всякой обстановкѣ созвать совѣщаніе Главнокомандующихъ въ Могилевѣ.

Если на это совѣщаніе изволитъ прибыть Верховный Главнокомандующій, то срокъ будетъ указанъ Его Высочествомъ. Если-же Великій Князь не сочтетъ возможнымъ прибыть, то собраться 8 или 9 Марта. Такое совѣщаніе тѣмъ болѣе необходимо, что только что получилъ полуоффиціальный разговоръ по аппарату между чинами морского Главнаго Штаба, суть коего: обстановка Петроградѣ 2 Марта значительно спокойнѣе, постепенно все налаживается, слухи о рѣзнѣ солдатами офицеровъ — сплошной вздоръ, авторитетъ Временнаго правительства, повидимому, силенъ, слѣдовательно основные мотивы Родзянки могутъ оказаться не вѣрными и направленными къ тому, чтобы побудить представителей дѣйствующей арміи неминуемо присоединиться къ рѣшенію крайнихъ элементовъ, какъ къ факту совершившемуся и неизбѣжному.

Коллективный голосъ высшихъ чиновъ арміи и ихъ условія должны, по моему мнѣнію, стать извѣстными всѣмъ и оказать вліяніе на ходъ событій.

Прошу высказать Ваше мнѣніе, быть можетъ Вы сочтете нужнымъ запросить и командующихъ арміями, равно сообщить, признаете-ли соотвѣтственнымъ съѣздъ Главнокомандующихъ въ Могилевѣ.

1918. Генералъ Алексѣевъ.

Примѣчаніе.

По словамъ ген. Лукомскаго (Архивъ Русской революціи, т. III, стр. 269.), генералъ-адъютантъ Алексѣевъ, передавъ для отправки эту телеграмму, проходя къ себѣ въ кабинетъ сказалъ: «Никогда себѣ не прощу, что повѣрпвъ искренности нѣкоторыхъ людей, послушался ихъ, и послалъ телеграмму Главнокомандующимъ по вопросу объ отреченіи Государя отъ Престола». (ред.)

№ 50. Телеграмма. Ставка. Наштаверх. 1918.

Первое — считаю необходимымъ объявленіе Манифеста ибо скрыть его нельзя, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ Ревелѣ, онъ уже объявленъ. Присяга только по выходѣ акта о вступленіи на Престолъ.

Второе — потребовать отъ новаго правительства воззванія къ арміи и населенію.

Третье — для установленія единства дѣйствій необходимо, чтобы штабъ Верховнаго Главнокомандующаго былъ въ полномъ контактѣ съ правительствомъ и чтобы только Ставка, а не органы правительства, давала необходимыя и своевременныя указанія Главнокомандующимъ фронтами.

Четвертое — для установленія успокоенія Главнокомандующіе должны оставаться на мѣстахъ.

Это единственная авторитетная власть на мѣстахъ, къ помощи которой всѣ обращаются. Во всякомъ случаѣ до фактическаго вступленія въ Главнокомандованіе Великаго Князя, сборъ Главнокомандующихъ несоотвѣтственъ.

Пятое — Командующимъ арміями обстановка внутри Имперіи мало извѣстна, поэтому запрашивать ихъ мнѣніе считаю лишнимъ.

3 Марта 1917 г. 16 час. 1254. Рузскій.

Примѣчаніе генерала Рузскаго:

Обстановка мало извѣстна и Главкосѣву, благодаря непростительной замкнутости Государственной Думы и правительствъ стараго и новаго.

Рузскій.

№ 51. Телеграмма. Командарм 1,5,12, Конкору 42, копія, Комфлоту Балт. Генкварверх.

Для оріентировки сообщаю, что въ ночь на сегодня внѣ зависимости отъ Манифеста, который къ тому времени еще не получилъ распространенія въ Петроградѣ, въ столицѣ возникло народное возстаніе, принявшее широкій размѣръ съ предъявленіемъ крайнихъ требованій. Волненіе удалось прекратить сборомъ учредительнаго собранія, на которомъ будетъ обсуждено дальнѣйшее положеніе. Это и есть основная причина необходимости задержки манифеста. Правительство подъ предсѣдательствомъ князя Львова сформировано и вступило въ дѣйствіе. Указы о назначеніи предсѣдателемъ Совѣта Министровъ кн. Львова и Верховнымъ Главнокомандующимъ Великаго Князя Николая Николаевича остаются въ силѣ. Требую отъ васъ и всѣхъ начальниковъ именемъ нашего общаго дѣла, заключающагося въ достиженіи побѣды надъ непріятелемъ, проявленія высшей энергіи для сохраненія спокойствія во ввѣренныхъ вамъ арміяхъ и ихъ боеспособности. Это самое главное и всякій для достиженія этой цѣли готовъ на подвигъ самоотверженія.

Псковъ. 3 Марта 1917 г. 9 час. 1247. Рузскій.

№ 52. Телеграмма. Псковъ. Генералъ-Адъютанту Рузскому.

До насъ дошли свѣдѣнія о крупныхъ событіяхъ. Прошу Васъ не отказать повергнуть къ стопамъ Его Величества безграничную преданность гвардейской кавалеріи и готовность умереть за своего обожаемаго Монарха.

Генералъ-Адъютантъ Ханъ-Нахичеванскій.

2370. 3 Марта 1917 г.

№ 53. Запись съ ленты прямого провода: разговоръ начальника штаба Сѣвернаго фронта съ генералъ-квартирмейстеромъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго. 4 Марта 1917 г. 17 час.

Здравствуйте Александръ Сергѣевичъ. Можно ли говорить.

Даниловъ.

Пожалуйста, прошу, здравствуйте Юрій Никифоровичъ.

Лукомскій.

При осуществленіи телеграммы № 1943 у меня возникаютъ нѣ-

сколько сомнѣній, которыя я прошу разрѣшить въ виду отвѣтственности, связанной съ осуществленіемъ названной телеграммы:

Первое — телеграмма № 1943 начинается сообщеніемъ, что актъ объ отреченіи отъ престола Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая II переданъ Глакосѣву въ дополненіе къ телеграммѣ № 1908. На этой телеграммѣ это дополненіе къ ней Главкосѣву сообщено не было. Нахожу необходимымъ, чтобы актъ отреченія, о которомъ идетъ рѣчь, для провѣрки былъ переданъ намъ цѣликомъ, не исключая заголовка подобно тому, какъ таковой имѣется въ Манифестѣ Великаго Князя Михаила Александровича.

Второе — только что получена телеграмма отъ Главкозапа съ сомнѣніями по поводу манифеста Великаго Князя Михаила Александровича, ибо онъ не скрѣпленъ. Это сомнѣніе или вѣрнѣе этотъ пробѣлъ бросился и мнѣ въ глаза.

Третье — при существованіи акта Великаго Князя Михаила Александровича возникаетъ несогласованность съ положеніемъ дѣла, имѣющемся въ приказѣ Верховнаго Главнокомандующаго по арміи и флоту, а именно въ словахъ: «Вы готовы отдать на благо Россіи и престола». Эти слова могутъ породить массу недоразумѣній, посему не лучше-ли упомянутый приказъ номеръ первый при дѣйствительномъ наличіи манифеста Великаго Князя Михаила Александровича не опубликовывать впредь до выясненія этого недоразумѣнія. Прошу соотвѣтствующихъ разъясненій.

Даниловъ.

Долженъ сказать, что ссылку на телеграмму 1908 для Сѣвернаго фронта помѣстили неудачно, ибо въ этой телеграммѣ, т. е. № 1908 сказано «Отъ Наштасѣва мною получена слѣдующая телеграмма» и дальше идетъ изложеніе твоей телеграммы отъ третьяго Марта 1244 за твоей подписью и дальше идетъ указаніе отъ ген. Алексѣева о срочной ее передачѣ во всѣ арміи и начальникамъ главныхъ военныхъ округовъ, входящихъ въ составъ фронта, и еще дальше указано, что по полученіи по телеграфу Манифеста, таковой долженъ быть безотлагательно переданъ во всѣ арміи по телеграфу и разосланъ въ части войскъ. Эта телеграмма № 1908 недавно передана въ твой штабъ.

Лукомскій.

Я говорю не о телеграммѣ № 1908, а о дополненіи къ ней, въ которомъ былъ очевидно переданъ текстъ Манифеста и прошу о передачѣ

обратной этого текста мнѣ въ цѣляхъ провѣрки. Извиняюсь, что перебилъ и слушаю дальше.

Данилов̈ъ.

Дополненіе телеграммѣ № 1908 именно составляетъ текстъ Манифеста, который былъ полученъ по телеграфу отъ васъ. Нужно-ли его повторять, ибо измѣненій тамъ нѣтъ.

Лукомскій.

Что касается вопроса о разногласіи между приказомъ номеръ первый и Манифестомъ Великаго Князя Михаила Александровича, то на первый взглядъ, конечно бросается въ глаза слово «престолъ», то надо имѣть въ виду, что этотъ приказъ Верховнаго Главнокомандующаго отданъ до полученія имъ текста Манифеста Великаго Князя Михаила Александровича. Кромѣ того въ этомъ приказѣ можно было-бы этого слова не помѣщать, ибо по существу, соглашаясь на Манифестъ Великаго Князя и ему покоряясь мы слушаемъ голосъ, исходящій съ высоты престола. Что касается возможности не опубликовать приказъ первый, то это недопустимо, но только конечно его надо пустить впередъ. Наштаверхъ, если-бы была малѣйшая возможность, конечно подождалъ-бы изъ Петрограда письменнаго текста Манифеста Михаила Александровича и задержалъ-бы объявленіе его до тѣхъ поръ, пока не получится черное по бѣлому. Но съ другой стороны передавалъ текстъ Манифеста Родзянко и подтвержденъ онъ Гучковымъ, а съ другой стороны вечеромъ получены были свѣдѣнія, что Балтійскій флотъ окончательно взбунтовался и, повидимому, причина произошла отъ того, что случилась проволочка въ объявленіи перваго Манифеста объ отреченіи. Это и побудило Наштаверха отдать указаніе о необходимости Манифестъ объявить и объ этомъ донесено Верховному Главнокомандующему. Прошу отвѣтить будутъ-ли при этихъ условіяхъ Главкосѣвомъ объявлены Манифесты.

Лукомскій.

Главкосѣвъ еще спитъ, я его не будилъ до выясненія всѣхъ недоразумѣній, теперь разбужу и послѣ ознакомленія его съ матеріаломъ протелеграфирую тебѣ. Желалъ-бы знать рѣшеніе Главкозапа, если оно у тебя есть. Затяжка въ опубликованіи Манифеста очень невыгодна.

Данилов̈ъ.

Главкозапъ не хочетъ публиковать до тѣхъ поръ, пока не получитъ

рѣшенія объ этомъ вопросѣ отъ всѣхъ прочихъ фронтовъ. Дабы тебѣ вполнѣ освѣтить я передаю тебѣ текстъ разговора, какъ онъ меня о томъ сейчасъ просилъ. *) Этотъ разговоръ только что мнѣ подали равно и заключеніе по этому.

Лукомскій.

Не безпокойся, я думаю, что Главкосѣвъ выскажется за объявленіе Манифеста при единогласіи съ Главнокомандующимъ Западнымъ фронтомъ и Компфлота Балтійскаго, ибо ты хорошо понимаешь наше географическое положеніе въ отношеніи Балтійскаго флота. Нѣтъ-ли у тебя заключенія Компфлота, которое обязательно нужно. Кромѣ того считаю служебнымъ долгомъ отмѣтить, что войскамъ трудно будетъ разобраться въ тонкомъ сличеніи времени отдачи приказа Верховнаго и Манифеста Великаго Князя Михаила Александровича, ибо оба документа помѣчены третьимъ Марта; получается безусловное впечатлѣніе несогласованности очень тяжкое въ такомъ государственной важности и деликатномъ для совѣсти каждаго вопросѣ. Прошу это мое мнѣніе доложить Наштаверху, причемъ время этого доклада предоставляю тебѣ, мое дѣло отмѣтить.

Даниловъ.

Прошу сообщить нѣтъ ли у тебя рѣшенія Компфлота, ибо съ нимъ говорить, вѣроятно, трудно и долго, а между тѣмъ это существенно въ отношеніи насъ и его.

Даниловъ.

Манифесты Компфлоту Балтійскому только сейчасъ закончены передачей и поэтому, конечно, отвѣта дать пока не могу, но не сомнѣваюсь въ томъ, что Манифесты будутъ объявлены. Сейчасъ адмиралъ Непенинъ сообщаетъ, что путемъ уговора и при помощи Юзограммъ Министра Юстиціи Керенскаго удалось прекратить кровопролитіе и безпорядокъ. Линейные корабли «Павелъ» и «Андрей» еще во власти командъ. Свѣдѣній о крейсерѣ «Россія» онъ еще не имѣетъ. Окончательно возстановленъ порядокъ въ Ревелѣ. Вотъ все, что извѣстно. Буду ждать отвѣта.

Лукомскій.

---

*) *Примѣчаніе.*

Въ копіи, по необъяснимой причинѣ пропущенъ текстъ разговора.

Примѣчаніе это, слѣдуетъ думать, сдѣлано ген. Рузскимъ, но подписи его нѣтъ. (ред.)

№ 54. Телеграмма. Главкозап, Комфлот Балтійскаго, Наштаверх.

Отдаются распоряженія объ опубликованіи актовъ: перваго — объ отреченіи Государя Императора Николая II и втораго — Манифестъ Великаго Князя Михаила Александровича, а также о разсылкѣ войскамъ приказа Верховнаго Главнокомандующаго за номеромъ первымъ.

4 Марта 1917 г. 6 час. 10 мин. 1271

Рузскій.

№ 55. Запись съ ленты прямого провода: разговоръ между генералъ-адъютантомъ Н. В. Рузскимъ и М. В. Родзянко. 18 Марта 1917 г.

У аппарата ген. Рузскій.

Здравствуйте Михаилъ Владимировичъ. Вотъ о чемъ я хотѣлъ съ Вами поговорить. Въ различныхъ газетахъ упоминается о Временномъ правительствѣ, сочетаемомъ съ Совѣтомъ Министровъ. Въ «Утрѣ Россіи» отъ 16 Марта даже прямо сказано дословно: опубликовано постановленіе Верховнаго правительства именовать впредь до установленія постояннаго правительства Совѣтъ Министровъ — Временнымъ Правительствомъ. У гражданъ тоже замѣтно шатанье въ пониманіи того, что слѣдуетъ считать Временнымъ Правительствомъ. По моему представленію вопросъ является яснымъ, что правительство составляетъ Временный Комитетъ изъ состава членовъ Думы, являющихся избранниками народа, а Совѣтъ Министровъ съ Министромъ президентомъ кн. Львовымъ во главѣ есть исполнительный органъ.

Неустойчивости въ опредѣленіи нынѣ существующаго управленія государствомъ, мнѣ кажется, способствуетъ отчасти то обстоятельство, что во всей прессѣ преимущественно говорится лишь о Совѣтѣ Министровъ и его отдѣльныхъ членахъ и совершенно не упоминается временный исполнительный комитетъ изъ членовъ Думы. Что Вы на это скажете?

Рузскій.

Здравствуйте Николай Владиміровичъ. Охотно даю Вамъ разъясненіе. Подъ понятіемъ Временное правительство надобно понимать Совѣтъ Министровъ, который и есть исполнительный органъ и которому Временный комитетъ Государственной Думы делегировалъ отъ имени народнаго представительства полноту власти. Временный комитетъ

Государственной Думы является органомъ высшаго контроля надъ дѣйствіями исполнительной власти и, въ случаѣ удаленія отъ власти кого либо изъ господъ Министровъ — замѣняетъ таковыхъ. Такимъ образомъ подъ Временнымъ правительствомъ слѣдуетъ, очевидно, понимать Совѣтъ Министровъ что подтверждается актомъ отреченія Великаго Князя Михаила Александровича. Такимъ образомъ никакой неустойчивости нѣтъ. Временное правительство носитъ въ себѣ исполнительную и отчасти и законодательную власть по соглашенію съ Временнымъ комитетомъ Государственной Думы.

Родзянко.

Во всякомъ случаѣ долженъ Вамъ сказать, что неустойчивость существуетъ и мнѣ приходилось говорить съ лицами вполнѣ солидными и уравновѣшанными, которыя категорически высказывались, что по ихъ пониманію высшимъ нынѣшнимъ правительствомъ является комитетъ Государственной Думы. Съ этимъ вопросомъ связана также и присяга. Мнѣ кажется, что слѣдовало-бы какимъ либо актомъ разъяснить, чтобы не было бы поводовъ для какихъ либо кривотолковъ. Что у Васъ дѣлается. Я имѣю свѣдѣнія, что до полнаго успокоенія не дошло.

Рузскій.

Я переговорю о Вашихъ сомнѣніяхъ съ кн. Львовымъ, но на дняхъ выйдетъ въ печати журналъ о нашихъ засѣданіяхъ передъ образованіемъ Временнаго правительства или Совѣта Министровъ и тогда все разъяснится. Я прошу Васъ, однако придерживаться вышеизложеннаго моего толкованія о распредѣленіи власти. У насъ въ Петроградѣ сравнительно спокойно. Хотя, конечно, до полнаго успокоенія не дошло еще далеко, во всякомъ случаѣ замѣчается отрезвленіе даже во флотѣ въ Кронштадтѣ. Толпы запасныхъ частей приходятъ постепенно въ порядокъ и отношеніе къ офицерамъ, хотя съ трудомъ, но налаживается. Будемъ надѣяться, что съ теченіемъ времени пойдетъ все лучше.

Родзянко.

№ 56. Телеграмма. Секретно. Главкосѣв, Главкозап, Главкоюз, Поглаврум, Особой Кав. арм. ген. Юденичу.

Временное правительство прежде чѣмъ окончательно рѣшить вопросъ объ утвержденіи Верховнымъ Главнокомандующимъ генерала

Алексѣева обращается къ Вамъ съ просьбой сообщить вполнѣ откровенно незамедлительно ваше мнѣніе объ этой кандидатурѣ. 742.

Военный Министръ Гучковъ.

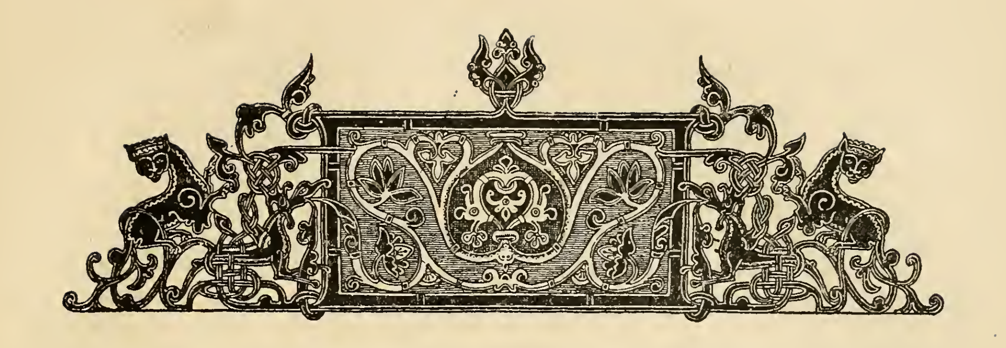
20 Марта 1917 г.

№ 57. Телеграмма. Петроградъ. Военному Министру.

По моему мнѣнію выборъ Верховнаго долженъ быть сдѣланъ волею правительства. Принадлежа къ составу дѣйствующей арміи высказываться по этому вопросу считаю для себя невозможнымъ.

21 Марта 1917 г. 18 час. 1571.

Рузскій.

ПРЕБЫВАНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ВЪ ПСКОВѢ 1 И 2 МАРТА 1917 ГОДА.

(По разсказу Генералъ-Адъютанта Н. В. Рузскаго).

Предлагаемыя читателю ниже страницы навѣяны воспоминаніемъ о бесѣдахъ съ покойнымъ генералъ-адъютантомъ Н. В. Рузскимъ, которыя мнѣ пришлось вести за время съ Октября 1917 года почти по день его ареста большевиками въ Сентябрѣ 1918 г.

Въ началѣ Н. В. Рузскій избѣгалъ говорить о первыхъ дняхъ революціи, но послѣ того, какъ въ Ростовѣ М. В. Алексѣевъ объявилъ о созданіи Добровольческой Арміи и мы, живя на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, оказались отрѣзанными отъ всего міра, Рузскій сталъ опасаться, что событія пойдутъ такъ, что ему не удастся въ печати объяснить свою роль въ трагедіи отреченія и что пущенная на его счетъ, какъ онъ подъ честнымъ словомъ завѣрялъ, клевета, будтобы онъ неприлично велъ себя по отношенію къ Государю, перейдетъ въ исторію. Онъ началъ часто говорить о событіяхъ Марта 1917 года, сначала разсказывая отдѣльные эпизоды, а затѣмъ, когда Ессентуки были уже заняты большевиками, однажды, въ сумеркахъ пришелъ ко мнѣ и спросилъ согласенъ-ли я взять на храненіе важные документы, вывезенные имъ изъ Пскова. На другой день онъ принесъ эти документы, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ читалъ ихъ, сопровождая своими коментаріями и еще разъ спросивъ, согласенъ-ли я ихъ хранить, въ виду того, что онъ ежечасно ожидалъ обысковъ и ареста, сказалъ: «Я нарочно спрашиваю еще разъ, возьмете-ли Вы ихъ, послѣ того, что я все Вамъ разсказалъ и прочелъ. Я знаю Ваше отношеніе къ Государю и Императрицѣ и потому оставлю Вамъ все это только, если Вы те-

перь вѣрите мнѣ, что я передъ Ними виноватъ не болѣе, чѣмъ другіе Главнокомандующіе и во всякомъ случаѣ менѣе, чѣмъ Алексѣевъ. Я знаю, что обо мнѣ говорятъ и при этомъ ссылаются на слова самого Государя. Даю Вамъ слово на этомъ крестѣ (онъ носилъ ленточку ордена Св. Георгія), что это гнусная клевета и на меня и на Государя».

Документы остались у меня, были зарыты и несмотря на безчисленные обыски не были найдены большевиками.

Въ Кисловодскѣ и Ессентукахъ Н. В. Рузскій обдумывалъ планъ работы по описанію Мартовскихъ дней. Отъ политики онъ совершенно устранился. Два дня «политической дѣятельности поневолѣ» отравили остатокъ его жизни.

Большевики не поняли отчего онъ спокойно продолжаетъ жить подъ ихъ властью послѣ занятія Кавказскихъ «группъ» и не пытается бѣжать. Они долго не трогали его и, наконецъ, рѣшили, что, если онъ не съ Добровольческой Арміей, то значитъ сочувствуетъ имъ и предложили командовать войсками Сѣвернаго Кавказа. Онъ выслушалъ ихъ предложенія вмѣстѣ съ ген. Радко Дмитріевымъ и оба отказались: одинъ — сославшись на свою Болгарскую національность, другой — отвѣтивъ, что у него не подымается рука на междуусобицу. Черезъ мѣсяцъ оба были арестованы, а еще черезъ шесть недѣль мученически кончили свою жизнь вмѣстѣ съ Руxловымъ, Добровольскимъ и другими 136 лицами, зарубленные надъ заранѣе вырытыми могилами въ ненастную Октябрьскую ночь палачемъ матросомъ на Пятигорскомъ кладбищѣ.

За нѣсколько дней до ареста Н. В. Рузскій, увѣренный, что большевики оставили его въ покоѣ, взялъ обратно документы, сказавъ, что думаетъ «намѣтить вѣхи» для своихъ воспоминаній, для чего ему необходимы эти бумаги.

«Если мнѣ это не удастся, то обѣщайте мнѣ эти документы опубликовать и скажите то, что я Вамъ о нихъ говорилъ». Съ этими словами онъ ушелъ и болѣе я его не видѣлъ.

Въ Январѣ 1919 года, мнѣ удалось, съ разрѣшенія вдовы Н. В. Рузскаго, снять списки съ одной изъ уцѣлѣвшихъ копій этихъ документовъ, которыя были сдѣланы въ четырехъ экземплярахъ и хранились у разныхъ лицъ. Я хотѣлъ исполнить волю погибшаго, но меня опередили опубликованіемъ документовъ. Мнѣ остается дополнить ихъ нѣсколькими непоявившимися въ «Архивѣ русской революціи» и разсказать то, что мнѣ разсказалъ погибшій мученической смертью отъ руки палача герой Львова и Бзуры.

---

27 Февраля, въ то время, когда въ Петроградѣ, въ зданіи Государственной Думы собрался уже на организаціонное собраніе Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, въ то время, когда Предсѣдатель Думы передалъ делегаціи солдатъ постановленіе старѣйшинъ ея, въ которомъ говорилось, что «основнымъ лозунгомъ момента является упраздненіе старой власти», въ то время, когда подъ предсѣдательствомъ Родзянко по предложенію Дзюбинскаго, обсуждался вопросъ объ организаціи Временнаго Комитета Государственной Думы — Главнокомандующій Сѣвернымъ фронтомъ получилъ отъ Родзянко первую телеграмму о томъ, что дѣлается въ Петроградѣ (собр. № 1), а Государь получилъ телеграмму имъ-же подписанную — «Положеніе ухудшается. Надо принять немедленныя мѣры, ибо завтра будетъ уже поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и Династіи».

Въ помѣткѣ къ телеграммѣ, полученной Н. В. Рузскимъ, уже видно скептическое отношеніе къ громкимъ фразамъ автора телеграммы и подозрѣніе въ томъ, что ему умышленно не сообщили о ходѣ событій. Петроградъ незадолго передъ этимъ былъ изъятъ изъ сферы подчиненія Сѣверному фронту; какъ видно дальше его оставляли безъ извѣстій и Петроградъ и Ставка.

Петровская фраза «промедленіе смерти подобно» такъ, повидимому, нравилась Родзянкѣ, что онъ ею закончилъ и свою первую телеграмму Государю и первую телеграмму генералу Рузскому. Та же мысль о немедленномъ порученіи составить новое правительство (неназванному) лицу, «которому можетъ вѣрить вся страна» повторяется также въ обѣихъ телеграммахъ, но въ той, которая послана Государю и должна была вызвать немедленное его рѣшеніе, нѣтъ тѣхъ подробностей, какія находимъ въ телеграммѣ къ генералу Рузскому, отъ коего рѣшеніе, конечно, не зависѣло. Генералъ Рузскій беретъ на себя тяжелую задачу освѣдомить Государя о полученной имъ телеграммѣ и сопровождаетъ ея текстъ своими дополненіями. Рузскій ни слова не говоритъ объ «единственномъ выходѣ на свѣтлый путь», который навязываетъ Государю Родзянко, уже вставшій во главѣ революціоннаго движенія. Рузскій остается солдатомъ; онъ ясно и откровенно доноситъ о положеніи вещей въ арміи; говоритъ о желѣзнодорожной неурядицѣ, рекомендуетъ принять мѣры теперь-же, ибо успокоеніе тыла дастъ бодрость фронту, и предостерегаетъ отъ репрессій, какъ отъ палліатива, всегда, по его мнѣнію, недостаточнаго. Н. В. Рузскій, какъ и всѣ либерально мыслящіе люди, считалъ, что репрессіи только обостряютъ положеніе и полагалъ, что дарованіе отвѣтственнаго Министерства сразу и на долго успокоитъ Россію, отнявъ отъ ре-

волюціонныхъ партій могучее агитаціонное средство. Поэтому онъ былъ противъ посылки отряда генерала-адъютанта Иванова.

Изъ этой телеграммы видно, какъ относился 27 Февраля генералъ Рузскій къ событіямъ и какъ онъ, зная, что творилось въ Петроградѣ, лишь по скуднымъ свѣдѣніямъ телеграммы Родзянко, остановился на сущности вопроса и прошелъ съ презрительной усмѣшкой мимо тѣхъ цвѣтовъ краснорѣчія, которыми въ Думѣ увлекался и имѣлъ успѣхъ ея предсѣдатель.

Слѣдующая телеграмма, полученная въ тотъ-же день въ Псковѣ, была отъ военнаго Министра (док. № 3). Это была копія одной изъ ряда противорѣчивыхъ телеграммъ, отправленныхъ имъ за эти дни въ Ставку. Еще до полученія ея въ Могилевѣ, генералъ Алексѣевъ вызвалъ по прямому проводу начальника штаба Сѣвернаго фронта генерала Данилова и лично говорилъ съ нимъ, чтобы оріентировать Псковъ о назначеніи, полученномъ генералъ-адъютантомъ Ивановымъ и, чтобы дать соотвѣтственное распоряженіе о поддержкѣ его. Растерянность генерала Хабалова была уже ясна Алексѣеву. Но еще ни въ Ставкѣ, ни въ Псковѣ не понимали, что прошло уже три дня, какъ столица была въ анархіи и Дума возглавляла революцію.

Какъ видно изъ документа № 5, въ Ставкѣ телеграмма Хабалова о безпорядкахъ въ Петроградѣ, была получена еще 26 Февраля около двухъ часовъ дня. Въ этой телеграммѣ доносилось о событіяхъ 25-го Февраля. Вечеромъ 26 Февраля въ Ставкѣ была получена телеграмма отъ Родзянки, сообщавшаго о стихійномъ характерѣ безпорядковъ. Напротивъ того 27 Февраля военный Министръ сначала телеграфировалъ, что начавшіяся въ нѣкоторыхъ частяхъ волненія твердо и энергично подавляются и выражалъ увѣренность въ скоромъ наступленіи успокоенія, а потомъ сообщалъ изложенное въ документѣ № 3. Въ то же время Родзянко извѣщалъ о военномъ бунтѣ, а Хабаловъ давалъ его подробности и просилъ поддержки съ фронта.

Обо всемъ этомъ Ставка не увѣдомила генерала Рузскаго тотчасъ по полученіи свѣдѣній, а лишь 28-го Февраля вечеромъ разослала циркулярную телеграмму всѣмъ Главнокомандующимъ, гдѣ говорится уже и о полученіи частныхъ свѣдѣній, о создавшемся Временномъ революціонномъ правительствѣ, объ отъѣздѣ Государя и о телеграммахъ, полученныхъ отъ генераловъ Хабалова и Бѣляева въ теченіе дня 28-го Февраля. Въ этихъ телеграммахъ отъ 28 Февраля Хабаловъ сообщалъ, что онъ порядокъ возстановить не можетъ, что вѣрныя части понесли огромныя потери, что ихъ всего осталось около тысячи человѣкъ, а Бѣляевъ доносилъ, что мятежниками занятъ Маріинскій Дворецъ; по-

слѣдняя телеграмма Хабалова говорила, что онъ на событія «фактически влiять не можетъ».

Въ это время Государь уже былъ на пути въ Царское Село. Все это Рузскiй узналъ лишь поздно вечеромъ 28 Февраля уже послѣ того, что ему была дотавлена телеграмма Бубликова (док. № 6).

Въ этой телеграммѣ отъ имени Родзянко говорилось, что старая власть создала разруху и безсильна и Государственная Дума беретъ въ свои руки созданiе новой власти. Телеграмма эта, обращенная къ желѣзнодорожникамъ, имѣла результатомъ остановку Императорскаго поѣзда въ Малой Вишерѣ.

Въ то же время телеграмма изъ Ставки (док. № 7) говорила, какъ будто, о возстановленiи порядка и трактовала Петроградскiя событiя очень спокойно, а самовольно захватившiе въ руки власть люди именовались Министрами новаго кабинета. Ставка очевидно признала «новый кабинетъ», тутъ-же давалась и генералу Иванову директива: «доложите Его Величеству убѣжденiе, что дѣло можно привести мирно къ хорошему концу». Эту директиву принялъ къ свѣдѣнiю и Н. В. Рузскiй, но подчеркнулъ въ телеграммѣ слова «это по желанiю народа» и, «если эти свѣдѣнiя вѣрны, то измѣнятся способы нашихъ дѣйствiй». Мы увидимъ, что эта телеграмма имѣла большое влiянiе и на Государя и на Рузскаго. Послѣднiй въ это время, т. е. въ ночь съ 28-го Февраля на 1 Марта, считалъ себя еще совершенно въ сторонѣ отъ событiй въ Петроградѣ и ограничился распоряженiями по составленiю и посылкѣ требовавшихся съ его фронта войскъ для усиленiя отряда генерала Иванова.

Наступилъ день 1-го Марта.

Утромъ Рузскiй получилъ телеграмму Родзянки, извѣщавшую о переходѣ правительственной власти къ Временному Комитету Государственной Думы (док. № 8.). Послѣ завтрака была доставлена телеграмма Дворцоваго Коменданта Воейкова о слѣдованiи Императорскаго поѣзда въ Псковъ.

Обстановка въ глазахъ Н. В. Рузскаго складывалась такъ: въ Петроградѣ образовалось *для возстановленiя государственнаго и общественнаго порядка* новое правительство въ лицѣ Временнаго Комитета Государственной Думы, о чемъ сообщило оффицiально телеграфное агентсво (док. № 11.); военный бунтъ приходитъ къ концу; очевидно этотъ Комитетъ съ нимъ справился и продвиженiе отрядовъ генерала Иванова прiобрѣтало другой характеръ (док. № 7.); правительство это Ставкой признано; члены его извѣстны изъ телеграммы того-же телегр. агентства; нѣсколько смущали лишь имена Чхеидзе и Ке-

ренскаго, но участіе въ кабинетѣ Родзянко, князя Львова, Милюкова и Шульгина давало увѣренность, что это правительство будетъ популярно и не революціонно.

Генералъ Рузскій не понималъ только, отчего Государь, выѣхавъ изъ Ставки въ Царское Село, повернулъ на Псковъ и потому телеграфировалъ въ 13 ч. 45 м. 1 Марта въ Ставку, прося оріентировать его для доклада Государю, въ виду ожидавшагося *прослѣдованія черезъ Псковъ поѣзда Государя.* (док. № 12).

Въ 17 ч. 15 м. генералъ-квартирмейстеръ Ставки Лукомскій отвѣтилъ по прямому проводу (док. № 13), и Рузскій узналъ, что Балтійскій флотъ подчинился Временному Комитету Государственной Думы, что въ Москвѣ и въ Кронштадтѣ безпорядки и что въ Ставкѣ допускаютъ возможность порчи пути передъ Императорскимъ поѣздомъ.

Генералъ Рузскій понялъ, что дѣло болѣе серьезно, чѣмъ казалось до тѣхъ поръ. Было очевидно, что оптимизмъ Ставки за сутки пропалъ и новое правительство съ военнымъ бунтомъ не справилось. Черезъ полчаса, т. е. въ 1 ч. 45 м. генералъ Клембовскій изъ Ставки передалъ по прямому проводу въ Псковъ (док. № 14), что Великій Князь Сергѣй Михайловичъ проситъ доложить Государю тотчасъ по Его прибытіи, что онъ вполнѣ поддерживаетъ мнѣніе генерала Алексѣева, изложенное въ телеграммѣ Государю, которая еще была Рузскому неизвѣстна, и указываетъ, какъ на лицо, могущее все благополучно довести до конца, — на Родзянко. Въ это время Императорскій поѣздъ еще не прибывалъ, но Рузскій изъ штаба, въ городѣ, собирался ѣхать на вокзалъ для встрѣчи. Онъ подошелъ къ аппарату и узналъ, что въ телеграммѣ своей генералъ Алексѣевъ «умолялъ» Государя согласиться на Манифестъ объ отвѣтственномъ Министерствѣ, представляя и его проектъ.

Рузскій выразилъ свое согласіе поддержать ходатайство Алексѣева и Великаго Князя. Текстъ телеграммы былъ полученъ въ Псковѣ лишь въ 11 ч. 30 м. вечера, когда Рузскій былъ уже въ вагонѣ съ докладомъ у Государя, и былъ ему врученъ во время небольшого перерыва доклада, которымъ Государь воспользовался, чтобы послать Ея Величеству телеграмму о своемъ прибытіи въ Псковъ, а Рузскій, чтобы передать приказаніе въ штабъ соединиться съ Родзянко для разговора по прямому проводу съ соизволенія Его Величества.

Императорскій поѣздъ прибылъ послѣ семи часовъ вечера и сталъ рядомъ съ поѣздомъ генерала Рузскаго, куда на все время пребыванія Государя онъ переѣхалъ изъ штаба, приказавъ при себѣ находиться либо генералу Саввичу, либо генералу Данилову. По словамъ Рузска-

го, Государь при встрѣчѣ сохранялъ свое всегдашнее спокойствіе и пригласилъ его къ обѣду. Государь задавалъ обычные вопросы о положеніи Сѣвернаго фронта, о событіяхъ въ Петроградѣ. О пути своемъ до Вишеры и о поворотѣ на Псковъ Его Величество лишь кратко разсказалъ въ моментъ встрѣчи, выслушавъ рапортъ, и сказалъ, что надѣется, наконецъ, все узнать точно отъ Родзянко, который вызванъ въ Псковъ, ибо положеніе настолько серьезно, что онъ выѣхалъ изъ Ставки, чтобы быть ближе къ мѣсту, гдѣ разыгрываются событія и имѣть возможность лично говорить съ нужными людьми и выиграть время. Послѣ этого Рузскій испросилъ у Государя аудіенцію, для важнаго доклада по порученію Алексѣева объ общемъ положеніи вещей еще до пріѣзда Родзянко и Государь назначилъ ему время около девяти часовъ вечера.

Изъ разговоровъ передъ обѣдомъ съ лицами свиты Государя Рузскій вынесъ впечатлѣніе, что они не отдаютъ себѣ отчета въ серьезности положенія. Видимо всѣ ждали, что генералъ Ивановъ, прибывъ въ Царское Село, опираясь на вѣрный гарнизонъ Гатчины и Царскаго Села, усиленный за двѣ недѣли гвардейскимъ экипажемъ, а также на спѣшившія съ фронтовъ бригады, быстро справится съ бунтомъ. Всѣ осуждали неспособность генерала Хабалова и Градоначальника Балка. Обѣдъ прошелъ быстро и Н. В. Рузскій ушелъ въ свой поѣздъ собрать нужныя для доклада бумаги и принять самъ очередной докладъ отъ своего штаба, ибо весь день не видалъ поступавшихъ съ фронта телеграммъ, занятый сначала вопросомъ о посылкѣ поддержки генералу Иванову, а потомъ ожиданіемъ прибытія Императорскаго поѣзда и обдумываніемъ поступавшихъ изъ Ставки и съ тыла извѣстій.

Черезъ часъ Рузскій вернулся въ Императорскій поѣздъ и, встрѣтивъ Дворцоваго коменданта Воейкова, шедшаго къ Государю, просилъ его доложить, что онъ ожидаетъ доклада. Воейковъ оставилъ Рузскаго въ корридорѣ и больше не возвращался. Болѣе получаса ген. Рузскій ждалъ, въ чрезвычайномъ волненіи, ходя по корридору двухъ смежныхъ вагоновъ, и не понимая отчего, всегда столь точный въ пріемѣ докладовъ, Государь его не принимаетъ въ такое время, когда каждый часъ промедленія грозилъ непоправимыми послѣдствіями.

Рузскій зналъ, что Государь считаетъ отвѣтственное передъ палатами Министерство неподходящимъ для Россіи порядкомъ управленія и предвидѣлъ, что ему не легко будетъ доложить Государю о необходимости согласиться на предложенный генераломъ Алексѣевымъ Манифестъ. Что думаетъ дѣлать Государь въ Псковѣ послѣ пріема Родзян-

ки, долго-ли Онъ тутъ останется, куда поѣдетъ, Рузскій не зналъ. (см. док. № 16). Онъ понималъ только, что наступилъ весьма серьезный часъ его жизни, когда изъ Главнокомандующаго фронтомъ, онъ обращался въ чисто политическаго дѣятеля. Рѣшеніе, дѣйствительно огромной исторической важности, зависѣло отъ того доклада, который предстоялъ ему сейчасъ. Одинъ на одинъ съ Государемъ, ему, случайно и недостаточно освѣдомленному, приходилось вліять теперь на ходъ событій, уже не стратегическихъ. Рузскій сожалѣлъ, что не могъ передъ докладомъ переговорить съ кѣмъ-либо изъ свиты Государя, чтобы узнать больше подробностей о происходящемъ въ Петроградѣ, что изъ Ставки не было новыхъ телеграммъ; но попытка его передъ обѣдомъ говорить съ ген. Воейковымъ разбилась объ насмѣшливый тонъ, который ген. Воейковъ принималъ, когда не хотѣлъ высказываться, и Рузскій понялъ, что, въ эти важнѣйшіе въ его жизни минуты, онъ будетъ передъ Государемъ одинъ съ своею совѣстью. Изъ Ставки тоже молчали. Генералъ Алексѣевъ былъ нездоровъ и лично къ аппарату не подходилъ — онъ передалъ дѣло ему въ руки.

Долгое ожиданіе въ корридорахъ поѣзда, гдѣ ничто казалось еще не говорило о грозныхъ событіяхъ и гдѣ шли обычныя приготовленія къ ночи, нервировали Рузскаго. Онъ рѣшилъ пойти въ купэ Воейкова и узнать чѣмъ занятъ Государь и предупрежденъ-ли о его приходѣ съ докладомъ. Войдя въ купэ Воейкова, Рузскій засталъ его развѣшивающимъ на стѣнкахъ какія-то фотографіи. Воейковъ весело встрѣтилъ его словами: «а, Ваше Высокопревосходительство, пожалуйте, садитесь. Хотите чаю или сигарку; устраивайтесь, гдѣ удобнѣе; вотъ я не могу справиться съ этой рамкой, все криво виситъ». Кровь бросилась въ голову Рузскому и онъ, не садясь и сильно повысивъ голосъ, отъ негодованія и волненія, высказалъ Воейкову свое удивленіе, что тотъ занятъ такимъ вздоромъ въ такія серьезныя минуты и видимо забылъ доложить о немъ Государю, когда онъ уже часъ ждетъ пріема. Воейковъ попробовалъ обидѣться и возразить, что вовсе не его обязанность докладывать Его Величеству. Тогда Рузскій окончательно вышелъ изъ себя, и, подхвативъ слово «обязанность», чрезвычайно рѣзко высказалъ Воейкову, что его прямая обязанность заботиться, какъ Дворцовому Коменданту, объ Особѣ Государя, а настaлъ моментъ, когда событія таковы, что Государю можетъ быть придется «сдаться на милость побѣдителей», если люди, обязанные всю жизнь за Царя положить и своевременно помогать Государю, будутъ бездѣйствовать, курить сигары и перевѣшивать картинки. Что еще наговорилъ при этомъ Рузскій, онъ не могъ себѣ отдать впослѣдствіи отчета, но помнитъ, что

послѣ словъ «милость побѣдителей» Воейковъ поблѣднѣлъ и они вмѣстѣ вышли въ корридоръ, а черезъ нѣсколько мгновеній Рузскій былъ у Государя.

Было около десяти часовъ вечера 1 Марта.

Н. В. Рузскій сидѣлъ противъ стола Его Величества съ разложенными на немъ картами Сѣвернаго фронта. Государь былъ спокоенъ и внимательно слушалъ докладъ генерала, который началъ, сказавъ, что ему извѣстно изъ настоящихъ событій только то, что сообщено за эти три дня изъ Ставки и отъ Родзянко. Затѣмъ онъ доложилъ, что ему трудно говорить, докладъ выходитъ за предѣлы его компетенціи и онъ опасается, что Государь, можетъ быть, не имѣетъ къ нему достаточно довѣрія, такъ какъ привыкъ слушать мнѣнія генерала Алексѣева, съ коими, онъ, Рузскій, въ важныхъ вопросахъ часто не сходится и лично въ довольно натянутыхъ отношеніяхъ; потому Рузскій просилъ Его Величество имѣть въ виду, что такъ какъ теперь подлежатъ рѣшенію вопросы не военные, а государственнаго управленія, то онъ пойметъ, если Государю вовсе, можетъ быть, неугодно выслушать его докладъ, который онъ взялся сдѣлать лишь по желанію Алексѣева. Государь прервалъ генерала и предложилъ ему высказаться со всею откровенностью.

Тогда Рузскій сталъ съ жаромъ доказывать Государю необходимость немедленнаго образованія отвѣтственнаго передъ палатами Министерства. Государь возражалъ спокойно, хладнокровно и съ чувствомъ глубокаго убѣжденія. Первый и единственный разъ въ жизни, говорилъ Н. В. Рузскій, я имѣлъ возможность высказать Государю все, что думалъ и объ отдѣльныхъ лицахъ, занимавшихъ отвѣтственные посты за послѣдніе годы и о томъ, что казалось мнѣ великими ошибками общаго управленія и дѣятельности Ставки. Государь со многимъ соглашался, многое объяснялъ и оспаривалъ. Основная мысль Государя была, что Онъ для Себя въ своихъ интересахъ ничего не желаетъ, ни за что не держится, но считаетъ Себя не въ правѣ передать все дѣло управленія Россіей въ руки людей, которые, сегодня, будучи у власти, могутъ нанести величайшій вредъ родинѣ, а завтра умоютъ руки, «подавъ съ кабинетомъ въ отставку». «Я отвѣтственъ передъ Богомъ и Россіей за все, что случилось и случится» сказалъ Государь «будутъ-ли Министры отвѣтственны передъ Думой и Государственнымъ Совѣтомъ — безразлично, Я никогда не буду въ состояніи, видя, что дѣлается Министрами не ко благу Россіи, съ ними соглашаться, утѣшаясь мыслью, что это не моихъ рукъ дѣло, не моя отвѣтственность». Рузскій старался доказать Государю, что Его мысль

ошибочна, что слѣдуетъ принять формулу: «Государь царствуетъ, а правительство управляетъ». Государь говорилъ, что эта формула Ему не понятна, что надо было иначе быть воспитаннымъ, переродиться и опять оттѣнилъ, что Онъ лично не держится за власть, но только не можетъ принять рѣшенія противъ своей совѣсти и, сложивъ съ себя отвѣтственность за теченіе дѣлъ передъ людьми, не можетъ считать, что Онъ самъ не отвѣтственъ передъ Богомъ. Государь перебиралъ съ необыкновенной ясностью взгляды всѣхъ лицъ, которыя могли-бы управлять Россіей въ ближайшія времена въ качествѣ отвѣтственныхъ передъ палатами Министровъ, и высказывалъ свое убѣжденіе, что общественные дѣятели, которые несомнѣнно составятъ первый же кабинетъ, все люди, совершенно неопытные въ дѣлѣ управленія и, получивъ бремя власти, не съумѣютъ справиться съ своей задачей.

Генералъ Рузскій возражалъ, спорилъ, доказывалъ и, наконецъ, послѣ полутора часовъ получилъ отъ Государя соизволеніе на объявленіе черезъ Родзянко, что Государь согласенъ на отвѣтственное Министерство и предлагаетъ ему формировать первый кабинетъ. Рузскій добился этого, доказавъ Государю, что онъ долженъ пойти на компромиссъ съ своею совѣстью ради блага Россіи и своего Наслѣдника.

Рузскій вышелъ изъ вагона Государя дать приказаніе вызвать къ аппарату Родзянко и телеграфировать въ Ставку (док. № 19.). Ему передали тутъ телеграмму генерала Алексѣева съ проектомъ Манифеста (док. № 15). Рузскій вернулся въ вагонъ Государя и докладъ продолжался. Въ 24 часа Рузскій вынесъ телеграмму Государя генералу Иванову (док. № 18.). Государь обсуждалъ теперь текстъ Манифеста, предложенный Алексѣевымъ и безъ измѣненій согласился на него.

Рузскій замѣтилъ, за тѣ четверть часа, что онъ выходилъ изъ вагона, въ Государѣ перемѣну. Государь внимательно выслушалъ и обсуждалъ проектъ Манифеста, переспрашивалъ подробности текста, но по вопросу главному — въ Манифестѣ — о его послѣдствіяхъ проявлялъ что-то похожее на безразличіе. Рузскій почувствовалъ, что можетъ быть Государь передумалъ и вновь спросилъ, не будетъ ли онъ дѣйствовать противъ воли Государя, сообщивъ въ Ставку и въ Петроградъ о согласіи Его Величества на Манифестъ. Государь отвѣтилъ, что принялъ рѣшеніе, ибо и Рузскій и Алексѣевъ, съ которымъ Онъ много на эту тему раньше говорилъ, одного мнѣнія, а Ему, Государю, извѣстно, что они рѣдко сходятся на чемъ либо вполнѣ. Государь добавилъ, что Ему это рѣшеніе очень тяжело, но разъ этого требуетъ

благо Россіи, Онъ на это, по чувству долга, обязанъ согласиться. Рузскій успокоился и рѣшилъ, что теперь дѣло Родзянко прекратить революціонную вспышку.

Разговоръ опять перешелъ на фронтовыя операціонныя темы. Но Рузскому опять показалось, что Государь не такъ внимателенъ, какъ обычно при докладахъ. Его мысли какъ будто были заняты другимъ. Рузскій приписалъ это понятному волненію отъ принятаго рѣшенія и естественному утомленію — былъ уже на исходѣ второй часъ ночи на 2-ое Марта. Онъ откланялся Государю, прошелъ къ себѣ въ вагонъ и поѣхалъ вмѣстѣ съ генераломъ Даниловымъ въ городъ, чтобы въ два съ половиной часа ночи быть у аппарата для разговора съ Родзянко.

Рузскій самъ чувствовалъ чрезвычайное утомленіе и слабость, онъ почти не спалъ предыдущую ночь,весь день былъ на ногахъ и нѣсколько часовъ провелъ у Его Величества, но ето поддерживало сознаніе исполненнаго долга и надежда, что теперь все въ тылу придетъ въ спокойствіе. Всѣмъ, кромѣ революціонныхъ партій, Манифестъ долженъ былъ, по его мнѣнію, дать полное удовлетвореніе.

Однако къ чувству надежды на благопріятный исходъ у ген. Рузскаго примѣшивалось и чувство тревоги. Онъ получилъ свѣдѣнія, что посланный на поддержку генерала Иванова эшелонъ задержанъ передъ Лугой, гарнизономъ этого городка; онъ зналъ, что гарнизонъ этотъ не великъ и, кромѣ автомобильныхъ частей, не содержалъ другихъ боеспособныхъ элементовъ и можно было легко съ нимъ справиться, но надежда прекратить безпорядки мирнымъ путемъ, не доводя до столкновенія между частями арміи, надежда, что Временный Комитетъ Государственной Думы дѣйствительно сформировался для водворенія порядка, привела и Государя и Рузскаго къ рѣшенію дать выжидательную инструкцію генералу Иванову (док. № 18.) и вернуть эшелонъ въ Двинскій районъ. Однако, симптомъ былъ плохой. Кромѣ того Рузскаго очень смутило извѣстіе, что Родзянко телеграфировалъ о невозможности для него пріѣхать въ Псковъ, не объясняя причинъ. Это было тоже плохо. Тѣмъ не менѣе Рузскій ѣхалъ въ штабъ, увѣренный, что черезъ день, когда въ столицахъ узнаютъ о Манифестѣ, Императорскій поѣздъ пойдетъ въ Царское Село, уже занятое ген. Ивановымъ и въ нѣсколько дней все успокоится, а происшествіе съ бригадой, двинутой въ Лугу, объяснится недоразумѣніемъ. Мнѣніе о магическомъ дѣйствіи Манифеста раздѣлялось, повидимому, и Ставкой, ибо въ ночь пришла телеграмма (док. №22.), спрашивающая, не слѣдуетъ-ли задержать въ пути и эшелоны, шедшіе съ другихъ фронтовъ.

Таковы были мысли всѣхъ военныхъ властей на фронтѣ — они не знали, что происходитъ въ Петроградѣ, насколько Временный Комитетъ Государственной Думы безсиленъ передъ захватившимъ руководство революціоннымъ движеніемъ энергичнымъ Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, уже ставшимъ Совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Военныя власти въ Ставкѣ и въ Псковѣ не знали о роли Совѣта, не знали, что кровь офицеровъ, жандармовъ и городовыхъ лилась на улицахъ Петрограда и боялись пролитія крови въ междуусобномъ столкновеніи вѣрныхъ и мятежныхъ частей. Послѣдняя мысль казалась Н. В. Рузскому чудовищной: еще не бывало этого въ исторіи русской арміи, а еще ужаснѣе было то, что это событіе могло быть вызвано имъ да еще во время войны. Онъ сдѣлалъ все, что говорила ему совѣсть, чтобы этого избѣжать, надѣясь легальнымъ путемъ довести дѣло до благополучнаго конца.

Разговоръ Рузскаго съ Предсѣдателемъ Государственной Думы начался лишь въ три часа тридцать минутъ ночи на 2-ое Марта и продолжался до 7 час. 30 мин. утра. Разговоръ все время постепенно передавался въ Ставку.

Разговоръ этотъ такъ важенъ, что его анализъ мегъ-бы составить предметъ обширнаго историческаго изслѣдованія. Ограничимся лишь указаніемъ на непослѣдовательность Родзянки въ немъ и на твердое желаніе Рузскаго избѣжать отреченія. Происходи этотъ разговоръ въ другое время, когда Рузскій былъ не такъ утомленъ и взволнованъ, не будь въ то-же время боленъ М. В. Алексѣевъ, первый несомнѣнно составилъ-бы себѣ ясное представленіе о словахъ Родзянко, а второй не разослалъ-бы своей циркулярной телеграммы 2-го Марта (док. № 28.).

Но ни въ Псковѣ, ни въ Ставкѣ никто не спалъ уже вторую ночь.

Когда разговоръ былъ окончательно переданъ въ Ставку, тамъ сразу рѣшили, что отреченіе — единственный исходъ. Это видно изъ документа № 27.

Н. В. Рузскій, измученный и тоже больной, въ исходѣ девятаго часа утра прилегъ, велѣвъ разбудить его черезъ часъ, чтобы идти съ докладомъ о своемъ разговорѣ къ Государю. Онъ еще надѣялся, что Манифестъ сдѣлаетъ свое дѣло, но въ Ставкѣ рѣшили иначе и требовали, чтобы Рузскій ни минуты не медлилъ идти къ Государю — убѣждать его отречься и уже писали циркулярную телеграмму Главнокомандующимъ, предлагая имъ «просить» согласія Государя на отреченіе.

Между полученіемъ въ Ставкѣ окончанія разговора Рузскаго съ Родзянко и посылкой циркулярной телеграммы прошло 2 часа 45 мин.

Раньше, чѣмъ перейти къ этой телеграммѣ и къ разсказу о томъ докладѣ, который Рузскій имѣлъ въ 10 час. утра 2-го Марта, вернемся къ злосчастному разговору.

Ген. Рузскій спокойно освѣдомляетъ Предсѣдателя Государственной Думы о прибытіи Государя и, высказавъ огорченіе, что Родзянко не пріѣхалъ, желаетъ знать причины этому, прежде чѣмъ говорить о событіяхъ минувшаго вечера.

Причинъ неприбытія три, по словамъ Родзянко — 1) взбунтовался эшелонъ, шедшій съ Сѣвернаго фронта, и рѣшилъ не пропускать поѣзда, 2) Родзянко получилъ свѣдѣніе, (?) что его отъѣздъ можетъ вызвать нежелательныя (кому?) послѣдствія, 3) невозможность покинуть разбунтовавшійся Петербургъ, такъ какъ «только ему вѣрятъ, только его приказанія исполняютъ».

Рузскій дѣлаетъ выводъ, что Родзянко держитъ власть въ рукахъ и не измѣнилъ. Съ нимъ можно говорить. Онъ говоритъ о Манифестѣ, какъ объ актѣ состоявшемся и только спрашиваетъ, согласенъ-ли Родзянко стать во главѣ перваго кабинета. Родзянко въ отвѣтъ интересуется текстомъ Манифеста, но объясняетъ, что въ Псковѣ не отдаютъ себѣ отчета о творящемся въ Петербургѣ, (мы знаемъ, что и Родзянко себѣ въ этомъ отчета не отдавалъ) и сразу начинаетъ объяснять, что онъ два съ половиной года предсказывалъ революцію, но его не слушали. Въ результатѣ — стушевавшееся правительство, братающіяся съ народными толпами войска, анархія и рѣшеніе принятое имъ возглавить революцію и арестовать Министровъ. Все это съ одной стороны сопровождается выпадами противъ Государыни, а съ другой признаніемъ, что онъ, «котораго всѣ слушаютъ и приказанія исполняютъ», чувствуетъ себя на волоскѣ отъ заточенія въ Петропавловскую крѣпость, куда онъ самъ отправилъ Министровъ. Наконецъ, слѣдуетъ сообщеніе, что Манифестъ опоздалъ. — Онъ еще не знаетъ, какой Манифестъ, но знаетъ, что Манифестъ не годится.

Н. В. Рузскій не замѣчаетъ противорѣчій; ему важно провести Манифестъ и успокоить Родзянко. Онъ не отвѣчаетъ на слова Родзянко, но задаетъ вопросъ, что значатъ слова Родзянко — «что династическій вопросъ поставленъ ребромъ».

Родзянко не успокаивается; онъ упоенъ разговорами съ толпами и гарнизономъ, примкнувшимъ къ Государственной Думѣ, а его впечатлѣніе: «всѣ рѣшили довести войну до конца, но Государь долженъ отречься».

Кто это всѣ? Кто грозно требуетъ отреченія? Не тѣ ли, «кто агитируетъ противъ всего умѣреннаго» и побѣды которыхъ Родзянко боится.

несмотря на то, что за нимъ весь гарнизонъ и весь народъ и только ему вѣрятъ и его слушаются?

Родзянко перечисляетъ вины правительства; опять дѣлаетъ выпадъ противъ Государыни и проситъ остановить присылку войскъ съ фронта во избѣжаніе кровопролитія.

Рузскій опять старается образумить Родзянко, указываетъ, что ошибки — уже въ области прошлаго, а теперь есть Манифестъ, т. е. легальный способъ прекратить смуту и избѣжать новыхъ ошибокъ. Онъ указываетъ, что внутренній кризисъ надо прекратить возможно скорѣе и безболѣзненнѣе, ибо онъ уже видитъ, что армія начинаетъ прислушиваться съ тревогой къ событіямъ въ тылу (вѣдь всюду проникаютъ со вчерашняго дня телеграммы отъ Временнаго Комитета и ихъ скрыть нельзя). Онъ указываетъ, что уже войска, отправленныя по распоряженію отъ 27 Февраля съ генераломъ Ивановымъ, получили новыя директивы; указываетъ, что Государемъ приняты всѣ мѣры, которыя Ему представили, какъ клонящіяся ко благу родины; онъ требуетъ и надѣется, что въ Петроградѣ поймутъ величіе порыва Государя и поймутъ, что передъ лицомъ врага надо немедленно потушить пожаръ внутри. — Передается текстъ Манифеста. — Рузскій опять подходитъ къ аппарату и вновь говоритъ объ отвѣтственности передъ родиной, передъ союзниками, о невозможности и преступности длить кризисъ или обострять его.

Въ отвѣтъ на это Родзянко снова говоритъ объ анархіи, говоритъ, что «виситъ на волоскѣ» и сознается, что онъ «вынужденъ» былъ сегодня ночью «назначить» Временное Правительство. И тутъ слѣдуютъ гордыя слова: «Манифестъ запоздалъ, его надо было издать послѣ первой моей телеграммы 26 Февраля». Цинизмъ невѣроятный! По мнѣнію Родзянки, Государь по его телеграммѣ долженъ былъ сразу перевернуть весь порядокъ государственнаго управленія, ибо Родзянко доносилъ, что въ столицѣ анархія, правительство парализовано, транспортъ пришелъ въ полное разстройство.

Родзянко забылъ, что Государь послѣ его телеграммы выѣхалъ въ Петроградъ, желая убѣдиться Самъ, въ чемъ дѣло, но не могъ доѣхать по винѣ его, Родзянко, подписавшаго воззваніе къ желѣзнодорожникамъ, что Государь вызвалъ Родзянко въ Псковъ для переговоровъ, а онъ Родзянко не поѣхалъ.

«Время упущено, возврата нѣтъ» говоритъ Родзянко.

Кто въ этомъ виноватъ непосредственно? Тотъ-ли, кто по телеграммѣ своего совѣтника выѣхалъ самъ въ охваченную анархіей столицу, гдѣ было все его правительство, гдѣ была столько разъ заявлявшая о

своей лойяльности Государственная Дума, гдѣ войска, не видавшія фронта, были въ волненіи и куда Онъ для возстановленія порядка двинулъ отряды испытанныхъ въ бояхъ войскъ — или тотъ, кто, бывшій кавалергардъ, нося званіе камергера, будучи предсѣдателемъ Государственной Думы, которому всѣ взбунтовавшіеся вѣрили и подчинялись даже среди «анархіи», кто не упустилъ времени, но упоенный жаждой стать правителемъ Россіи, не замѣтилъ, что крайніе элементы тоже времени не упустили и ужъ властвовали надъ нимъ, его Временнымъ Комитетомъ и «назначеннымъ имъ» правительствомъ.

Родзянко не отвѣчаетъ на уговоры Рузскаго, онъ декламируетъ о благополучіи, которое водворится, если только отречется Государь, и пробуетъ громкими фразами задобрить Рузскаго лично.

Да, для Родзянко «возврата нѣтъ!» Если-бы удалось успокоить бунтъ, всѣмъ стала-бы ясна его роль за эти дни и ему было-бы не сдобровать. Онъ долженъ былъ спасать себя.

Рузскій, однако, не кончаетъ разговора, хотя Родзянко пожелалъ ему «спокойной ночи». Онъ опять пытается убѣдить Родзянко, въ необходимости использовать Манифестъ, ибо «конечная цѣль» — отвѣтственное Министерство — достигнута. Онъ сомнѣвается въ идиллической картинѣ снабженія арміи, нарисованной Родзянко, и указываетъ, что всякій насильственный переворотъ не можетъ пройти безслѣдно и для арміи. Онъ какъ-бы предугадываетъ ея развалъ.

Въ отвѣтъ на это Родзянко указываетъ, что переворотъ можетъ быть «добровольнымъ» и все тогда кончится въ нѣсколько дней. И слѣдуютъ удивительныя слова того, кто «виситъ на волоскѣ» и боится сѣсть въ Петропавловскую крѣпость — «ни кровопролитія, ни ненужныхъ жертвъ не будетъ. Я этого не допущу».

Рузскій все-же сомнѣвается, предостерегаетъ и спрашиваетъ, въ минуту сомнѣній, нужно-ли выпускать Манифестъ. Отвѣтъ Родзянко таковъ, что Рузскій понимаетъ, что Родзянко уже не имѣетъ фактической власти, а плыветъ на волнахъ разбушевавшагося моря. Рузскій смущенъ и сухо заявляетъ, что передастъ Манифестъ въ Ставку для напечатанія и распубликованія, ибо получилъ на это повелѣніе Государя.

Таковъ разговоръ, который, съ соизволенія Государя, велъ генералъ Рузскій.

Когда событія прошли и Н. В. Рузскій перечитывалъ разговоръ, онъ самъ себя обвинялъ, что недостаточно твердо говорилъ съ Родзянко, и не отдалъ себѣ сразу отчета въ его сбивчивыхъ противорѣчивыхъ словахъ. На него, утомленнаго и возбужденнаго долгой и трудной

аудіенціей у Государя, усталаго физически и нравственно, главное впечатлѣніе произвело то, что волненіе въ столицѣ продолжало разгораться. Кромѣ того, онъ все еще полагалъ, что Родзянко вѣрный присягѣ, видный членъ партіи октябристовъ, крупный помѣщикъ, отнюдь не революціонеръ; онъ не понималъ, что Родзянко уже три дня стоитъ во главѣ революціи, а вовсе не во главѣ людей, желающихъ возстановить порядокъ. Враги Рузскаго говорятъ, что онъ долженъ былъ прервать разговоръ, указать Родзянкѣ, что онъ измѣнникъ и двинуться вооруженной силой подавить бунтъ. Это, какъ мы теперь знаемъ, несомнѣнно-бы удалось, ибо гарнизонъ Петрограда былъ неспособенъ къ сопротивленію, Совѣты были еще слабы, а прочныхъ войскъ съ фронтовъ можно было взять достаточно. Все это вѣрно и это признавалъ впослѣдствіи и Рузскій, но въ тотъ моментъ онъ старался избѣжать кровопролитія — междуусобной, хотя-бы и краткой, борьбы въ тылу, боясь впечатлѣнія на далеко ужъ не столь прочныя въ массѣ фронтовыя войска, а что они были непрочны, показали ближайшіе дни.

Онъ вернулся къ себѣ въ вагонъ съ надеждой, что опубликованіе Манифеста произведетъ такое-же впечатлѣніе на Петроградъ, какъ 17 Октября 1905 г. Все утихнетъ и останется тушить отдѣльныя, чисто революціонныя вспышки. Если это удалось тогда Министрамъ бюрократизма, то тѣмъ болѣе должно было удасться Министрамъ, которымъ вѣритъ вся Россія. Кромѣ того Рузскій ждалъ впечатлѣнія Ставки о разговорѣ, чтобы доложить Государю съ ея поддержкой. Вѣдь и первый докладъ у Государя былъ поддержанъ авторитетомъ М. В. Алексѣева. Отдавъ еще нѣсколько срочныхъ распоряженій по фронту, онъ вернулся въ вагонъ и, падая отъ усталости, на часъ заснулъ какъ убитый.

Государь, видимо, тоже не спалъ всю ночь: Его телеграмма (док. № 26.) носитъ помѣтку 5 час. 15 мин. 2 Марта. Подъ утро и Онъ заснулъ.

Черезъ полтора часа по окончаніи разговора Рузскаго съ Родзянко, произошелъ разговоръ генерала Данилова съ генераломъ Лукомскимъ (док. № 27.). Изъ него видно, что передававшійся въ Ставку, одновременно съ веденіемъ его, разговоръ Рузскаго съ Родзянко уже былъ обсужденъ и обдуманъ въ Ставкѣ и тамъ принято рѣшеніе — получить отъ Государя согласіе на отреченіе.

Съ этимъ такъ спѣшили въ Могилевѣ, что предлагали разбудить Государя, «отбросивъ всякіе этикеты». Это было личное мнѣніе и требованіе генерала Алексѣева. Это передавалось оффиціально. Личнымъ

мнѣніемъ генерала Лукомскаго было, что отреченіе необходимо и возможно скорѣе — только это спасетъ и фронтъ, и родину, и династію.

Генералъ Даниловъ тоже не спалъ всю ночь, но былъ спокойнѣе. Онъ рѣшаетъ дать хоть часъ сна Главнокомандующему и считаетъ,что этотъ часъ значенія имѣть не можетъ, но онъ опасается, что задержка можетъ выйти изъ за нерѣшительности Государя и ссылается на ту трудность, съ которой Государь согласился вчера на Манифестъ объ отвѣтственномъ Министерствѣ. У Данилова еще есть лучъ надежды, что дѣло обойдется безъ отреченія — на него произвели впечатлѣніе доводы Рузскаго, приведенные имъ въ разговорѣ съ Родзянко, при которомъ онъ присутствовалъ. Онъ зналъ, что Рузскій не хочетъ отреченія, боится его послѣдствій и полагалъ, что послѣ доклада Государю Рузскій не вынесетъ изъ кабинета Его Величества отреченія, ибо самъ ему не сочувствовалъ, а Государь естественно будетъ колебаться. Генералъ Лукомскій наоборотъ «молитъ Бога», чтобы Рузскому удалось убѣдить Государя отречься.

Какъ разъ въ ту минуту, когда Рузскій входилъ въ вагонъ Государя съ докладомъ о ночномъ разговорѣ съ Родзянко, генералъ Алексѣевъ въ Ставкѣ подписывалъ свою циркулярную телеграмму Главнокомандующимъ (док. № 28.).

Было 10 час. 15 мин. утра 2 Марта.

Еще до этого доклада судьба Государя и Россіи была рѣшена генераломъ Алексѣевымъ.

Ему предстояло два рѣшенія, для исполненія которыхъ «каждая минута могла стать роковой», какъ онъ справедливо отмѣчаетъ въ своей циркулярной телеграммѣ. Либо сдѣлать «дорогую уступку» — пожертвовать Государемъ, которому онъ присягалъ, коего онъ былъ генералъ-адъютантомъ и ближайшимъ совѣтникомъ по веденію войны и защитѣ Россіи, либо — не колеблясь вырвать изъ рукъ самочиннаго Временнаго Правительства, захваченныя имъ желѣзныя дороги и подавить бунтъ толпы и Государственной Думы.

Генералъ Алексѣевъ избралъ первое рѣшеніе — безъ борьбы сдать все самочиннымъ правителямъ, будто бы для спасенія арміи и Россіи. Самъ измѣняя присягѣ, онъ думалъ, что армія не измѣнитъ долгу защиты родины.

Генералъ Рузскій спокойно, «стиснувъ зубы», какъ онъ говорилъ, но страшно волнуясь въ душѣ, положилъ передъ Государемъ ленту своего разговора. Государь молча, внимательно все прочелъ. Всталъ съ кресла и отошелъ къ окну вагона. Рузскій тоже всталъ. Наступила минута ужасной тишины. Государь вернулся къ столу, указалъ гене-

ралу на стулъ, приглашая опять сѣсть и сталъ говорить спокойно о возможности отреченія. Онъ опять вспомнилъ, что Его убѣжденіе твердо, что Онъ рожденъ для несчастья, что Онъ приноситъ несчастье Россіи; сказалъ, что Онъ ясно сознавалъ вчера уже вечеромъ, что никакой Манифестъ не поможетъ. «Если надо, чтобы Я отошелъ въ сторону для блага Россіи, Я готовъ на это» сказалъ Государь, «но Я опасаюсь, что народъ этого не пойметъ: Мнѣ не простятъ старообрядцы, что Я измѣнилъ своей клятвѣ въ день Священнаго Коронованія; Меня обвинятъ казаки, что Я бросилъ фронтъ». Послѣ этого Государь сталъ задавать вопросы о подробностяхъ разговора съ Родзянко, сталъ обдумывать, какъ бы въ слухъ, возможное рѣшеніе. Рузскій высказалъ еще свою надежду, что Манифестъ все успокоитъ и просилъ обождать совѣта и мнѣнія генерала Алексѣева, хотя не скрылъ, что, судя по словамъ генерала Лукомскаго, видимо, въ Ставкѣ склоняются къ мнѣнію о необходимости отреченія. Въ это время подали срочно дошедшую телеграмму Алексѣева (док. № 28.). Рузскій блѣдный прочелъ вслухъ ея содержаніе. «Что-же Вы думаете, Николай Владиміровичъ?» спросилъ Государь. — Вопросъ такъ важенъ и такъ ужасенъ, что я прошу разрѣшенія Вашего Величества, обдумать эту депешу, раньше, чѣмъ отвѣчать. Депеша циркулярная. Посмотримъ, что скажутъ Главнокомандующіе остальныхъ фронтовъ. Тогда выяснится вся обстановка — отвѣтилъ Рузскій. Государь всталъ, внимательно и грустно взглянулъ на Рузскаго и сказавъ: «Да, и Мнѣ надо подумать», отпустилъ его до завтрака.

Передъ завтракомъ Государь вышелъ изъ вагона и нѣкоторое время гулялъ одинъ по платформѣ. Въ два часа дня Государь потребовалъ Рузскаго къ Себѣ. Въ это время уже состоялся разговоръ генерала Клембовскаго съ генераломъ Болдыревымъ (док. № 29.) и пришла телеграмма М. В. Алексѣева (док. № 30.), содержавшая отвѣты всѣхъ Главнокомандующихъ, кромѣ Сахарова и адмирала Колчака.

Рузскій, въ виду чрезвычайной важности момента, просилъ у Государя разрѣшенія явиться къ докладу вмѣстѣ съ генераломъ Даниловымъ и Саввичемъ. Подробности этого доклада, очевидно, хорошо памятны этимъ обоимъ, единственнымъ еще живымъ свидѣтелямъ трагической минуты. *) Государь принялъ окончательное рѣшеніе, когда ознакомился съ текстами телеграммъ всѣхъ Главнокомандующихъ; впрочемъ, еще передъ завтракомъ, встрѣтя Рузскаго на платформѣ, Онъ высказалъ ему, что рѣшилъ отречься. Государь взялъ блокъ съ

*) См. въ отдѣлѣ «Библіографія» разсказъ генерала Саввича.

телеграфными бланками и написалъ нѣсколько черновиковъ (док. №№ 32,33.).

Было три часа дня. Государь дополнилъ текстъ одной телеграммы, согласивъ съ текстомъ другой и передалъ листки Рузскому. Тотъ вышелъ изъ вагона въ 3 часа 10 мин. дня и тутъ ему вручили телеграмму о предстоящемъ пріѣздѣ Гучкова и Шульгина. Рузскій вернулся въ вагонъ и доложилъ ее. Государь тогда приказалъ телеграмму (док. № 32.) задержать до прибытія этихъ лицъ, а толеграмму (док. № 33.) взялъ обратно изъ рукъ генерала. Въ три часа 45 мин. Государь прислалъ и за другой телеграммой. Рузскій пошелъ съ нею въ Императорскій поѣздъ и, встрѣтивъ Государя на платформѣ, предложилъ ее оставить у него до прибытія Гучкова и Шульгина. Соображая обстановку и видя глубокое волненіе Государя, генералъ Рузскій, все еще не терялъ надежды, что можно избѣжать отреченія и надѣялся теперь, что прибытіе такихъ умныхъ людей, какъ Гучкова, — хотя и явнаго недоброжелателя Государя — и преданнаго Династіи Шульгина, дастъ возможность при личномъ разговорѣ тотчасъ по прибытіи ихъ, еще убѣдить ихъ въ ненужности отреченія и также выяснить себѣ, наконецъ, что произошло въ Петроградѣ уже отъ очевидцевъ и участниковъ событій.

Поэтому Рузскій приказалъ, какъ только подойдетъ поѣздъ съ депутатами, доложить ему и просить обоихъ прибывшихъ пройти ранѣе, чѣмъ къ Государю, къ нему, желая съ ними переговорить, имѣя въ рукахъ и черновикъ телеграммы объ отреченіи. Онъ хотѣлъ сообщить имъ всѣ свои сомнѣнія въ основательности оцѣнки момента Родзянкой, на основаніи которой генералъ Алексѣевъ и всѣ Главнокомандующіе привели впечатлѣніе колебанія Государя,не въ вопросѣ объ отреченіи, а Его видимое волненіе и страданіе въ рѣшеніи вопроса,какъ,отрекшись въ пользу сына,не быть съ нимъ разлученнымъ. Разлука съ сыномъ была явственно для Государя тяжелѣе, чѣмъ сложеніе тяжкаго бремени явственно для Государя тяжелѣе, чѣмъ сложеніе тяжкаго бремени власти. Отвѣты Главнокомандующихъ и послѣдняя фраза телеграммы Алексѣева (док. № 30.), «ожидаю повелѣнія» вызвали въ Государѣ чувство горечи, котораго Онъ, несмотря на всю Свою выдержку, не могъ скрыть. Тутъ Государь, видимо, почевствовалъ Себя всѣми покинутымъ и у Него не хватило духу обречь на подобныя уже перенесенныя Имъ страданія своего единственнаго Сына. Къ вечеру въ умѣ Государя созрѣла мысль отречься за Себя и за Сына.

Депутаты ожидались въ 7 час. вечера, но прибыли только послѣ 10 час. Въ силу какихъ-то соображеній, а можетъ быть просто для ускоренія, Государь приказалъ, какъ только прійдетъ ихъ поѣздъ, при-

вести депутатовъ немедленно къ Нему. Генерала Рузскаго объ этомъ приказаніи не увѣдомили и онъ не видѣлъ Гучкова и Шульгина до того момента, когда вошелъ въ вагонъ Государя, гдѣ они уже находились въ теченіи нѣсколькихъ минутъ.

Между тѣмъ въ Ставкѣ теряли терпѣніе и ежеминутно требовали генерала Данилова къ аппарату, передавая ему все болѣе тревожныя свѣдѣнія изъ Петрограда, требуя доклада о рѣшеніи, принятомъ Государемъ (док. №№ 34, 35 и слѣд.), упрекали Данилова, что онъ не сообщаетъ, отмалчивается, не держитъ Ставку въ курсѣ дѣла. Видимо въ Ставкѣ считали, что Государь обязанъ подчиниться полученной въ два часа телеграммѣ безъ размышленія, какъ Родзянко считалъ, что Его Величество долженъ былъ моментально отвѣтить 26 Февраля на его телеграмму Манифестомъ.

Проходили часы, по мнѣнію Ставки, столь дорогіе для спасенія Россіи, а «безхарактерный» Государь не рѣшался и «болѣзненный» Рузскій не находилъ энергіи достичь желательнаго результата.

Между тѣмъ М. В. Алексѣевъ еще продолжалъ соблюдать «этикетъ», онъ «испрашивалъ» повелѣній у Государя какъ у Верховнаго Главнокомандующаго. Такъ генералъ Корниловъ и князь Львовъ были назначены, а генералъ Ивановъ отозванъ въ Могилевъ — еще Державной волей Государя по докладу Его начальника штаба ген. Алексѣева.

Подробности того, что происходило въ вагонѣ Государя, съ прибытія Гучкова и Шульгина, уже извѣстны и Рузскій на нихъ, въ своихъ разсказахъ, мало останавливался. Онъ отмѣчалъ только, что депутаты чувствовали себя очень неловко, были поражены спокойствіемъ и выдержкой Государя, а когда Онъ объявилъ имъ, о рѣшеніи своемъ отречься и за Сына, растерялись и просили разрѣшенія выйти въ другое отдѣленіе вагона, чтобы посовѣтоваться.

У Государя къ пріѣзду депутатовъ былъ уже готовъ текстъ Манифеста объ отреченіи и ровно въ 24 часа на 3-ье Марта Онъ его подписалъ, помѣтивъ 2-ое Марта 15 часовъ, т. е. тѣмъ часомъ, когда принято было Имъ рѣшеніе отречься.

Передъ этимъ Онъ подписалъ и два указа Правительствующему Сенату: о назначеніи князя Львова и Великаго Князя Николая Николаевича. Они помѣчены 2-ое Марта 14 час.

Гучковъ и Шульгинъ тотчасъ-же написали расписку о принятіи 2-го Марта Высочайшаго Манифеста.

Царствованіе Государя Николая Александровича кончилось и началось Его Житіе, завершившееся, через пятнадцать съ половиной мѣсяцевъ подвижнической жизни въ мрачномъ подвалѣ Ипатьевскаго дома въ Екатеринбургѣ, безпримѣрнымъ по безчеловѣчности убійствомъ Государя и всей Его Семьи.

Для блага Россіи Государь принесъ въ жертву не только Себя, но и всю Свою Семью. Уговорившіе Его на первый шагъ Его крестнаго пути не могли и не съумѣли сдержать своего обѣщанія — жертва Государя пропала даромъ. Изъ всѣхъ участниковъ событія одинъ Государь сознавалъ, что Его отреченіе не только не спасетъ Россію, но будетъ началомъ ея гибели. Ни генералъ Алексѣевъ, ни генералъ Рузскій, не поняли тогда, что они только пѣшки въ игрѣ политическихъ партій. Силы сторонъ были неравныя. Съ одной—была многомилліонная армія, предводимая осыпанными милостями Государя генералами, а съ другой — кучка ловкихъ, убѣжденныхъ и энергичныхъ революціонныхъ агитаторовъ, опиравшихся на небоеспособные гарнизоны столицъ. Ширмой этой кучкѣ служилъ прогрессивный блокъ Государственной Думы. Побѣдила несомнѣнно слабѣйшая сторона. Поддержи генералъ Алексѣевъ однимъ словомъ мнѣніе генерала Рузскаго, вызови онъ Родзянку утромъ 2 Марта къ аппарату и въ два-три дня революція была-бы кончена. Онъ предпочелъ оказать давленіе на Государя и увлекъ другихъ Главнокомандующихъ.

Генералъ Алексѣевъ понялъ свою ошибку ровно черезъ семь часовъ, послѣ подписанія Государемъ акта отреченія.

Уже въ 7 час. утра 3-го Марта Алексѣевъ разослалъ новую циркулярную телеграмму, въ которой сознавалъ, что «на Родзянку лѣвыя партіи и рабочіе депутаты оказываютъ мощное давленіе и въ сообщеніяхъ Родзянко нѣтъ откровенности и искренности».

На основаніи одного такого сообщенія Родзянко, генералъ Алексѣевъ рѣшилъ 24 часа передъ тѣмъ свести Русскаго Царя съ Престола.

Теперь Алексѣеву стали ясны и цѣли «господствующихъ надъ Предсѣдателемъ Государственной Думы партій». Стало ясно и «отсутствіе единодушія Государственной Думы и вліяніе лѣвыхъ партій, усиленныхъ Совѣтами рабочихъ депутатовъ».

Генералъ Алексѣевъ прозрѣлъ и увидѣлъ «грозную опасность разстройства боеспособности арміи бороться съ внѣшнимъ врагомъ» и перспективу гибели Россіи.

Онъ теперь уже считалъ, что «Основные мотивы Родзянко не вѣрны», не желалъ быть поставленнымъ передъ «совершившимся фак-

томъ», не желалъ капитулировать передъ крайними лѣвыми элементами и предлагалъ созывъ совѣщанія Главнокомандующихъ, для объявленія воли арміи правительству.

Что-же случилось за эту несчастную ночь? Что показало генералу Алексѣеву, что онъ совершилъ непоправимую ошибку, не поддержавъ своего Государя?

Въ пятомъ часу утра Родзянко и князь Львовъ вызвали къ аппарату Рузскаго и объявили ему, что нельзя опубликовывать Манифеста объ отреченіи въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича, пока они этого не разрѣшатъ сдѣлать — Государь опять поступилъ не по указкѣ Родзянко, отрекшись и за Сына, а для успокоенія Россіи царствованіе Михаила Александровича «абсолютно неприемлемо». Рузскій былъ удивленъ, но согласился сдѣлать возможное, т. е. пріостановить распубликованіе и выразилъ сожалѣніе, что Гучковъ и Шульгинъ не знали, что для Россіи «абсолютно непріемлемо». Родзянко пытался объяснить это невиданнымъ бунтомъ, («а кто раньше видѣлъ» отмѣтилъ, перечитывая ленту, Рузскій). Этотъ бунтъ сдѣланъ гарнизономъ, который самъ Родзянко уже не считаетъ солдатами, а, «взятыми отъ сохи мужиками, которые кричатъ «Земли и Воли», «долой Династію», «долой офицеровъ». И съ этой толпой Родзянко и князь Львовъ переговариваются и ей подчиняются, считая ея мнѣніе уже за мнѣніе всей Россіи. И что для этой толпы «абсолютно непріемлемо» то «абсолютно непріемлемо» и для гордаго Временнаго правительства, составленнаго изъ людей, коимъ «вѣритъ вся Россія». Родзянко, однако, «вполнѣ увѣренъ», что если теперь и Великій Князь Михаилъ Александровичъ отречется, то все пойдетъ прекрасно. До окончанія войны будетъ дѣйствовать Верховный Совѣтъ и Временное Правительство, несомнѣнно произойдетъ подъемъ патріотическаго чувства, все заработать въ усиленномъ темпѣ и побѣда можетъ быть обезпечена.

Всѣ эти слова показались Рузскому просто нелѣпыми, какъ онъ это отмѣтилъ на лентѣ, перечитывая ее. «Если Богъ захочетъ наказать, то прежде всего разумъ отниметъ» прибавилъ еще Рузскій. Во время разговора онъ испытывалъ тоже чувство, и нашелъ, что люди, взявшіеся возглавить революцію, были даже неосвѣдомлены о настроеніи населенія. (Это видно изъ его помѣтки на лентѣ: «когда Петроградъ былъ въ моемъ вѣдѣніи, я зналъ настроеніе народа»).

При такихъ обстоятельствахъ Рузскій рѣшилъ дать князю Львову и Родзянко, въ ихъ безпомощности, хоть практическія указанія, какъ и съ кѣмъ сноситься далѣе, ибо самъ съ уходомъ Императорскаго поѣз-

да, уже становился опять въ положеніе лишь Главнокомандующаго однимъ изъ фронтовъ.

Родзянко обѣщаетъ все исполнить, но главное безпокоится, какъ-бы Манифестъ не «прорвался въ народъ». Въ концѣ разговоръ принимаетъ прямо анекдотичный оттѣнокъ: на вопросъ Рузскаго, вѣрно-ли онъ понялъ, намѣченный порядокъ Верховнаго государственнаго правленія, Родзянко поясняетъ: «Верховный Совѣтъ, отвѣтственное Министерство, дѣйствіе Законодательныхъ палатъ до рѣшенія вопроса о конституціи въ Учредительномъ собраніи». Рузскій спрашиваетъ, «кто во главѣ Верховнаго Совѣта?» Родзянко отвѣчаетъ: «Я ошибся, не Верховный Совѣтъ, а Временный Комитетъ Государственной Думы подъ моимъ предсѣдательствомъ». Рузскій понялъ. Онъ заканчиваетъ разговоръ сразу словами: «Хорошо, до свиданія» и просьбой не забыть, что дальнѣйшіе переговоры надо вести со Ставкой, а ему только сообщать о ходѣ дѣлъ.

Этотъ классическій второй разговоръ былъ также, какъ и имѣвшій мѣсто въ предшествующую ночь, тотчасъ переданъ въ Ставку. Этотъ разговоръ, увы, поздно выяснилъ и Ставкѣ, какъ она поторопилась.

Едва ушелъ къ Двинску Императорскій поѣздъ, съ отрекшимся Императоромъ и къ Петрограду поѣздъ съ Гучковымъ и Шульгинымъ, едва князь Львовъ и Родзянко узнали текстъ Высочайшаго Манифеста, какъ онъ уже оказался «абсолютно непріемлемымъ» и его надо было скрыть. Отреченіе, которое должно было спасти порядокъ и Россію, оказалось недостаточнымъ для людей, вообразившихъ себя способными управлять Россіей, справиться съ ими-же вызванной революціей и вести побѣдоносную войну. Безвластіе теперь дѣйствительно наступило. Это была ужъ не анархія, что проявилась въ уличной толпѣ, это была анархія въ точномъ значеніи слова — власти вовсе не было. Ничто «не заработало въ усиленномъ темпѣ», кромѣ машины, углублявшей революцію, не наступило «быстраго успокоенія», не произошло подъема патріотическаго чувства и рѣшительная побѣда не оказалась обезпеченной, какъ это обѣщали князь Львовъ и Родзянко въ ночь на 3-ье Марта.

Генералъ Алексѣевъ въ своей телеграммѣ (док. № 49.) сдѣлалъ намекъ на необходимость взять власть въ руки Совѣщанія Главнокомандующихъ, но, какъ выяснилъ ему въ своемъ отвѣтѣ (док. № 50.) Рузскій, это явилось-бы попыткой несвоевременной и уже несомнѣнно привело-бы къ междуусобицѣ. Рузскій теперь уже предложилъ Алексѣеву настаивать лишь на объявленіи Манифеста и на полномъ кон-

тактѣ Начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго съ правительствомъ, желая продолжать дѣйствовать легальными путями, и предвидѣлъ, что изъ Совѣщанія могла образоваться еще одна власть, которая несомнѣнно оказалась-бы въ конфликтѣ не только съ Совѣтами, но и съ Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы.

Одновременно Рузскій посылаетъ командующимъ арміями Сѣвернаго фронта телеграмму, оріентируя ихъ въ создавшейся обстановкѣ (док. № 51).

Въ Ставкѣ вторыя сутки царила растерянность и начались недоразумѣнія по вопросу объ опубликованіи и неопубликованіи обоихъ Манифестовъ (Государя и Великаго Князя Михаила Александровича) и приказа новаго Верховнаго Главнокомандующаго. И въ штабѣ Сѣвернаго фронта и въ штабѣ Западнаго фронта просили разъясненія (док. № 53). Весь разговоръ, изложенный въ этомъ документѣ, отражаетъ какъ въ зеркалѣ путаницу, суету, спѣшку въ Ставкѣ. Главнокомандующіе уже сбиты сами съ толку, и не успѣетъ Ставка принять одно рѣшеніе, какъ обстановка въ столицѣ требуетъ принятія новаго. Генералъ Даниловъ смущенъ всѣми противорѣчіями въ важнѣйшихъ документахъ и считаетъ долгомъ отмѣтить, для доклада М. В. Алексѣеву, насколько опасны такіе несвѣренные и несогласованные документы объявлять, несомнѣнно взволнованнымъ событіями, войскамъ.

Вслѣдъ за этими первыми, не особенно пріятными, сношеніями между Ставкой и штабомъ Рузскаго наступаетъ періодъ все усиливающихся разногласій. Ужъ 5-го Марта Ставка предлагаетъ рядъ мѣръ для охраненія арміи отъ пропаганды изъ нѣдръ столичнаго Совѣта и для прекращенія начавшихся въ фронтовыхъ и тыловыхъ раіонахъ убійствъ офицеровъ. Рузскій эти мѣры уже принялъ, но не ожидаетъ отъ нихъ успѣха и проситъ Ставку снестись съ правительствомъ, чтобы оно и Совѣтъ рабочихъ депутатовъ осудили выступленія противъ вооруженныхъ командъ и офицеровъ. Рузскій не зналъ еще, что революція уже была правительствомъ объявлена «великою и безкровною»; а всѣ жертвы эксцессовъ толпы надлежало во имя идеаловъ свободы замалчивать и скрывать.

Рузскій уже видитъ, что обѣщаннаго Родзянко подъема духа и наступленія успокоенія нѣтъ. Наоборотъ, части волнуются, офицеры гибнутъ на фронтѣ и въ тылу отъ русскихъ пуль и штыковъ, но онъ еще надѣется, что правительство пользуется довѣріемъ народнымъ и, не допуская мысли дать на фронтѣ врагамъ и союзникамъ зрѣлища междуусобныхъ сраженій, предлагаетъ вызвать авторитетныхъ правительственныхъ комиссаровъ для успокоенія войскъ. Мѣра, чреватая,

печальными послѣдствіями. Рузскій объяснялъ ее принятіе тѣмъ, что офицерство само слишкомъ взволновано и сбито съ толку, чтобы спокойно и объективно разъяснять солдатамъ положеніе и искалъ лицъ — очевидцевъ, лицъ гражданскихъ, которые выяснили-бы, что разъ все офицерство подчинилось новому правительству, то нѣтъ основаній его подозрѣвать въ стремленіи ему измѣнить.

Въ ночь на 6-ое Марта генералъ Рузскій обращается съ телеграммой къ генералу Алексѣеву, Гучкову, Керенскому и князю Львову, указываетъ на безобразное явленіе ареста и обезоруженія офицеровъ и, выясняя грозное значеніе этихъ явленій, требуетъ немедленнаго и «авторитетнаго разъясненія недопустимости сего центральной властью» безъ чего развалъ неизбѣженъ.

На всѣ свои ходатайства Рузскій не получаетъ отвѣта и вмѣсто того на фронтъ летятъ знаменитые приказы Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ и прибываютъ агитаціонныя делегаціи и депутаціи. 18 Марта Рузскій еще разъ говоритъ съ Родзянко, желая выяснить, что дѣлается въ столицѣ и что дѣлаетъ Временный Комитетъ Государственной Думы. Путаница въ словахъ «Совѣтъ Министровъ» и «Временное Правительство», по его мнѣнію, была вредна и производила впечатлѣніе неустойчивости. Родзянко пытался разъяснить сомнѣнія генерала, но не убѣдилъ его и поспѣшилъ закончить разговоръ банальными любезностями. «Не стоило съ нимъ говорить» вспоминалъ объ этомъ разговорѣ впослѣдствіи Рузскій.

Черезъ день произошелъ у него обмѣнъ телеграммъ съ военнымъ Министромъ Гучковымъ (док. № № 56 и 57).

Телеграмма того, кто носилъ званіе Военнаго Министра и пока высказалъ себя лишь тѣмъ, что допустилъ изданіе приказа номеръ первый Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ и запретилъ опубликованіе прощальнаго приказа по арміи отрекшагося Государя — Верховнаго Главнокомандующаго, — телеграмма эта глубоко возмутила военную душу Рузскаго. Онъ понялъ, что Гучковъ можетъ быть прекраснымъ ораторомъ, отличнымъ критикомъ военнаго бюджета, но руководить обороной государства во время войны не можетъ. Въ немъ не было чувства дисциплины, онъ не понималъ основъ воинскаго духа.

Еще черезъ два дня пришла длинная телеграмма изъ Ставки. критическія помѣтки на коей Рузскаго и горькія заключительныя фразы этихъ помѣтокъ показываютъ, что Рузскій потерялъ окончательно вѣру въ новое правительство и не одобрялъ оптимизма Ставки. Его присутствіе во главѣ Сѣвернаго фронта стало для него невозможнымъ.

Онъ былъ боленъ, видѣлъ развалъ арміи, видѣлъ, что у власти лю-

ди неопытные, незнающіе, видѣлъ, что генералъ Алексѣевъ имъ вполнѣ подчинился, что даже по важнѣйшимъ вопросамъ политическимъ въ Ставкѣ его также не слушали, какъ прежде не слушали часто по стратегическимъ, а роль каждаго офицра все болѣе принимала политическій характеръ. Онъ чувствовалъ, что для политики онъ не годится и рѣшилъ уйти со своего поста съ тяжелымъ чувствомъ, что онъ обманулся въ надеждѣ, что дѣйствительно въ Россіи найдутся люди, которые лучше прежнихъ съумѣютъ ею управлять.

Онъ чувствовалъ, что, стремясь къ благу Россіи, и увѣренный, что отвѣтственное Министерство есть путь къ нему, онъ въ своей длительной бесѣдѣ съ Государемъ вечеромъ 1 Марта поколебалъ устои Трона, желая ихъ укрѣпить. Онъ чувствовалъ, что, если ни на минуту не измѣнилъ Государю, то не съумѣлъ, одинъ противъ Ставки, изыскать, для спасенія Россіи и Династіи, иной мѣры, кромѣ предложеннаго генераломъ Алексѣевымъ отреченія. Россія уже гибла на его глазахъ, а Царь былъ въ заточеніи.

Н. В. Рузскій мало зналъ Государя, и, случалось, порицалъ Его. Еще меньше онъ зналъ Государыню. Но онъ былъ справедливъ, глубоко любилъ Россію, былъ убѣжденный монархистъ, весь проникнутый чувствомъ долга, прямолинеенъ и честенъ. Онъ не скрывалъ своихъ мнѣній, но умѣлъ слушать и былъ, хотя и либеральныхъ взглядовъ, но беззавѣтно преданный Престолу человѣкъ и солдатъ. Онъ не отдѣлялъ Трона отъ Россіи. Онъ съ первыхъ минутъ революціи предвидѣлъ, къ чему она приведетъ, и обвинялъ въ отреченіи, которое считалъ ошибкой, больше всего генерала Алексѣева, какъ обвинялъ его и въ разныхъ военныхъ неудачахъ.

Въ трагическіе дни стоянки Императорскаго поѣзда въ Псковѣ, Н. В. Рузскій считалъ, что далеко не все потеряно, но былъ глубоко убѣжденъ въ пользѣ отвѣтственнаго передъ палатами Министерства и считалъ своимъ долгомъ настаивать на немъ передъ Государемъ. Это ему удалось. Родзянко нашелъ, однако, что Государь промедлилъ два дня, и, скрывая свое безсиліе справиться съ анархіей въ Петроградѣ, онъ рѣшилъ пожертвовать Государемъ.

М. В. Алексѣевъ, сгоряча повѣрилъ Родзянкѣ, принялъ рѣшеніе посовѣтовать Государю отречься отъ Престола и увлекъ къ тому остальныхъ Главнокомандующихъ. Вотъ основное мнѣніе покойнаго Н.В.Рузскаго о дняхъ 1 и 2 марта 1917 года.

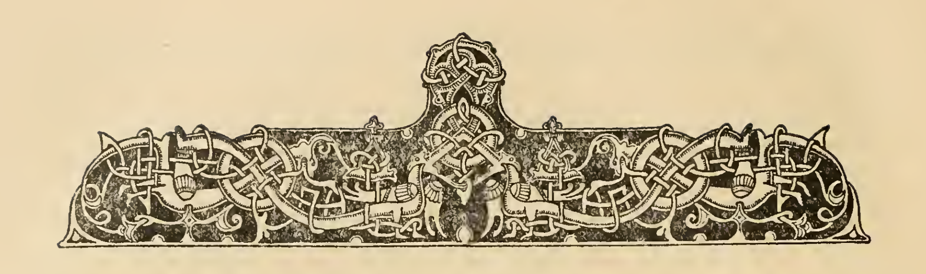
Вся дальнѣйшая дѣятельность М. В. Алексѣева была сплошнымъ страданіемъ и стремленіемъ загладить свою вину передъ Россіей. Онъ пытался первое время работать съ новымъ правительствомъ, убѣдился, что это немыслимо и все же послѣ Корнилова рѣшился еще разъ вернуться въ Могилевъ, но выдержать не могъ.

Тогда въ его умѣ созрѣла мысль о Добровольческой Арміи и онъ, больной, умирающій, потерявшій всякую вѣру и уваженіе къ политическимъ дѣятелямъ, попытался опереться на офицерство. Оно ему не измѣнило.

М. В. Алексѣевъ давно понялъ свой грѣхъ, свое преступленіе, совершенное утромъ 2 Марта 1917 года, и имѣлъ счастіе умереть въ ту минуту, когда дѣло искупленія, казалось, должно было увѣнчаться успѣхомъ. Онъ пережилъ Государя на два съ половиной мѣсяца.

Н. В. Рузскій не былъ такъ счастливъ. Глубоко страдалъ онъ нравственно до конца своей жизни и не могъ, безъ волненія, говорить о трагическихъ дняхъ 1 и 2 Марта. Онъ пережилъ Государя на три мѣсяца.

С. Вильчковскій.

Изъ воспоминаній о первыхъ дняхъ революціи.

Мужъ мой, Министръ Юстиціи, Н. А. Добровольскій, былъ арестованъ въ первый-же день переворота, 27 Февраля, и, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Таврическомъ Дворцѣ, заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Мы жили тогда въ домѣ Министерства Юстиціи, на углу Большой Итальянской и Екатерининской улицъ.

На третій, кажется, день послѣ переворота въ зданіе Министерства пріѣхалъ А. Ф. Керенскій и тотчасъ пожелалъ меня видѣть; при этомъ прислуга, съ удивленіемъ сообщила мнѣ, что новый Министръ пожимаетъ всѣмъ руки: швейцарамъ, курьерамъ и лакеямъ.

Я вышла къ нему и увидѣла человѣка въ косовороткѣ и потертомъ пиджакѣ, лѣтъ тридцати, съ лицомъ, въ которомъ проглядывало что-то типично еврейское, худого, изможденнаго и крайне нервнаго. За нимъ стояли два офицера — тѣлохранителя, которые ходили за нимъ буквально по пятамъ.

Керенскій очень вѣжливо представился мнѣ, сказалъ, чтобы я не безпокоилась за участь мужа, что онъ разрѣшаетъ мнѣ ежедневныя съ нимъ свиданія, и затѣмъ просилъ меня остаться въ квартирѣ, такъ какъ онъ займетъ для себя только рабочій кабинетъ и комнату рядомъ, какъ спальню. Послѣ этого онъ приказалъ собрать всю домовую прислугу и съ пафосомъ и жестикуляціями обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой просилъ служить мнѣ по прежнему, указывая, что и старое правительство, арестовывая революціонеровъ, не обижало ихъ семействъ, почему теперь новое революціонное правительство должно быть въ этомъ отношеніи гораздо болѣе великодушнымъ. Затѣмъ онъ сказалъ прислугѣ, что, если она не хочетъ служить мнѣ, то должна сдѣ-

лать это для него, послѣ чего отпустилъ всѣхъ ихъ великолѣпнымъ жестомъ руки.

Въ квартирѣ онъ поселился въ тотъ-же день безъ жены, которая лишь приходила его навѣщать съ дѣтьми, двумя мальчиками. Она производила на меня впечатлѣніе ярой, озлобленной революціонерки: самъ-же Керенскій — впечатлѣніе безусловно не злого, но безконечно влюбленнаго въ себя человѣка.

Черезъ нѣсколько дней въ зданіе Министерства Юстиціи стали съѣзжаться бывшіе политическіе ссыльные и каторжане, большей частью евреи, которые заняли весь верхній этажъ квартиры. У насъ-же поселилась пріѣхавшая изъ Сибири, знаменитая «бабушка русской революціи» Брешко-Брешковская, пользовавшаяся исключительной симпатіей Керенскаго и цѣлый день окруженная революціонной молодежью. Она безъ устали проповѣдывала всѣмъ въ томъ числѣ и моему младшему сыну, что теперь не время учиться, а всѣ должны ѣхать въ деревню и тамъ заниматься пропагандою. Жена Керенскаго проводила много времени среди вернувшихся изъ ссылки евреевъ, жившихъ у насъ наверху, постоянно устраивая въ ихъ пользу спектакли, концерты, сборы пожертвованій и собирала огромное количество денегъ.

Въѣхавъ въ нашу квартиру, Керенскій тотчасъ-же распорядился убрать изъ всѣхъ комнатъ казенные Царскіе портреты и отнести ихъ на чердакъ. Принадлежащія-же лично мнѣ фотографіи Государя, Императрицъ, Наслѣдника и Великихъ Княженъ, стоявшія въ рамкахъ на столикахъ въ гостиной, каждое утро, въ первые дни пребыванія Керенскаго въ Министерскомъ домѣ, я находила перевернутыми. Кабинетъ Керенскаго былъ всегда уставленъ огромнымъ количествомъ, постоянно мѣнявшихся цвѣтовъ — неизмѣнно краснаго цвѣта.

Занятъ былъ Керенскій чрезвычайно, какъ безпрерывными разъѣздами, такъ и пріемами цѣлыхъ толпъ посѣтителей, осаждавшихъ его, когда онъ бывалъ дома. Посѣтители положительно рвали его на части. Почти безпрерывно приходили какія-то депутаціи солдатъ и матросовъ, желавшихъ его видѣть. Онъ выходилъ къ нимъ и объяснялъ, что по ихъ дѣламъ они должны идти къ тому или другому Министру, но на это обычно получалъ отвѣтъ, что они вѣрятъ только ему и признаютъ только его. Послѣ такого отвѣта лицо Керенскаго широко озарялось улыбкою и онъ положительно сіялъ. Отъ этого множества посѣтителей, большинство которыхъ были солдаты и рабочіе, пріемныя комнатъ нашей квартиры чрезвычайно быстро пришли въ невыразимо грязный видъ; въ нихъ постоянно стояли столбы дыма и сильный специфическій запахъ, а полы были заплеваны, покрыты окурками и ше-

лухой отъ семячекъ. Но посреди этой простонародной толпы бывали и элегантно одѣтые посѣтители. Самыми элегантными и самыми постоянными изъ этихъ посѣтителей были двое. Первый изъ нихъ — графъ Орловъ Давыдовъ, извѣстный огромнымъ состояніемъ и не менѣе извѣстный своимъ процессомъ со второй женой, артисткой Пуаре, на которомъ выяснилось, между прочимъ, къ великому смущенію нашихъ либераловъ и соціалистовъ, что шаферами на свадьбѣ графа были: собственный его камердинеръ, какой-то латышъ, и рядомъ съ нимъ лидеръ соціалистовъ Государственной Думы Керенскій. Очевидно, что ихъ что-то связывало. Вторымъ постояннымъ и еще болѣе знатнымъ посѣтителемъ Керенскаго былъ, какъ это ни странно, Великій Князь Николай Михаиловичъ, ежедневно терпѣливо высиживавшій часами въ пріемной, среди массы пестраго люда, въ ожиданіи ухода послѣдняго посѣтителя, послѣ чего онъ входилъ въ кабинетъ Керенскаго.

Графъ Орловъ Давыдовъ пріѣзжалъ каждый день, часто задолго до возвращенія Керенскаго домой, причемъ обыкновенно привозилъ съ собой своего повара съ большимъ запасомъ провизіи, такъ какъ на нашей кухнѣ, подъ личнымъ наблюденіемъ графа, приготовлялись тѣ блюда, которыя любилъ Керенскій, а затѣмъ, когда Керенскій освобождался отъ посѣтителей, уже поздно вечеромъ Керенскій, Великій Князь Николай Михайловичъ и Графъ Орловъ Давыдовъ садились за обѣдъ, за которымъ выпивали не мало вина. Вообще за этими обѣдами, какъ было хорошо извѣстно всѣмъ въ домѣ, они не стѣсняли себя ни въ чемъ.

Спать Керенскій ложился поздно. Передъ тѣмъ, какъ отправляться ко сну, онъ призывалъ лакея и подробно разспрашивалъ, не ночуетъ-ли кто-либо изъ постороннихъ въ домѣ, особенно нѣтъ-ли какихъ нибудь офицеровъ. Затѣмъ у дверей его комнаты ложились для охраны Министерскіе курьеры, смѣняя на ночь неотсупно находившихся при немъ въ теченіе дня двухъ офицеровъ — тѣлохранителей.

Какъ-то ночью съ Керенскимъ случился сердечный припадокъ. Тюринъ, лакей моего мужа, прислуживавшій ему, пришелъ ко мнѣ и просилъ дать для Министра микстуру изъ ландышевыхъ и валеріановыхъ капель, которая всегда имѣлась у меня, такъ какъ я страдаю сердцемъ. Я отсчитала 20 капель въ полъ стакана воды и послала Керенскому. Лакей разсказывалъ мнѣ на другой день, что когда онъ предложилъ выпить капли Керенскому, сказавши, что ихъ послала я, то послѣдній рѣшительно отказался отъ этого, а затѣмъ, спросивъ, не можетъ-ли это быть отрава, предложилъ Тюрину самому выпить эти капли или вылить ихъ. Когда-же Тюринъ выпилъ, то Ке-

ренскій успокоился, но попросилъ прислать пузырекъ съ лекарствомъ къ нему и въ его присутствіи накапать въ стаканъ съ водой.

Живя въ одной квартирѣ съ Керенскимъ, я встрѣчалась съ нимъ ежедневно, но разговоры между нами происходили далеко не часто.

Черезъ нѣсколько дней послѣ переворота Керенскій заговорилъ со мною о моемъ мужѣ, а затѣмъ разговоръ перешелъ на Государя, о которомъ онъ отзывался нелестно, причемъ сталъ говорить, что онъ удивляется, какъ могъ мой мужъ, повидимому человѣкъ умный, быть преданнымъ такому ничтожному и жалкому человѣку, какъ Николай II. Я замѣтила ему, что я имѣю по этому вопросу совершенно другіе взгляды и что подобный разговоръ для меня тяжелъ, послѣ чего Керенскій тотчасъ-же его прекратилъ.

Затѣмъ онъ куда-то уѣхалъ и вернулся домой только на другой день поздно вечеромъ; я въ это время была у себя и собиралась ложиться спать, какъ мнѣ доложили, что Керенскій проситъ меня принять его.

Я сейчасъ-же къ нему вышла. Онъ заявилъ мнѣ, что былъ въ Царскомъ Селѣ, провелъ много времени съ Государемъ и желаетъ подѣлиться со мною впечатлѣніями. Затѣмъ съ какой-то возбужденностью Керенскій сталъ мнѣ быстро и горячо говорить, что до этой поѣздки онъ совершенно иначе рисовалъ себѣ Государя и когда пріѣхалъ въ Царское, то думалъ, что будетъ держать себя съ нимъ очень развязно, какъ съ жалкимъ ничтожествомъ. Но вышло совершенно иначе. Керенскій засталъ Государя въ паркѣ, всего покрытаго снѣжинками, съ лопатой въ рукахъ, въ фуражкѣ на затылокъ, изъ-подъ которой видны были всклокоченные волосы. Въ этой обстановкѣ онъ не узналъ Его. Но стоило только Государю поднять на него свои удивительные глаза, какъ Керенскій почувствовалъ, кто Онъ. При этомъ съ искренностью, которая меня тронула, Керенскій разсказалъ, что онъ тотчасъ-же понялъ, несмотря на скромный рабочій обликъ Государя, что стоитъ передъ человѣкомъ, который въ духовномъ отношеніи неизмѣримо выше его. Государь спокойно, внимательно и доброжелательно поздоровался съ нимъ и сталъ также спокойно, объективно говорить о текущихъ событіяхъ.

У Керенскаго, по его словамъ, сразу пропала вся развязность. «Я призадумался» разсказывалъ Керенскій съ истерическими выкриками», какъ къ нему обратиться и хотѣлъ сказать «Полковникъ», но въ это время Онъ на меня такъ взглянулъ, что я невольно сказалъ — «Ваше Величество». Сейчасъ-же, замѣтивъ мое смущеніе, Государь по своей чуткости, которую я тоже сейчасъ-же понялъ, сталъ говорить со

мною еще болѣе благожелательно. Это въ свою очередь еще болѣе заставило меня почувствоватв всю ту пропасть, которая насъ раздѣляла, и насколько Онъ выше меня».

Далѣе Керенскій въ томъ-же страстномъ истерическомъ, но вполнѣ искренномъ тонѣ продолжалъ свой разсказъ, подчеркивая, что онъ вполнѣ убѣдился за свою поѣздку въ Царское, что единственное, чѣмъ былъ всецѣло поглощенъ Государь, это своей безграничной преданностью родинѣ, что онъ думаетъ только о благѣ Россіи, причемъ съ поразительной простотою заявилъ въ разговорѣ Керенскому, что если для этого блага Россіи нужна Его жизнь, то Онъ готовъ съ радостью ее отдать. Наконецъ, Керенскій сказалъ, что онъ долженъ сознаться, что Государь вовсе не ограниченный и не необразованный человѣкъ, а наоборотъ, поразилъ его своимъ разностороннимъ образованіемъ, умомъ, огромной памятью, а также и огромной освѣдомленностью, и при всемъ этомъ неотразимой обаятельностью.

Нѣсколько разъ во время своего порывистаго разсказа Керенскій восклицалъ: «Какъ жаль, что Онъ былъ такъ мало популяренъ и такъ не понятъ. Вѣдь намъ-же Его рисовали совершенно инымъ».

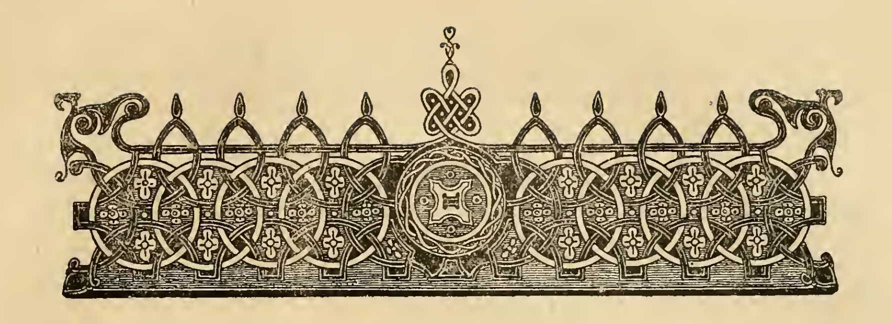
У меня больше не было разговоровъ съ Керенскимъ о Государѣ, но послѣ этого памятнаго вечера никто уже не переворачивалъ по утрамъ портретовъ Государя и Царской Семьи въ моей гостиной.

На этомъ я заканчиваю свой разсказъ. Въ заключеніе считаю долгомъ сказать, что, несмотря, на то, что послѣ описаннаго вечерняго признанія Керенскій опять всячески сталъ поносить на митингахъ въ Совѣтѣ рабочихъ депутатовъ и передъ солдатами Царскій режимъ — мнѣ кажется, что онъ дѣлалъ это по обязанности, будучи связанъ съ тѣми организаціями, которыя выдвинули его такъ высоко въ это время. Въ глубинѣ-же своей души, я думаю, онъ продолжалъ оставаться благожелательнымъ къ Государю, что вѣроятно и навлекло на него неудовольствіе его болѣе лѣвыхъ товарищей послѣ ссылки Царской Семьи въ Тобольскъ.

О. Добровольская.

28-го Іюля 1919 года.

(сообщено А. Д. Нечволодовымъ.)

Арестъ Государыни Императрицы Александры Федоровны и Августѣйшихъ дѣтей Ихъ Величествъ.

Разсказъ состоявшаго въ Собственномъ Его Величества полку, лейбъ-гвардіи 4-го стрѣлковаго Императорской Фамиліи полка — поручика Константина Николаевича Кологривова.

Въ ночь, не помню точно на какое именно число Марта 1917-го года, я вмѣстѣ съ другими офицерами Собственнаго Его Величества полка находился въ Александровскомъ Дворцѣ, въ Царскомъ Селѣ.

Между часомъ и двумя пополуночи наше вниманіе привлекъ необычный шумъ, происходившій въ вестибюлѣ, и вслѣдъ за тѣмъ намъ сообщили, что пріѣхали Военный Министръ и Главнокомандующій съ какой-то депутаціей и что наружные часовые, стоявшіе у подъѣзда не хотѣли ихъ пустить во Дворецъ.

Когда я вошелъ въ освѣщенный вестибюль, то увидѣлъ въ немъ главнокомандующаго войсками Петроградскаго военнаго округа генерала Корнилова, Военнаго Министра Временнаго Правительства Гучкова и группу пріѣхавшихъ съ ними.

Корниловъ и Гучковъ были съ огромными красными бантами на груди, причемъ банты эти были съ какими-то раструбами и широкими ниспадающими лентами. Такіе-же красные банты были и у ихъ спутниковъ.

Корниловъ находился впереди всей группы, а Гучковъ все время держался нѣсколько позади Корнилова, какъ-бы подталкивая его.

Я вошелъ въ вестибюль какъ разъ въ то время, когда Корниловъ громкимъ голосомъ и въ грубой формѣ потребовалъ видѣть «бывшую Царицу». Это были его подлинныя слова.

На это ему сказали, что Ея Величество въ столь поздній часъ вѣроятно уже почиваетъ, и что всѣ дѣти больны. «Теперь не время спать» отвѣтилъ Корниловъ «разбудите Ее».

Тогда былъ посланъ къ Государынѣ кажется дежурный скороходъ или камердинеръ узнать, можетъ-ли Ея Величество принять депутацію.

Государыня приказала отвѣтить, что приметъ депутацію въ Собственной Ея Величества гостиной, такъ называемой «Липовой», куда и направились всѣ пріѣхавшіе.

Я при этомъ пріемѣ присутствовалъ.

Когда Корниловъ, шедшій впереди всей группы, вошелъ въ гостиную, а Гучковъ пріостановился на порогѣ, то какъ разъ въ эту минуту показалась изъ противоположной двери Императрица.

Она была въ пенюарѣ.

Твердой походкой направилась Она къ Корнилову. Тотъ видимо смутился и остановился. Не двигался съ мѣста и Гучковъ.

Подойдя къ Корнилову, и не подавая ему руки, Государыня спросила: «Что Вамъ нужно генералъ?»

На это Корниловъ вытянулся и затѣмъ въ крайне почтительномъ тонѣ, что рѣзко противорѣчило всей его предшествующей манерѣ держать себя, прерывающимся голосомъ сказалъ: «Ваше Императорское Величество...... Вамъ неизвѣстно, что происходитъ въ Петроградѣ и въ Царскомъ...... мнѣ очень тяжело и непріятно Вамъ докладывать.... но для Вашей-же безопасности я принужденъ Васъ.....» и замялся....

На это Государыня, перебивъ его, сказала: «Мнѣ все очень хорошо извѣстно. Вы пришли меня арестовать?»

Тотъ смѣшался еще болѣе и, наконецъ, пролепеталъ: «Такъ точно».

«Больше ничего?» спросила его Императрица.

«Ничего» сказалъ Корниловъ.

Государыня, не подавая ему руки, повернулась и удалилась въ Свои покои.

Повернулись и направились обратно къ вестибюлю Гучковъ, Корниловъ и всѣ прiѣхавшiе съ ними.

Сцена эта произвела на всѣхъ насъ присутствовавшихъ — офицеровъ, дворцовую прислугу и солдатъ (внутреннихъ часовыхъ и казаковъ конвоя Его Величества) невыразимо тяжелое впечатлѣнiе.

К. Кологривовъ.

18 Октября 1921 года.

(*сообщено А. Д. Нечволодовымъ*).

БИБЛІОГРАФІЯ.

---

1) **А. И. Деникинъ.** Очерки Русской Смуты. 1921 г. вып. I и II.

2) **А. А. Бубликовъ.** Русская Революція. Нью-Іоркъ. 1920 г.

3) **Проф. Ю. В. Ломоносовъ.** Воспоминанія о Мартовской революціи 1917 г. Стокгольмъ-Берлинъ. 1921 г.

4) **А. С. Лукомскій.** Изъ воспоминаній. «Архивъ русской революціи» т. т. II и III.

5) **А. Блокъ.** Послѣдніе дни стараго режима. «Архивъ русской революціи т. IV.

6) **В. В. Шульгинъ.** Подробности отреченія. Газ. «Рѣчь» 8 Марта 1917 г. № 57.

7) **С. С. Саввичъ.** Отреченіе отъ престола Императора Николая II. Газ. «Отечество» 10, 11 и 12 Января 1919 г. гор. Архангельскъ.

Обстоятельства, въ которыхъ произошло отреченіе отъ престола Государя Николая Александровича, нашли себѣ отраженіе въ довольно обширной литературѣ воспоминаній и записокъ. Наиболѣе полное изложеніе этого событія содержатъ помѣщенныя въ настоящей книгѣ «Лѣтописи» записки Д. Н. Дубенскаго и С. Н. Вильчковскаго.

Главнѣйшіе изъ ранѣе опубликованныхъ источниковъ поименованы выше. Не входя ни въ полемику, ни въ общую оцѣнку каждаго изъ нихъ, мы ограничимся извлеченіемъ изъ этихъ источниковъ тѣхъ отдѣльныхъ фактовъ и сужденій, которые могутъ дополнить въ чемъ либо изложеніе первыхъ двухъ авторовъ или дать матерьялъ для провѣрки ихъ сообщеній.

Для правильной оцѣнки приводимыхъ ниже выдержекъ отмѣтимъ лишь, что лица, изъ воспоминаній коихъ онѣ извлечены, принадлежали, по своему положенію, къ числу наиболѣе освѣдомленныхъ и показанія ихъ заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія.

Дадимъ поэтому и краткія свѣдѣнія объ ихъ отношеніи къ излагаемымъ событіямъ.

Генералъ *А. И. Деникинъ,* имя и патріотическая дѣятельность котораго извѣстны всей Россіи, состоялъ начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго въ то время, когда эту должность занималъ М. В. Алексѣевъ, и былъ ближайшимъ къ Алексѣеву лицомъ. Къ тому же, по своему происхожденію Деникинъ былъ одной среды съ Алексѣевымъ и нѣкоторыми изъ ближайшихъ сотрудниковъ послѣдняго и совершенно чуждъ тѣмъ кругамъ, изъ которыхъ выходило большинство высшихъ военныхъ чиновъ прежняго времени. Поэтому его впечатлѣнія и отзывы пріобрѣтаютъ особое значеніе, не только, какъ сужденія крупнаго человѣка, близко освѣдомленнаго о взглядахъ генерала Алексѣева, но и какъ отраженіе настроеній этой части высшаго командн аго состава.

А. С. Лукомскій, занимавшій должность генералъ-квартирмейстера въ Ставкѣ, стоялъ все время въ самомъ центрѣ ея дѣятельности и былъ ближайшимъ сотрудникомъ, а вѣроятно и совѣтникомъ, М. В. Алексѣева въ рѣшительные дни, когда обсуждался вопросъ объ отреченіи. Какъ видно изъ документовъ онъ первый изъ чиновъ Ставки высказалъ въ разговорѣ съ Псковомъ убѣжденіе въ необходимости отреченія.

Генералъ *С. С. Савичъ,* занимавшій должность начальника снабженій Сѣвернаго фронта, присутствовалъ въ Псковѣ, вмѣстѣ съ генераломъ Ю. Н. Даниловымъ, при томъ разговорѣ Государя съ Н. В.

Рузскимъ, во время котораго Государь принялъ рѣшеніе отречься отъ престола.

В. В. Шульгинъ вмѣстѣ съ А. И. Гучковымъ получилъ, какъ извѣстно, въ Псковѣ изъ рукъ Государя окончательный актъ отреченія для доставки въ Петроградъ.

А. А. Бубликовъ и Ю. В. Ломоносовъ въ первые дни революціи являлись лицами едва ли не наиболѣе освѣдомленными о всемъ томъ,что происходило въ Петроградѣ и особенно на прилегающихъ къ нему линіяхъ желѣзныхъ дорогъ. Первый изъ нихъ — членъ Государственной Думы — въ самомъ началѣ мятежа захватилъ, при ближайшемъ содѣйствіи осужденнаго за убійство проститутки бѣглаго каторжника Рогальскаго и какихъ то случайно собранныхъ имъ солдатъ, зданіе Министерства Путей Сообщенія и состоялъ нѣсколько дней Комиссаромъ по дѣламъ этого вѣдомства; второй былъ его ближайшимъ помощникомъ. Оба они все время находились въ Министерствѣ, руководя оттуда движеніемъ на желѣзныхъ дорогахъ и состоя въ постоянной телеграфной и телефонной связи со всѣми станціями на линіяхъ, прилегающихъ къ столицѣ. Они не только освѣдомляли и объединяли имѣвшіеся по желѣзнымъ дорогамъ элементы революціи, создавая своими телеграммами благопріятную ей атмосферу, но и раздували въ этихъ цѣляхъ событія и болѣе того — фальсифицировали ихъ.

«Телеграмма,посланная 28 Февраля Бубликовымъ по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ», говоритъ Ломоносовъ «сыграла рѣшающую роль. Къ утру 1 Марта вся Россія, или по крайней мѣрѣ та часть ея, которая лежитъ недальше 10-15 верстъ отъ желѣзныхъ дорогъ, узнала, что въ Петроградѣ произошла революція».

«Изъ телеграммы этой всѣ узнали» — продолжаетъ онъ — «что уже 27 Февраля фактически власть была въ рукахъ Думы. Было ли такъ на самомъ дѣлѣ? Конечно, нѣтъ. Бубликовъ поступилъ такъ же, какъ Бисмаркъ съ Эмской телеграммой. Онъ подправилъ действительность. Этимъ онъ оказалъ громадную, еще не сознанную услугу русской революціи и въ то же время задержалъ ея естественное теченіе, окруживъ Думу совершенно незаслуженнымъ ореоломъ».

«Первое впечатлѣніе всегда самое сильное. Изъ телеграммы Бубликова вся Россія впервые узнала о революціи и поняла, что ее сдѣлала Дума. Нужны были мѣсяцы, чтобы гуща русскаго народа поняла эту фальсификацію. Но, тѣмъ не менѣе, тотъ фактъ, что Бубликовъ нашелъ въ себѣ смѣлость торжественно увѣдомить всю Россію о созданіи новой власти въ то время, когда фактически еще никакой власти не

было, предотвратило на мѣстахъ даже тѣнь контръ-революціонныхъ выступленій».

Наконецъ, *А. Блокъ,* перу котораго принадлежитъ статья «Послѣдніе дни стараго режима» — модный въ революціонныхъ кругахъ поэтъ —пѣвецъ большевизма, авторъ кощунственной поэмы «Двѣнадцать», состоялъ дѣлопроизводителемъ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи. Въ качествѣ таковаго онъ имѣлъ доступъ къ собраннымъ ею матерьяламъ и широко ими воспользовался. Судя по политическому облику его и по тону статьи, можно думать, что подборъ цитатъ и ссылокъ могъ быть сдѣланъ имъ весьма односторонне и къ тому же ко всѣмъ этимъ матерьяламъ, особенно къ выпискамъ изъ показаній опрошенныхъ Комиссіей лицъ, необходимо, какъ указалъ А. Ф. Романовъ («Русская Лѣтопись» кн. 2 стр. 37) относиться съ большою осторожностью. Тѣмъ не менѣе, статья эта имѣетъ свою цѣну, потому что въ ней содержится много данныхъ, которыя долго еще будутъ намъ недоступны въ ихъ полнотѣ и открываютъ возможность возстановить текстъ разныхъ телеграммъ и другихъ, имѣющихъ значеніе документовъ.

Въ воспоминаніяхъ А. И. Деникина мы находимъ весьма цѣнныя свѣдѣнія по вопросу, который невольно смущаетъ каждаго, кто читаетъ записки и документы, помѣщенные въ настоящей книгѣ «Лѣтописи». Какъ могло случиться, что ближайшіе къ Государю военачальники, Его генералъ-адъютанты, люди, казалось-бы сугубо обязанные долгомъ вѣрности и преданности своему Верховному вождю, такъ быстро отдались во власть брошенной изъ Петрограда мысли объ отреченіи и такъ легко ей подчинились.

Оказывается что не для всѣхъ изъ нихъ эта мысль являлась неожиданною. Нѣкоторые уже задолго до того знали о существованіи преступнаго заговора, имѣвшаго цѣлью низложеніе Государя и фактическій захватъ власти группой политическихъ авантюристовъ; знали и лицъ, этотъ переворотъ подготовляющихъ.

Вотъ, что пишетъ по этому поводу А. И. Деникинъ:

«Въ Севастополь къ больному Алексѣеву *) пріѣхали представители думскихъ и общественныхъ круговъ. Они совершенно откровенно заявили, что назрѣваетъ переворотъ. Какъ отнесется къ этому страна, они знаютъ. Но какое впечатлѣніе произведетъ переворотъ на фронтѣ, они учесть не могутъ. Просили совѣта.

«Алексѣевъ въ самой категорической формѣ указалъ на недопусти-

*) М. В. Алексѣевъ вернулся изъ Крыма въ Ставку во второй половинѣ Февраля 1917 года.

мость какихъ-бы то ни было государственныхъ потрясеній во время войны, на смертельную угрозу фронту, который, по его пессимистическому опредѣленію, «и такъ не слишкомъ прочно держится», просилъ во имя сохраненія арміи не дѣлать этого шага.

«Представители уѣхали, обѣщавъ принять мѣры къ предотвращенію готовившагося переворота.

«Не знаю, какія данныя имѣлъ Михаилъ Васильевичъ, но онъ увѣрялъ меня впослѣдствіи, что тѣ же представители вслѣдъ засимъ посѣтили Брусилова и Рузскаго и, получивъ отъ нихъ отвѣтъ противоположнаго свойства, измѣнили свое первоначальное рѣшеніе: подготовка переворота продолжалась.

«Пока трудно выяснить детали этого дѣла. Участники молчатъ, матеріаловъ нѣтъ, а все дѣло велось въ глубокой тайнѣ, не проникая въ широкіе армейскіе круги. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя обстоятельства стали извѣстны..........
предполагалось вооруженной силой остановить Императорскій поѣздъ во время слѣдованія его изъ Ставки въ Петроградъ. Далѣе должно было послѣдовать предложеніе Государю отречься отъ престола, а въ случаѣ несогласія, физическое его устраненіе. Наслѣдникомъ предполагался законный правопреемникъ Алексѣй и регентомъ Михаилъ Александровичъ». *)

Свѣдѣнія, сообщаемыя А. И. Деникинымъ, находятъ себѣ подтвержденіе и въ другомъ, весьма освѣдомленномъ источникѣ.

Въ 1920 г., въ Петроградѣ, вышла книга М. Лемке: «250 дней въ Царской Ставкѣ». Авторъ ея, состоявшій въ должности переводчика, систематически велъ дневникъ, пользуясь не только тѣмъ матеріаломъ, который проходилъ черезъ его руки по службѣ, но и всѣми данными, которыя ему удавалось раздобыть, проще говоря выкрасть изъ дѣлопроизводства Ставки. «Матеріалами для меня служили» — пишетъ онъ — «безчисленные документы, проходившіе черезъ меня или около меня, чаще-же, и въ очень большомъ числѣ, попадавшіеся мнѣ подъ безъ устали искавшую руку. Всѣ они тщательно копировались, когда на мѣстѣ, въ управленіи, когда въ театрѣ, въ ресторанѣ, на дежурствѣ въ аппаратной секретнаго телеграфа, больше всего».

Судя по опубликованнымъ имъ даннымъ, Лемке дѣйствительно зналъ многіе секреты Ставки. И вотъ, онъ свидѣтельствуетъ, что среди командного состава разговоры о возможности государственнаго пере-

---

*) (Очерки Русской Смуты, вып. I, стр. 37-39).

ворота и низложенія Государя начались еще осенью 1915 г. и еще тогда генералъ Пустовойтенко (генералъ-квартирмейстеръ Ставки) какъ то сказалъ ему: «Я увѣренъ, что въ концѣ концовъ Алексѣевъ будетъ просто диктаторомъ». «Очевидно» — отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ Лемке, 9 Ноября 1915 г., «что-то зрѣетъ, что даетъ основаніе предполагать такой исходъ. Не даромъ есть такіе пріѣзжающіе, о цѣли появленія которыхъ ничего не удается узнать, а часто даже и фамиліи ихъ не установишь.... Имѣю основаніе думать, что Алексѣевъ долго не выдержитъ своей роли; что-то у него есть, связующее его съ генераломъ Крымовымъ, именно на почвѣ политической, хотя и очень скрываемой дѣятельности».

А весной 1916 г. Лемке пишетъ въ своемъ дневникѣ:

«Меня ужасно занимаетъ вопросъ о зрѣющемъ заговорѣ. Но узнать что либо опредѣленное не удается. По нѣкоторымъ обмолвкамъ Пустовойтенко видно, что между Гучковымъ, Коноваловымъ, Крымовымъ и Алексѣевымъ зрѣетъ какая то конспирація, какой то заговоръ, которому не чуждъ еще кое кто».

О заговорѣ этомъ упоминаетъ и П. Н. Милюковъ. «Изъ сообщеній М. И. Терещенко послѣ самоубійства ген. Крымова» пишетъ онъ («Исторія русской революціи» вып. 1, стр. 36) «стало извѣстно, что этотъ «сподвижникъ Корнилова» въ началѣ 1917 г. обсуждалъ въ тѣсномъ кружкѣ подробности предстоящаго переворота. Въ то же время другой кружокъ, ядро котораго составили нѣкоторые члены бюро прогрессивнаго блока, съ участіемъ нѣкоторыхъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, въ виду очевидной возможности переворота, хотя и не будучи точно освѣдомленъ о приготовленіяхъ къ нему, обсуждалъ вопросъ о томъ, какую роль должна сыграть послѣ переворота Государственная Дума.... Значительная часть членовъ перваго состава Временнаго Правительство участвовала въ совѣщаніяхъ этого второго кружка; нѣкоторые знали и о существованіи перваго....»

О подготовлявшемся группою «общественныхъ дѣятелей» низложеніи Государя говоритъ и ген. Лукомскій («Изъ воспоминаній» стр. 33), но по его словамъ, онъ впервые узналъ объ этомъ уже лишь въ половинѣ Марта 1917 г.

Какъ бы осторожно ни расцѣнивать всѣ эти данныя, представляется однако несомнѣннымъ что: 1.) нѣкоторыя изъ лицъ высшаго командованія, въ ихъ числѣ и генералъ Алексѣевъ, задолго до революціи знали, что подготовляется заговоръ, имѣющій цѣлью низложеніе Государя. 2.) лица, подготовлявшія переворотъ, свободно говорили объ

этомъ съ генераломъ Алексѣевымъ, а, по словамъ послѣдняго, такъ же и съ генералами Брусиловымъ и Рузскимъ ,имѣя, очевидно, полное основаніе быть убѣжденными, что ихъ не выдадутъ. 3.) зная о существованіи заговора и о томъ, что, не взирая на его увѣщеванія, подготовка этого тягчайшаго государственнаго преступленія продолжается, генералъ Алексѣевъ не сообщилъ о томъ судебной власти, какъ повелѣвали ему и уголовный законъ и долгъ присяги.

Въ этихъ обстоятельствахъ и слѣдуетъ, видимо, искать разгадки, почему означенныя лица, въ дни 1 и 2 Марта такъ быстро освоились съ мыслью о необходимости настаивать на отреченіи.

Воспоминанія А. С. Лукомскаго рисуютъ намъ борьбу мнѣній,происходившую въ Ставкѣ въ вопросѣ о томъ, какой образъ дѣйствій надлежало принять по отношенію къ возникшимъ въ Петроградѣ мятежнымъ проявленіямъ.

Государь, какъ мы теперь знаемъ, ясно сознавалъ, что мятежному движенію слѣдуетъ противопоставить твердость, а не тѣ уступки, къ которымъ взывали Родзянко и растерявшіяся Петроградскія власти. Онъ понималъ — и событія скоро показали, насколько Онъ былъ правъ —что отвѣтственное передъ палатами Министерство не успокоитъ мятежныя массы, такъ какъ этими массами двигали иныя совершенно побужденія и иные вожди. Кромѣ того, Государь, по опыту 1906 года зналъ и людей, которые образуютъ составъ такого Министерства, и программу, которую они станутъ проводить въ жизнь. А эти люди и эта программа были таковы, что неизбѣжно должны были подпасть вліянію крайнихъ революціонныхъ партій и привести страну къ анархіи; они были совершенно неопытны въ дѣлахъ управленія, легкомысленны и не способны къ какимъ либо дѣйствіямъ, кромѣ угожденія инстинктамъ толпы.

Распоряженія Государя по Ставкѣ и посланная Имъ въ Петроградъ князю Голицыну телеграмма ясно объ этомъ свидѣтельствуютъ. Но Онъ былъ одинокъ. Всѣ окружающіе были противъ Него. Всѣ думали, что передача власти въ руки Родзянко или Князя Львова спасетъ положеніе и избавитъ отъ необходимости подавлять мятежъ силою. Это настроеніе настолько прочно было въ Ставкѣ, что даже такой освѣдомленный наблюдатель, какъ Д. Н. Дубенскій, оставался подъ впечатлѣніемъ, что образованіе Думскаго Министерства было рѣшено и что Государь послалъ изъ Ставки соотвѣтствующія распоряженія въ Петроградъ.

На дѣлѣ было не такъ.

«26 Февраля вечеромъ» пишетъ А. С. Лукомскій «и утромъ 27 Февраля были получены телеграммы отъ предсѣдателя Государственной Думы на имя Государя Императора,въ которыхъ,въ очень мрачныхъ краскахъ, описывалось происходящее въ Петроградѣ и указывалось, что единственный способъ прервать революцію и водворить порядокъ — это немедленно уволить въ отставку всѣхъ Министровъ, объявить Манифестомъ, что кабинетъ Министровъ будетъ отвѣтственъ передъ Государственной Думой и поручить сформированіе новаго кабинета Министровъ какому либо лицу, пользующемуся довѣріемъ общественнаго мнѣнія......»

«27 Февраля около двѣнадцати часовъ, генерала Алексѣева вызвалъ къ прямому проводу Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

«Великій Князь сообщилъ генералу Алексѣеву тѣ же данныя, которыя были изложены въ телеграммахъ предсѣдателя Государственной Думы, и просилъ начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго немедленно доложить Государю, что и онъ считаетъ единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія — срочно распустить нынѣшній составъ Совѣта Министровъ, объявить о согласіи создать отвѣтственное передъ Государственной Думой правительство и поручить сформировать новый кабинетъ Министровъ или предсѣдателю всероссійскаго земскаго союза князю Львову, или предсѣдателю Государственной Думы Родзянко.

«Генералъ Алексѣевъ пошелъ съ докладомъ къ Государю Императору.

«Государь выслушалъ и сказалъ Начальнику штаба, чтобы онъ передалъ Великому Князю, что Государь его благодаритъ за совѣтъ,но что Онъ самъ знаетъ, какъ надо поступить.

«Вслѣдъ за этимъ была получена новая телеграмма отъ предсѣдателя Совѣта Министровъ».

«Князь Голицынъ, указывая, что событія принимаютъ катастрофическій оборотъ, умолялъ Государя немедленно уволить въ отставку весь составъ Министровъ............... и поручить составить новый кабинетъ Министровъ, отвѣтственный передъ законодательными палатами, или князю Львову, или Родзянко.

«Генералъ Алексѣевъ хотѣлъ эту телеграмму послать съ офицеромъ для передачи ее Государю черезъ дежурнаго флигель-адъютанта.

«Но я» — говоритъ генералъ Лукомскій — «сказалъ генералу Алексѣеву, что положеніе слишкомъ серьезно и надо ему идти самому;

что, по моему мнѣнію ,мы здѣсь не отдаемъ себѣ достаточнаго отчета въ томъ, что дѣлается въ Петроградѣ; что, повидимому, единственный выходъ — это поступить такъ, какъ рекомендуютъ Родзянко, Великій Князь и князь Голицынъ; что онъ, генералъ Алексѣевъ, долженъ уговорить Государя.

«Генералъ Алексѣевъ пошелъ.

«Вернувшись минутъ черезъ десять, генералъ Алексѣевъ сказалъ, что Государь остался очень недоволенъ содержаніемъ телеграммы кн. Голицына и сказалъ, что самъ составитъ отвѣтъ.

— «Но Вы пробовали уговорить Государя согласиться на просьбу предсѣдателя Совѣта Министровъ? Вы сказали, что и Вы раздѣляете ту же точку зрѣнія?»

— «Государь со мною просто не хотѣлъ и говорить. Я чувствую себя совсѣмъ плохо и сейчасъ прилягу. Если Государь пришлетъ какой либо отвѣтъ, — сейчасъ же придите мнѣ сказать».

«Часа черезъ два ко мнѣ въ кабинетъ прибѣжалъ дежурный офицеръ и сказалъ, что въ наше помѣщеніе идетъ Государь.

«Я пошелъ на встрѣчу.

«Спускаясь съ лѣстницы, я увидѣлъ Государя уже на первой площадкѣ.

«Его Величество спросилъ у меня:

— «Гдѣ генералъ Алексѣевъ?»

— «Онъ у себя въ комнатѣ; чувствуетъ себя плохо и прилегъ. Прошу Васъ, Ваше Императорское Величество, пройти въ Вашъ кабинетъ, а я сейчасъ позову генерала Алексѣева».

— «Нѣтъ, не надо. Сейчасъ же передайте генералу Алексѣеву эту телеграмму и скажите, что я прошу ее немедленно передать по прямому проводу. При этомъ скажите, что это мое окончательное рѣшеніе, которое я не измѣню ,а поэтому безполезно мнѣ докладывать еще что либо по этому вопросу».

«Передавъ мнѣ, какъ теперь помню, сложенный пополамъ синій телеграфный бланкъ, Государь ушелъ.

«Я понесъ телеграмму начальнику штаба. Телеграмма была написана карандашемъ собственноручно Государемъ и адресована предсѣдателю Совѣта Министровъ.

«Въ телеграммѣ было сказано, что Государь, при создавшейся обстановкѣ не допускаетъ возможности производить какія либо перемѣны въ составѣ Совѣта Министровъ, а лишь требуетъ принятія самыхъ

рѣшительныхъ мѣръ для подавленія революціоннаго движенія и бунта среди нѣкоторыхъ войсковыхъ частей Петроградскаго гарнизона».

«Я вновь просилъ генерала Алексѣева идти къ Государю и умолять измѣнить рѣшеніе; указать, что согласиться на просьбу, изложенную въ трехъ аналогичныхъ телеграммахъ, необходимо.

«Послѣ нѣкоторыхъ колебаній начальникъ штаба пошелъ къ Государю.

«Вернувшись, сказалъ, что Государь рѣшенія не мѣняетъ.

«Телеграмма была послана».

«Главнокомандующему Сѣвернымъ фронтомъ было послано приказаніе немедленно, по подготовкѣ частей, предназначенныхъ къ отправленію въ Петроградъ, ихъ послать по назначенію». («Изъ воспоминаній» стр. 17-19.)

Въ статьѣ А. Блока мы находимъ и текстъ указанной телеграммы Государя князю Голицыну, извлеченной изъ матерьяловъ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи. Онъ вполнѣ совпадаетъ съ изложеніемъ Лукомскаго. Вотъ эта телеграмма:

«О главномъ начальникѣ для Петрограда мною дано повелѣніе начальнику моего штаба съ указаніемъ немедленно прибыть въ столицу. То же и относительно войскъ. Лично Вамъ предоставляю всѣ необходимыя права по гражданскому управленію. Относительно перемѣнъ въ личномъ составѣ при данныхъ обстоятельствахъ считаю ихъ недопустимыми».

Разсказъ генерала С. С. Саввича даетъ картину того, въ какихъ обстоятельствахъ было принято Государемъ окончательное рѣшеніе отречься отъ престола. Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ статьѣ С. Н. Вильчковскаго и изъ телеграммы генерала Данилова, посланной въ Ставку видно, что при этомъ присутствовали, кромѣ Н. В. Рузскаго, генералы Ю. Н. Даниловъ и С. С. Саввичъ.

«За обѣдомъ у себя» пишетъ генералъ Саввичъ — «Рузскій сказалъ двумъ генераламъ: «Я вижу, что Государь мнѣ не вѣритъ. Сейчасъ послѣ обѣда поѣдемъ къ Нему втроемъ, пускай Онъ, помимо меня, еще выслушаетъ Васъ».

«Пріѣхали на вокзалъ около двухъ съ половиною часовъ дня 2 Марта, и всѣ трое немедленно были приняты Государемъ въ салонъ вагонѣ, столовой Императорскаго поѣзда. Кромѣ Государя и ихъ никого не было, и всѣ двери были закрыты плотно.

«Государь сначала стоялъ, потомъ сѣлъ и предложилъ всѣмъ сѣсть, а оба генерала все время стояли на вытяжку. Государь курилъ и предложилъ курить остальнымъ. Рузскій курилъ, а генералы не курили, не смотря на повторное предложеніе Государя.

«Рузскій сначала предложилъ для прочтенія Государю полученныя телеграммы, а затѣмъ обрисовалъ обстановку, сказавъ, что для спасенія Россіи, династіи сейчасъ выходъ одинъ отреченіе его отъ престола въ пользу наслѣдника. Государь отвѣтилъ:« Но я не знаю хочетъ ли этого вся Россія». Рузскій доложилъ: «Ваше Величество, заниматься сейчасъ анкетой, обстановка не представляетъ возможности, но событія несутся съ такой быстротой и такъ ухудшаютъ положеніе, что всякое промедленіе грозитъ неисчислимыми бѣдствіями. Я Васъ прошу выслушать мнѣніе моихъ помощниковъ, они оба въ высшей степени самостоятельные и притомъ прямые люди». Это послѣднее предложеніе съ нѣкоторыми варіаціями Рузскій повторилъ одинъ или два раза. Государь повернулся къ генераламъ и, смотря на нихъ, заявилъ: «Хорошо, но только я прошу откровеннаго мнѣнія». Всѣ очень сильно волновались. Государь и Рузскій очень много курили. Не смотря на сильное волненіе, Государь отлично владѣлъ собою. Первый говорилъ генералъ.... *) о томъ,что Государь не можетъ сомнѣваться въ его вѣрноподданническихъ чувствахъ (Государь его зналъ хорошо) но выше всего долгъ передъ Родиной и желаніе спасти отечество отъ позора, принявъ унизительныя предложенія отъ желающаго насъ покорить ужаснаго врага и сохранить династію; онъ не видитъ другого выхода изъ создавшагося тяжкаго положенія кромѣ принятія предложенія Государственной Думы.

«Государь, обратясь къ другому генералу, спросилъ: «А Вы такого-же мнѣнія?»

«Генералъ этотъ**)страшно волновался.Приступъ рыданій сдавливалъ его горло. Онъ отвѣтилъ:

«Ваше Императорское Величество, Вы меня не знаете, но Вы слышали обо мнѣ отзывы отъ человѣка, которому Вы вѣрили».

Государь: «Кто это».

Генералъ — «Я говорю о генералѣ Дедюлинѣ».

Государь: «О, да».

«Генералъ чувствовалъ,что онъ не въ силахъ больше говорить, такъ какъ онъ сейчасъ разрыдается, поэтому онъ поспѣшилъ кончить:

---

*) Ю. Н. Даниловъ.

**) С. С. Саввичъ.

«Я человѣкъ прямой и поэтому я вполнѣ присоединяюсь къ тому, что сказалъ генералъ Н».

«Наступило общее молчаніе, длившееся одну-двѣ минуты.

«Государь сказалъ: «Я рѣшился. Я отказываюсь отъ престола», и перекрестился. Перекрестились генералы.

«Обратясь къ Рузскому, Государь сказалъ: «Благодарю Васъ за доблестную и вѣрьую службу», и поцѣловалъ его. Затѣмъ Государь ушелъ къ себѣ въ вагонъ. Вошелъ дворцовый комендантъ, свиты генералъ-майоръ Воейковъ, котораго присутствующіе считали однимъ изъ главныхъ виновниковъ переживаемой катастрофы.

«На вопросы Воейкова генералы отвѣчали неохотно и недружелюбно. Рузскій очень небрежно напомнилъ Воейкову, какъ въ Петроградѣ его «Кувaку» употребляли въ качествѣ шумихъ противъ конной полиціи.

«Затѣмъ вошелъ министръ, графъ Фредериксъ. Воейковъ сейчасъ-же вышелъ. Фредериксъ былъ страшно разстроенъ. Онъ заявилъ, что Государь ему передалъ свой разговоръ съ присутствующими и спросилъ его мнѣнія, но раньше чѣмъ отвѣтить на такой ужасный вопросъ, онъ, Фредериксъ, хочетъ выслушать присутствующихъ.

«Фредериксу повторили то, что было сказано Государю. Старикъ былъ страшно подавленъ и сказалъ: «Никогда не ожидалъ, что доживу до такого ужаснаго конца. Вотъ, что бываетъ, когда переживешь самого себя».

. . . .

«Здѣсь-же былъ обсужденъ вопросъ о назначеніи Великаго Князя Николая Николаевича Верховнымъ Главнокомандующимъ. Это мнѣніе было единогласное. На вопросъ Фредерикса, какъ оформить детали, связанныя съ актомъ отреченія, ему отвѣчали, что присутствующіе въ этомъ не компетентны, что лучше всего Государю ѣхать въ Царское Село и тамъ все оформить со свѣдующими лицами. Фредериксъ съ этимъ согласился.

«Въ это время была получена телеграмма,что изъ Петрограда въ Псковъ къ Государю выѣхали членъ Государственнаго Совѣта А. И. Гучковъ и членъ Государственной Думы В. В. Шульгинъ.

«Вошелъ Государь и вынесъ собственноручно написанную имъ телеграмму къ Родзянко о томъ, что нѣтъ той жертвы, которую онъ не принесъ-бы на благо родной матушки Россіи, что для ея блага онъ отказывается отъ престола въ пользу своего сына съ тѣмъ, чтобы онъ до совершеннолѣтія оставался при немъ. Государю было доложено

Фредериксомъ о назначеніи верховнымъ главнокомандующимъ Великаго Князя Николая Николаевича, на что Государь охотно согласился. Затѣмъ Государь снова ушелъ писать телеграмму въ Ставку Алексѣеву, о назначеніи Верховнаго Главнокомандующаго и о своемъ отреченіи. По уходѣ Государя было обращено вниманіе Фредерикса на то, что въ телеграммѣ на имя Родзянко Государь ничего не упомянулъ о Великомъ Князѣ Михаилѣ Александровичѣ. Рузскій написалъ на клочкѣ бумаги, какъ необходимо дополнить телеграмму и передалъ это Фредериксу, который понесъ Государю. Государь вынося дополненную телеграмму Родзянко и телеграмму Алексѣеву заявилъ, что онъ дождется въ Псковѣ Гучкова и Шульгина. Затѣмъ онъ распрощался съ присутствующими, поблагодаривъ генераловъ за откровенный отвѣтъ. Это было въ 3 часа 45 минутъ дня.

«Въ виду ожидавшагося прибытія Гучкова и Шульгина, Рузскій рѣшилъ не отправлять телеграммъ Государя до ихъ пріѣзда.

«Черезъ 20 минутъ Государь потребовалъ эти телеграммы къ себѣ. Рузскій лично понесъ ихъ и уговорилъ Государя оставить ихъ у него (Рузскаго) давъ слово не отправлять ихъ до выясненія цѣли прибытія Гучкова и Шульгина».

---

8 Марта 1917 г., т. е. на шестой день послѣ отреченія, въ Петроградскихъ газетахъ появился отчетъ В. В. Шульгина о поѣздкѣ его съ А. И. Гучковымъ въ Псковъ, гдѣ они получили изъ рукъ Государя актъ отреченія. Отчетъ этотъ написанъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ совершившагося и является первымъ по времени изложеніемъ обстоятельствъ, въ которыхъ отреченіе состоялось.

«Около десяти часовъ вечера мы пріѣхали» — пишетъ В. В. Шульгинъ — «въ Псковъ, гдѣ предполагали первоначально переговорить съ ген. Рузскимъ, который былъ извѣщенъ о нашемъ пріѣздѣ. Но, какъ только поѣздъ остановился, въ вагонъ вошелъ одинъ изъ адъютантовъ Государя и сказалъ намъ: «Его Величество Васъ ждетъ». По выходѣ изъ вагона, намъ пришлось сдѣлать нѣсколько шаговъ до Императорскаго поѣзда. Мнѣ кажется, я не волновался. Я дошелъ до того предѣла утомленія и нервнаго напряженія одновременно, когда уже ничто, кажется, не можетъ ни удивить, ни показаться невозможнымъ. Мнѣ было только все-таки немного неловко, что я явился къ Царю въ пиджачкѣ, грязный, немытый, четыре дня не бритый, съ лицомъ каторжника, выпущеннаго изъ только что сожженныхъ тюремъ.

— «Мы вошли въ салонъ вагонъ,ярко освѣщенный,крытый чѣмъ-то свѣтло-зеленымъ. Въ вагонѣ былъ Фредериксъ, Министръ Двора, и

еще какой-то генералъ, фамиліи котораго я не знаю. Черезъ нѣсколько мгновеній вошелъ Царь. Онъ былъ въ формѣ одного изъ Кавказскихъ полковъ. Лицо Его не выражало рѣшительно ничего больше, чѣмъ, когда приходилось видѣть въ другое время. Поздоровался Онъ съ нами скорѣе любезно, чѣмъ холодно, подавъ руку. Затѣмъ сѣлъ и просилъ всѣхъ сѣсть, указавъ мѣсто А. И. Гучкову рядомъ съ собою, около маленькаго столика, а мнѣ напротивъ А. И. Гучкова. Фредериксъ сѣлъ немного поотдаль, а въ углу вагона сѣлъ за столикомъ генералъ, фамиліи котораго я не зналъ, приготовляясь записывать. Кажется, въ это время вошелъ Рузскій и, извинившись передъ Государемъ, поздоровался съ нами и занялъ мѣсто рядомъ со мною, значитъ противъ Царя.

— «При такомъ составѣ—Царь, Гучковъ, я,Рузскій,Фредериксъ и генералъ, который писалъ — началась бесѣда. Сталъ говорить Гучковъ. Я боялся, что Гучковъ скажетъ Царю что-либо злое, безжалостное. Но этого не случилось. Гучковъ говорилъ довольно долго, гладко, даже стройно въ расположеніи частей своей рѣчи. Онъ совершенно не коснулся прошлаго. Онъ изложилъ современное положеніе, стараясь выяснить, до какой бездны мы дошли. Онъ говорилъ, не глядя на Царя, положивъ правую руку на столъ и опустивъ глаза. Онъ не видѣлъ лица Царя и, вѣроятно, такъ ему было легче договорить все до конца. Онъ и сказалъ все до конца, закончивъ тѣмъ, что единственнымъ выходомъ изъ положенія было-бы отреченіе Царя отъ Престола въ пользу маленькаго Алексѣя, съ назначеніемъ регентомъ Великаго Князя Михаила. Когда онъ это сказалъ ген. Рузскій наклонился ко мнѣ и шепнулъ:

— «Это уже дѣло рѣшенное».

«Когда Гучковъ кончилъ, Царь заговорилъ, причемъ Его голосъ и манеры были гораздо спокойнѣе и какъ-то болѣе просто дѣловиты, чѣмъ взволнованная величіемъ минуты, нѣсколько приподнятая рѣчь Гучкова. Царь сказалъ совершенно спокойно, какъ будто о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ:

— «Я вчера и сегодня цѣлый день обдумывалъ и принялъ рѣшеніе отречься отъ Престола. До трехъ часовъ дня Я готовъ былъ пойти на отреченіе въ пользу моего сына, но затѣмъ Я понялъ, что разстаться съ своимъ сыномъ Я не способенъ».

— «Тутъ онъ сдѣлалъ очень короткую остановку и прибавилъ, но все также спокойно:

«Вы это надѣюсь поймете».

Затѣмъ Онъ продолжалъ:

«Поэтому Я рѣшилъ отречься въ пользу моего брата».

— «Послѣ этихъ словъ Онъ замолчалъ, какъ-бы ожидая отвѣта. Тогда я сказалъ: Это предложеніе застаетъ насъ врасплохъ. Мы предвидѣли только отреченіе въ пользу Цесаревича Алексѣя. Поэтому я прошу разрѣшенія поговорить съ Александромъ Ивановичемъ (Гучковымъ) четверть часа, чтобы дать согласный отвѣтъ.

— «Царь согласился,но не помню ужъ какъ разговоръ снова завязался,и мы очень скоро сдали эту позицію. Гучковъ сказалъ,что онъ не чувствуетъ себя въ силахъ вмѣшиваться въ отцовскія чувства и считаетъ невозможнымъ въ этой области какое-либо давленіе. Мнѣ показалось, что въ лицѣ Царя промелькнуло слабо выраженное удовлетвореніе за эти слова. Я, съ своей стороны сказалъ, что желаніе Царя, насколько я могу его оцѣнить, хотя имѣетъ противъ себя то, что оно противорѣчитъ принятому рѣшенію, но за себя имѣетъ также многое. При неизбѣжной разлукѣ создастся очень трудное, щекотливое положеніе, такъ какъ маленькій Царь будетъ все время думать о своихъ отсутствующихъ родителяхъ и, быть можетъ, въ душѣ его будутъ расти недобрыя чувства по отношенію къ людямъ, разлучившимъ его съ отцомъ и матерью. Кромѣ того большой вопросъ, можетъ-ли регентъ принести присягу на вѣрность конституціи за малолѣтняго Императора. Между тѣмъ такая присяга при настоящихъ обстоятельствахъ совершенно необходима для того, чтобы опять не создалось двойственнаго положенія. Это препятствіе при вступленіи на Престолъ Михаила Александровича, будетъ устранено, ибо онъ можетъ принести присягу и быть конституціоннымъ Монархомъ. Такимъ образомъ мы выразили согласіе на отреченіе въ пользу Михаила Александровича. Послѣ этого Царь спросилъ насъ, можемъ-ли мы принять на себя извѣстную отвѣтственность, дать извѣстную гарантію въ томъ, что актъ отреченія дѣйствительно успокоитъ страну и не вызоветъ какихъ-либо осложненій. На это мы отвѣтили, что насколько мы можемъ предвидѣть, мы осложненій не ждемъ. Я не помню точно, когда Царь всталъ и ушелъ въ сосѣдній вагонъ подписать актъ. Приблизительно около четверти двѣнадцатаго Царь вновь вошелъ въ нашъ вагонъ, — въ рукахъ Онъ держалъ листочки небольшого формата. Онъ сказалъ:

«Вотъ актъ отреченія, прочтите».

— «Мы стали читать вполголоса. Документъ былъ написанъ красиво, благородно. Мнѣ стало совѣстно за тотъ текстъ, который мы однажды набросали. Однако я просилъ Царя послѣ словъ: «Заповѣдуемъ брату Нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ

учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ установлены» — вставить: «принеся въ томъ всенародную присягу».

— «Царь сейчасъ-же согласился и тутъ-же приписалъ эти слова, измѣнивъ одно слово, такъ что вышло: «принеся въ томъ ненарушимую присягу». Такимъ образомъ Михаилъ Александровичъ долженъ былъ-бы принести присягу на вѣрность конституціи и былъ-бы строго конституціоннымъ Монархомъ. Мнѣ казалось, что этого совершенно достаточно, но событія пошли дальше.....

«Актъ былъ написанъ на двухъ или трехъ листочкахъ небольшого формата съ помощью пишущей машинки. На заглавномъ листѣ стояло слѣва слово «Ставка», справа: «Начальнику штаба». Подпись была сдѣлана карандашемъ.

«Когда мы прочли и одобрили актъ, мнѣ кажется произошелъ обмѣнъ рукопожатій, какъ будто имѣвшій сердечный характеръ. Впрочемъ, въ это время я уже безусловно былъ взволнованъ и потому могу ошибаться. Можетъ быть этого и не было. Я помню, что, когда я въ послѣдній разъ взглянулъ на часы, было безъ двѣнадцати минутъ двѣнадцать. Поэтому надо думать, что все это событіе огромной исторической важности произошло между одиннадцатью и двѣнадцатью часами въ ночь со 2-го на 3-ье Марта».

Въ публичной лекціи, прочитанной имъ въ 1921 году въ Софіи и посвященной тому-же событію, В. В. Шульгинъ, повторяя свой разсказъ, прибавилъ нѣсколько чрезвычайно важныхъ подробностей, рисующихъ ту обстановку, въ которой возникла самая мысль о поѣздкѣ его и Гучкова въ Псковъ.

Никто ихъ на это не уполномочилъ, да и уполномочивать не могъ. Вожди Думскаго блока, люди, отъ имени которыхъ Родзянко велъ рѣшительные разговоры съ генералами и которыхъ эти генералы считали руководителями событій, въ дѣйствительности были совершенно отъ нихъ оторваны и никакого значенія не имѣли. Среди этихъ именно людей, совершенно растерянныхъ и метавшихся отъ одной крайности къ другой, возникла мысль, что бунтующую толпу солдатъ, желающихъ избавиться отъ выступленія на фронтъ, можно успокоить отреченіемъ Государя. И эту мысль они выдали генераламъ, вѣровавшимъ въ силу «общественности» и ея вождей, за велѣніе государственной мудрости.

Вотъ, что разсказываетъ Шульгинъ:

«Вообще все пропало. Спасти можетъ только чудо». — сказалъ Шульгину въ отчаяніи Чхеидзе и думалъ, что такимъ чудомъ явится приказъ о выборномъ офицерствѣ.

«Въ три часа ночи на 2-ое Марта» — говоритъ Шульгинъ — «въ

маленькой комнаткѣ Таврическаго дворца, совершенно изнеможенные, сидѣли человѣкъ восемь членовъ комитета Государственной Думы.

«Пріѣхалъ Гучковъ и разсказалъ, что только что на его глазахъ солдаты убили офицера кн. Вяземскаго. Гучковъ объѣхалъ всѣ казармы. Положеніе было всюду безнадежное.

«Подъ вліяніемъ этого разсказа у насъ окончательно окрѣпла мысль, которая все время была въ умахъ и сердцахъ. Можетъ быть отреченіе Царя въ пользу наслѣдника спасетъ положеніе.

«Въ переговорахъ, которые постоянно велъ со Ставкой (съ Алексѣевымъ и другими генералами) Родзянко, вопросъ этотъ уже поднимался. Члены комитета единодушно говорили, что, если инціативы не возьмемъ мы, это сдѣлаютъ другіе. Родзянко сообщилъ, что онъ хочетъ ѣхать въ Ставку, но поѣздъ его не пустили.

«Гучковъ сказалъ тогда: «Надо спѣшить, иначе и насъ не выпустятъ. Я поѣду. Не поѣдетъ-ли еще кто-либо со мною». «Я рѣшилъ»— говоритъ Шульгинъ — «что мнѣ нужно ѣхать».

«Мы съ Гучковымъ тайкомъ проѣхали на вокзалъ и предложили начальнику станціи дать намъ поѣздъ. Черезъ десять минутъ поѣздъ былъ поданъ, и мы двинулись въ Псковъ....» *)

Вотъ кто были и при какихъ условіяхъ выѣхали въ Псковъ тѣ «депутаты», которыхъ ждали тамъ Государь и генералъ Рузскій для совѣщанія о судьбѣ Россіи.

Въ литературѣ и въ общественныхъ кругахъ долго шли споры о томъ, что представляла собою Февральская смута: простой, безформенный бунтъ тыловыхъ солдатъ и черни или революцію, т. е. сознательное стремленіе къ насильственному перевороту, преслѣдовавшее опредѣленную политическую цѣль.

Споръ этотъ нынѣ всѣми, повидимому, считается рѣшеннымъ въ томъ смыслѣ, что это былъ мятежъ тыловыхъ солдатъ, подогрѣтый до нѣкоторой степени агитаціей, вѣроятно не безъ участія нѣмецкихъ денегъ, мятежъ, имѣвшій дѣйствительнымъ основаніемъ нежеланіе тыловыхъ войскъ идти на фронтъ и вспыхнувшій неожиданно для самихъ революціонныхъ партій. На степень-же революціи возвели его случайныя обстоятельства: растерянность Петроградскихъ властей, вмѣшательство Государственной Думы, возглавившей мятежъ какъ только

---

*) По отчету о лекціи, помѣщенному въ издаваемой въ Парижѣ «Послѣднія Новости» 4 Января 1922 г. № 528.

растерянность эта выяснилась,и заразившей своимъ примѣромъ интеллигенцію страны, захватъ Министерства Путей Сообщенія, открывшій революціонерамъ возможность сразу-же оглушить всю Россію телеграфнымъ сообщеніемъ о переворотѣ и нарожденіи новой власти, и, наконецъ, неожиданное отреченіе Государя, придавшее всему совершившемуся какъ-бы титулъ законности и тѣмъ пресѣкшее всякую возможность борьбы и отпора.

Можно, конечно, при желаніи, спорить, какое изъ этихъ обстоятельствъ имѣло преобладающее вліяніе на развитіе смуты, но никто повидимому, не сомнѣвается, что первоначальной причиной, позволившей мятежу превратиться въ революцію и охватить Россію была растерянность военныхъ властей и вялость ихъ дѣйствій.

Разсматриваемые источники даютъ яркое тому свидѣтельство.

«Просматривая впослѣдствіи донесенія Хабалова и Бѣляева» — пишетъ генералъ Деникинъ — «я убѣдился въ полной ихъ растерянности, малодушіи и боязни отвѣтственности».(Очерки, вып. I, стр. 50).

По отзыву самаго предсѣдателя Совѣта Министровъ, князя Н. Д. Голицына, командовавшій войсками въ Петроградѣ, генералъ Хабаловъ производилъ на него впечатлѣніе «очень не энергичнаго и малосвѣдущаго тяжелодума», а докладъ Хабалова показался князю «сумбуромъ». На другихъ Хабаловъ, въ эти дни, произвелъ еще болѣе тяжелое впечатлѣніе: «руки трясутся, равновѣсіе, необходимое для управленія въ такую серьезную минуту, онъ утратилъ» — говоритъ про него Бѣляевъ (А. Блокъ. стр. 30-34.), самъ совершенно растерявшійся.

Неудачнымъ, по свидѣтельству А. И. Деникина, являлся и выборъ генералъ-адъютанта Иванова. «Трудно себѣ представить» — говоритъ онъ — «болѣе неподходящее лицо для выполненія порученія столь огромной важности — по существу — военной диктатуры. Дряхлый старикъ, честный солдатъ, плохо разбиравшійся въ политической обстановкѣ, не обладавшій уже ни силами, ни энергіей, ни волей, ни суровостью......»

Дѣйствія Н. І. Иванова вполнѣ подтвердили справедливость этого отзыва генерала Деникина.

Вотъ, что разсказываетъ А. С. Лукомскій:

«Генералъ Ивановъ» — пишетъ онъ — «благополучно прибылъ въ Царское Село. Поѣздъ его никѣмъ задержанъ не былъ. По прибытіи генералъ Ивановъ, вмѣсто того, чтобы сейчасъ высадить батальонъ и начать дѣйствовать рѣшительно, приказалъ батальону не высаживаться, а послалъ за начальникомъ гарнизона и комендантомъ города.

«Въ мѣстныхъ частяхъ войскъ уже начиналось броженіе и образовались комитеты, но серьезныхъ выступленій еще не было. Кромѣ того, нѣкоторыя части, какъ конвой Его Величества, такъ и собственный Его Величества пѣхотный полкъ, были еще въ массѣ своей вѣрными присягѣ.

«Слухъ о прибытіи эшелона войскъ съ фронта вызвалъ въ революціонно настроенныхъ частяхъ смущеніе; никто не зналъ — что направляется еще за этимъ эшелономъ.

«Но скоро стало извѣстнымъ, что ничего, кромѣ этого единственнаго эшелона, съ фронта не ожидается.

«Оставленіе Георгіевскаго батальона въ поѣздѣ и нерѣшительныя дѣйствія генерала Иванова сразу измѣнили картину.

«Къ вокзалу стали прибывать запасныя части квартировавшія въ Царскомъ Селѣ, и начали занимать выходы съ вокзальной площади и окружать поѣздъ съ прибывшимъ эшелономъ.

«Мѣстныя власти были совершенно растеряны и докладывали генералу Иванову, что они надѣются поддержать порядокъ въ Царскомъ Селѣ; что высадку и какія-либо дѣйствія Георгіевскаго батальона они считаютъ опасными. Совѣтовали генералу Иванову отправиться обратно.

«Съ подобными-же совѣтами и указаніями къ генералу Иванову стали прибывать разныя лица и изъ Петрограда.

— «Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, генералъ Ивановъ согласился, чтобы его эшелонъ отправили на станцію Дно». (Изъ воспоминаній, стр. 21).

Въ воспоминаніяхъ-же Ломоносова мы находимъ подробную запись телефонныхъ переговоровъ его по поводу продвиженія генерала Иванова. Послѣдній говорилъ по телефону съ Министерствомъ Путей Сообщенія, предполагая, что имѣетъ дѣло съ агентами законнаго правительства и былъ введенъ умышленно въ заблужденіе Ломоносовымъ, увѣрившимъ его, что революціонныя власти приняли яко бы обширныя мѣры защиты столицы, въ виду его приближенія.

Приводимъ подробно эти интересныя свѣдѣнія:

«Около четырехъ часовъ утра, 2 Марта, съ Виндавской дороги» — пишетъ Ломоносовъ — «получилась записка, что генералъ Ивановъ арестовалъ начальника станціи Вырица, гдѣ онъ ночевалъ, и во главѣ Георгіевскихъ кавалеровъ и двухъ другихъ эшелоновъ отправился по направленію къ Царскому Селу. Лебедевъ передалъ это извѣстіе въ Думу, а самъ приказалъ разобрать путь между Семрино и Царскимъ.

— Часа черезъ полтора я вспомнилъ, что отъ Семрина есть вѣтка

на Владимірскую и что по ней Ивановъ можетъ проѣхать въ Гатчину. Но тамъ я распорядился спустить балластный поѣздъ на стрѣлкѣ.

Медлить было нельзя ни минуты. Звоню Правосудовичу.

— Каково положеніе?

— Генералъ Ивановъ въ Семринѣ. Говоритъ по телефону съ жандармскими офицерами, выѣхавшими ему на встрѣчу на Владимірскую. Сейчасъ военная комиссія Думы приказала прекратить всякое движеніе. Распоряженіе Лебедева исполнено, но вмѣсто того, чтобы разбирать путь, мы на всѣхъ станціяхъ между Семрино и Царскимъ сняли крестовины, части стрѣлокъ, занумеровали ихъ и привезли въ Петроградъ.

— Блестящая идея. Большое спасибо. Одинъ изъ нашихъ телефоновъ будетъ непрерывно соединенъ съ Вашимъ телеграфомъ. Пусть по нему мнѣ сообщаютъ о всѣхъ движеніяхъ Иванова.

. . . .

Только что я кончилъ говорить съ Правосудовичемъ, какъ телефонный студентъ передалъ мнѣ другую трубку, къ которой былъ вызванъ Лобановъ.

— Что въ Гатчинѣ?

— Тамъ тысячъ двадцать лояльныхъ войскъ.

— Что значитъ лояльныхъ?

— Не революціонныхъ.

— Усвойте себѣ разъ навсегда, что это буновщики. Лояльные это тѣ, которые на сторонѣ народа. Итакъ Гатчина въ рукахъ бунтовщиковъ. Дальше....

— Въ Александровской тоже нѣсколько эшелоновъ, а главное изъ Пскова поѣздъ за поѣздомъ напираютъ новыя войска.

— Снимите въ Гатчинѣ крестовины. А какъ карамболь съ балластнымъ поѣздомъ?

Еще не знаю. Едва-ли...

— Звоню въ Думу.

Военная комиссія?

— Я генералъ Потаповъ, кто говоритъ?

Я помощникъ Бубликова Ломоносовъ

. . . .

— А что для Васъ нужно еще сдѣлать и каково положеніе дѣлъ?

— Я встрѣчу генерала Иванова на 6-ой верстѣ передъ Петроградомъ. У него есть артиллерія?

— Не знаю, но въ Царскомъ есть. А у Васъ есть связь съ Царскимъ?

— Никакой, а у Васъ?

— Я тамъ ночевалъ, но телефонъ не дѣйствуетъ. Войска заявили нейтралитетъ, но въ Гатчинѣ они на сторонѣ стараго порядка.

— Знаю, но вѣдь Ивановъ идетъ на Петроградъ, не на Гатчину.

— Онъ можетъ изъ Семрина повернуть на Гатчину и видимо хочетъ это сдѣлать, но мы постараемся его остановить желѣзнодорожными средствами.

— Какъ же Вы это сдѣлаете? Надо сейчасъ ему на встрѣчу послать войска.

— Черезъ Александровскую и Гатчину Ваши войска не пройдутъ, а между Царскимъ и Семриномъ испорчены стрѣлки.

— Какъ Вы смѣли... а... а... Я Васъ разстрѣляю!

— Позвольте, Ваше Превосходительство, Вы увѣрены въ Царскосельскомъ гарнизонѣ?

Отвѣта не послѣдовало. Положеніе было скверное. Пахло не Потаповскимъ разстрѣломъ, а Царской висѣлицей. Лебедевъ разсказывалъ, что подъ утро они уже фантазировали, какъ насъ будутъ вѣшать: по всѣмъ-ли правиламъ искусства, на газовыхъ фонаряхъ, или на электрическихъ. Сидѣльниковъ не вынесъ этихъ «шутокъ висѣльниковъ» и сбѣжалъ.

— «Ура— кричитъ Лебедевъ — Гатчина отрѣзана отъ Семрина. Повалили поѣздъ и пустили на него другой!

Я началъ танцовать отъ радости, но вдругъ у меня пронеслось въ головѣ: «ну, что ему стоитъ пройти 20 верстъ походнымъ порядкомъ». Но въ слухъ я говорю:

— Доложите объ этомъ Александру Александровичу, (Бубликову). Россія не забудетъ Вашей заслуги, Григорій Васильевичъ.

«Заслуга Лебедева, безспорно, должна быть занесена на скрижали исторіи. Если-бы генералъ Ивановъ прорвался къ Гатчинѣ, исходъ Мартовской революціи могъ-бы быть иной, тѣмъ болѣе, что генералъ Потаповъ, какъ оказалось впослѣдствіи, защищалъ Петроградъ только со стороны Царскаго Села.

«Юрій Владиміровичъ, съ Вами по аппарату желаетъ говорить генералъ Ивановъ. Съ Виндавской передаютъ, что онъ требуетъ назначенія на Петроградъ. «Ну», думаю,: «безъ крестовинъ душенька не поѣдешь».

— Я генералъ-адъютантъ Ивановъ.

Я профессоръ Ломоносовъ.

— Мнѣ управляющій Виндавской сказалъ, что Вы распоряжаетесь движеніемъ и что онъ безъ Васъ не можетъ сдѣлать никакихъ распоряженій. Что это значитъ?

«Еге», думаю: «будемъ хитрить».

— Ваше Превосходительство, въ столь отвѣтственное время распоряженіе дорогами должно быть сосредоточено въ однихъ рукахъ. Линія-же Витебскъ-Петроградъ одна изъ важнѣйшихъ въ военномъ отношеніи.

— Кто Вы такой?

— Послѣ ареста начальника управленія Богашева я несу его обязанности.

— По Высочайшему повелѣнію я слѣдую въ Петроградъ.

— Хотя изъ Ставки такого назначенія не было, я Вамъ вѣрю на слово, но не могу Вамъ гарантировать безопаснаго проѣзда въ Петроградъ.

— Почему?

— Для встрѣчи Вашего поѣзда на 6-ой верстѣ сосредоточено четыре баттареи артиллеріи, и тысячъ двадцать пѣхоты (прихвастнулъ я). Переговорите съ Думой.

— Очень признателенъ за эти свѣдѣнія. Онѣ вполнѣ точны?

— Помилуйте, Ваше Превосходительство, осмѣлюсь-ли я.

— До свиданія.....

— Прошло минутъ сорокъ. Звонокъ съ Виндавской:

— Генералъ Ивановъ настаиваетъ, чтобы его пустили въ Царское. Арестовываетъ служащихъ и грозитъ разстрѣломъ.

— Пускайте; пусть скувырнется на первой стрѣлкѣ. Жаль машиниста, но что дѣлать.

Проходитъ часъ.

— Генералъ Ивановъ вернулся въ Семрино и опять хочетъ ѣхать на Гатчину.

Отлично. Давайте Сѣверозападную... что? я, Ломоносовъ, какъ въ Гатчинѣ?

— Начальникъ станціи отказывается исполнить Ваше распоряженіе о стрѣлкахъ; войска стоятъ твердо на той сторонѣ. Начальникъ участка тяги съ рабочими досталъ гдѣ-то два пулемета и окапывается около депо. Членъ Думы Лебедевъ въ Лугѣ. Говоритъ съ солдатами.

Колебанія Иванова мнѣ положительно нравятся, но его стремленіе въ Гатчину отнюдь нѣтъ.

— Генералъ Ивановъ отступаетъ на Вырицу, повидимому за подкрѣпленіями.

Ура! Мы спасены. Только-бы выиграть время. Какъ только поѣздъ его пройдетъ на югъ, за нимъ съ сѣвера снимать всѣ крестовины.

Такъ онъ былъ отрѣзанъ отъ Семрина».

. . . .

«Юрій Владимировичъ! Виндавская.

— Позади Иванова крестовины сняты.

«У насъ у всѣхъ отлегло отъ души. Главная опасность — Ивановъ съ своими эшелонами — какъ будто миновала. А опасность, какъ потомъ выяснилось, была не малая; наканунѣ онъ получилъ отъ Царицы назначеніе главнокомандующимъ войсками Петроградскаго округа и дѣйствительно пытался подавить революцію. И кто знаетъ прорвись онъ къ Гатчинѣ, что-бы было». (Воспоминанія стр. 41-47.)

Изъ записокъ Ломоносова, а онъ былъ освѣдомленъ болѣе чѣмъ кто либо — видно на какомъ волоскѣ держался всѣ эти дни успѣхъ мятежа. Не получи Ивановъ 2 Марта телеграммы съ повелѣніемъ не принимать никакихъ мѣръ до прибытія Его Величества, не будь остановлены шедшія съ фронта войска, прояви высшее командованіе хоть немного энергіи и напора и мятежъ легко былъ-бы подавленъ.

Объ этомъ согласно свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ освѣдомленныхъ наблюдателей.

Вотъ, что говоритъ по этому поводу А. А. Бубликовъ, слова котораго были уже приведены выше:

«Петербургскій гарнизонъ былъ настолько деморализованъ, на «верхахъ» такъ мало было толку, порядка и дѣйствительно властной мысли, что достаточно было одной дисциплинированной дивизіи съ фронта, чтобы возстаніе въ корнѣ было подавлено. Больше того, его можно было усмирить даже простымъ перерывомъ желѣзнодорожнаго сообщенія съ Петербургомъ; голодъ черезъ три дня заставилъ-бы Петербургъ сдаться. Мнѣ это, сидя въ Министерствѣ Путей Сообщенія, было особенно ясно видно.

«Какъ въ Октябрѣ могли безъ чьего-либо сопротивленія придти большевики, такъ въ Мартѣ могъ еще вернуться Царь. И это чувствовалось всѣми: недаромъ вѣдь въ Таврическомъ Дворцѣ нѣсколько разъ начиналась паника». (Русская революція, стр. 58.)

«Отъ членовъ Государственной Думы и правительства впослѣдствіи я слышалъ» — пишетъ съ своей стороны генералъ Деникинъ — «что вѣсы сильно колебались, и они все время чувствовали себя сидящими на бочкѣ съ порохомъ, который ежеминутно могъ вспыхнуть и уничтожить ихъ всѣхъ и создаваемое ими государственное зданіе».

«Нѣсколько-же офицеровъ, участниковъ событій» — продолжаетъ онъ — «увѣряли меня, что растерянность и всеобщее непониманіе положенія въ столицѣ были такъ велики, что *одинъ твердый батальонъ,* во главѣ съ начальникомъ, понимавшимъ чего онъ хочетъ, могъ повернуть вверхъ дномъ всю обстановку». (Очерки, вып. I, стр. 47.)

То-же впечатлѣніе вынесъ и генералъ Носковъ — одинъ изъ тѣхъ, которыхъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ старому режиму — «подлинный сынъ народа, какъ онъ себя именуетъ» — «Петроградскія событія первыхъ дней революціи» говоритъ онъ «свидѣтельствуютъ, что, несмотря на неудовлетворительность своего состава, гвардейскія части способны были къ суровымъ дѣйствіямъ противъ мятежниковъ. Много разъ революція держалась на волоскѣ и вожди болѣе смѣлые, энергичные и рѣшительные безъ труда могли повернуть колесо исторіи въ другую совершенно сторону. Присутствіе въ Петербургѣ двухъ трехъ вѣрныхъ полковъ съ фронта предупредило-бы возможность распространенія революціи». (A. Noskoff. Nicolas II. p. 178).

Мы ограничиваемся лишь ссылкой на свидѣтельство лицъ либо участвовавшихъ въ революціи, либо отрицательно относившихся къ старому строю Россіи, такъ какъ и тѣ и другіе скорѣе склонны преувеличить силы революціи, чѣмъ пріуменьшать ихъ. Иначе количество такихъ свидѣтельствъ можно было-бы умножить до безконечности; достаточно указать на впечатлѣніе иностранныхъ корреспондентовъ, напримѣръ журнала, «Illustration», которые говорили то-же самое. Да иныхъ впечатлѣній и не могло быть у людей близко видѣвшихъ событія и не впадавшихъ въ панику. И силы и напряженность мятежа въ Петроградѣ были совершенно ничтожны, конечно, до отреченія.

По свидѣтельству унтеръ-офицера Кирпичникова, первымъ поднявшаго мятежъ въ штрафной ротѣ запаснаго батальона Волынскаго полка и награжденнаго за это Георгіевскимъ крестомъ отъ Временнаго Правительства, активныя силы революціи въ Петроградѣ, въ первые дни, не превышали пяти тысячъ человѣкъ, считая и бунтовавшихъ солдатъ, по преимуществу изъ состава штрафныхъ ротъ и вооруженную чернь и выпущенныхъ изъ тюремъ уголовныхъ преступниковъ.

Незначительному количеству мятежниковъ соотвѣтствовало и ничтожное для такого событія количество жертвъ. Регистрація Всероссійскаго союза городовъ опредѣляла число раненныхъ и убитыхъ всего лишь въ 1.443 человѣка, въ томъ числѣ воинскихъ чиновъ 869 (офицеровъ 60) (см. Деникинъ Очерки, вып. I. стр. 36.) Замѣтимъ, что подавляющее число пострадавшихъ были легко раненные, ставшіе жертвами безпорядочной стрѣльбы, производившейся по преимуществу за-

хватившими оружіе подросткамп; большинство-же убитыхъ составляли городовые, захваченные въ одиночку преступнымъ элементомъ, мстившимъ имъ за охрану порядка.

Но, если такъ слаба была революція, то, спрашивается, располагало-ли Правительство достаточными силами, которыя пошли-бы за нимъ на усмиреніе мятежа?

Предоставимъ слово генералу Деникину:

«Было-бы ошибочно думать» — говоритъ онъ — «что армія являлась вполнѣ подготовленной для воспріятія временной «демократической республики», что въ ней не было «вѣрныхъ частей» и «вѣрныхъ начальниковъ», которые рѣшились-бы вступить въ борьбу. Несомнѣнно были..... Армія *тогда* была послушна своимъ вождямъ».

Съ своей стороны А. С. Лукомскій свидѣтельствуетъ, что на такъ называемую «Особую армію», составленную изъ гвардейскихъ частей, можно было «вполнѣ положиться». (Изъ воспоминаній, стр. 19.)

Были, по свидѣтельству А. И. Деникина, и командиры корпусовъ, предлагавшіе свои части для подавленія мятежа. (Очерки, вып. I, стр. 61.)

Но слѣпая вѣра команднаго состава Ставки въ то, что волненія можно успокоить передачей власти въ руки вождей Думскаго блока, лишила ихъ способности къ сопротивленію. И въ этой слѣпотѣ — ихъ тяжкій грѣхъ передъ Россіей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО ОЧАГА» ВЪ ПАРИЖѢ.

Цѣна третьей книги «Русской Лѣтописи»

Во Франціи и Бельгіи . . . . **10** франковъ

Въ прочихъ странахъ — особыя цѣны.

КОНТОРА ИЗДАНІЯ

«РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ» (LES ANNALES RUSSES)

14, rue de l'Yvette, Paris (16e)

Imp. Zeluk et C-ie, 216, Bd Raspail, Paris.